

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

36 2026
ЧАСТЬ I

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 36 (639) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Леонид Абрамович Венгер* (1925–1992), советский психолог.

Леонид Абрамович Венгер родился в Харькове. Большую роль в его воспитании сыграла старшая сестра Александра Абрамовна Венгер, которая впоследствии стала детским психологом и дефектологом.

Сразу после окончания школы Венгер попал на фронт, где служил в пехоте, принимал участие в боевых действиях, был ранен и награжден медалями. После Великой Отечественной войны он поступил в МГУ на философский факультет, где познакомился с Александром Владимировичем Запорожцем, Алексеем Николаевичем Леонтьевым, Александром Романовичем Лурией и другими выдающимися психологами. По окончании университета по распределению он уехал в Таджикистан, где работал учителем литературы в школе, а потом преподавал в университете.

Параллельно с педагогической деятельностью Венгер работал над кандидатской диссертацией на тему «Восприятие отношений (на материале иллюзий тяжести и величины)», которая была успешно защищена в 1955 году. Спустя два года ученый стал заведующим кафедрой педагогики и психологии в Педагогическом институте города Ленинабада (Таджикистан).

В 1960 году по приглашению Александра Запорожца Леонид Абрамович переехал в Москву и сосредоточился на научной работе в Институте дошкольного воспитания АПН СССР.

В 1967 году вышла его книга (в соавторстве с А. В. Запорожцем, В. П. Зинченко и А. Г. Рузской) «Восприятие и действие». В следующем году он защитил докторскую диссертацию «Развитие восприятия и сенсорное воспитание в дошкольном возрасте», а затем издал монографию «Восприятие и обучение (дошкольный возраст)». Всем этим работам предшествовал целый ряд экспериментов и наблюдений за процессом формирования различных перцептивных действий у детей.

В 1970-е годы круг учеников и сотрудников Венгера в лаборатории психологии дошкольника существенно расширился. Кроме того, Леонид Абрамович побывал в годовой командировке на Кубе, что привело к появлению его учеников и в этой стране, с которыми впоследствии он поддерживал связь по переписке. Расширение штата лаборатории дало Венгеру возможность работать сразу в двух направлениях.

Во-первых, он и его ученики изучали формирование сенсорных способностей. Результатом этой работы стала книга «Генезис сенсорных способностей» (1976).

Во-вторых, под его руководством разрабатывался цикл диагностических методик для дошкольников. Огромный труд, приведший к созданию тщательно апробированной и стандартизированной тестовой системы, реализовался

в книге «Диагностика умственного развития дошкольников» (1978). Диагностическая система, разработанная Венгером, доказала свою эффективность и до сих пор используется в детских садах.

В 1980-е годы усилия Леонида Абрамовича и его сотрудников были направлены на изучение структуры общих познавательных способностей. Этот цикл исследований отражен в коллективной монографии 1986 года «Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания». Предложенная ученым разносторонняя программа образования дошкольников была направлена не на то, чтобы снабдить их знаниями, умениями и навыками, а на их подлинное развитие, на формирование способностей. Овладение действиями наглядного моделирования приводит к развитию общих способностей ребенка. Набор игр и заданий для родителей и воспитателей был представлен в серии книг для родителей «Домашняя школа мышления» (1982–1985), а также в пособии «Игры и упражнения по развитию умственных способностей у детей дошкольного возраста» (1989).

В последние годы жизни Леонид Абрамович продолжал свои наблюдения за дошкольниками, обучаясь по экспериментальной программе. Полученные результаты показывали ее эффективность. В дальнейшем на ее основе была разработана программа для детских садов «Развитие». В 1996 году, уже после смерти Леонида Абрамовича, эта программа под редакцией его ученицы О. М. Дьяченко была удостоена премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Леонид Абрамович был блестящим лектором. Он преподавал в МГПИ им. В. И. Ленина на факультете дошкольного воспитания, а затем и в МГУ им. М. В. Ломоносова на факультете психологии.

Разработанные ученым и его учениками методики и программы и сейчас используются во многих образовательных учреждениях не только в России, но за ее пределами, что говорит о большом потенциале этих разработок для развития дошкольников. Это связано главным образом с тем, что Леонид Абрамович не позволял что-либо утверждать бездоказательно. Все положения его теории основывались на многочисленных экспериментах и многократно обсуждались в кругу его учеников и коллег.

Еще одно направление исследований Венгера в 1980-е годы касалось выявления одаренных детей и работы с ними. Программа «Одаренный ребенок» (1995) и книга «Одаренный ребенок» (1997) были опубликованы уже после смерти автора.

Скончался Леонид Абрамович 17 июня 1992 года. Похоронен в Москве на Донском кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Якунин Д. И.

Исследование возможностей 7D-технологий 1

БИОЛОГИЯ

Денисенко О. С.

К вопросу о современном состоянии биологических сообществ водотоков бассейна реки Подкумок 5

Михайленко С. А.

Моделирование эволюции тройчатосложного листа клевера с помощью тератных форм 8

МЕДИЦИНА

Космачева К. В.

Почему раствор Рингера предпочтительнее физраствора: физиологические основы и клинические рекомендации14

Нокер А. А.

Международный опыт по кадровому обеспечению первичной медико-санитарной помощи15

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Акперов Э. Р.

Разработка инновационной стратегии развития организации на примере ОАО «РЖД»20

Здоник Д. К.

Анализ состава и структуры оборотных средств26

Здоник Д. К.

Мероприятия по оптимизации структуры оборотных средств30

Молчанова А. Ф.

Теоретические основы системы управления денежными потоками предприятия.....34

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Авдеенко А. А.

Видео-конференц-связь в гражданском процессе как фактор риска для принципов устности и непосредственности38

Бекшоков А. А.

Правовая природа вещного права в российском праве.....39

Бекшоков А. А.

Договор купли-продажи как основание приобретения права собственности в российском гражданском праве.....43

Гоцик А. М.

Причины совершения преступлений несовершеннолетними лицами в сети Интернет46

Дмитриева В. С.

Проблемы правового регулирования имущественных отношений лиц при разделе имущества и прекращении фактических брачных отношений48

Емельянов Г. О.

Договор розничной купли-продажи в России: генезис правового регулирования....50

Ересько А. В.

Правовые конструкции инвестирования по законодательству Российской Федерации: проблемы конкуренции и выбора54

Зайнуллина А. Р.

Гражданско-правовые последствия ненадлежащего оказания медицинских услуг ...56

Зехов А. А.

Понятие компьютерной информации как объекта оперативно-розыскной деятельности... 58

Историна О. П.

Применение срока исковой давности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.....60

Историна О. П.

Особенности распределения бремени доказывания в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц63

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исследование возможностей 7D-технологий

Якунин Дмитрий Игоревич, студент
Пензенский государственный технологический университет

В статье рассматриваются современные подходы к многомерному моделированию и 7D-технологиям в работах российских исследователей. Анализируются концепции цифровых двойников, информационного моделирования и многомерного анализа данных, предложенные отечественными учёными. На основе обзора существующих подходов автор предлагает собственную интегративную модель 7D-технологий, объединяющую технические, управленческие и прогностические аспекты многомерного моделирования.

Ключевые слова: 7D-технологии, цифровые двойники, информационное моделирование, многомерное моделирование, BIM, технологические уклады, цифровая трансформация.

Введение

В условиях цифровой трансформации российской экономики особое значение приобретают технологии многомерного моделирования, позволяющие создавать цифровые копии физических объектов и процессов. Термин «7D-технологии» в отечественной научной литературе получает всё более широкое распространение, однако его трактовка варьируется в зависимости от предметной области — от строительного информационного моделирования до управления сложными техническими системами и экономического прогнозирования.

Цифровизация является важнейшим фактором устойчивого развития национальной экономики и повышения конкурентоспособности страны [1, с. 80]. Цифровые технологии оптимизируют бизнес-процессы, снижают затраты и формируют устойчивые бизнес-модели компаний. В этом контексте особое место занимают технологии создания цифровых двойников — виртуальных копий объектов или процессов, которые позволяют анализировать работу оборудования, прогнозировать сбои и оптимизировать производственные операции [2, с. 5].

Цель настоящего исследования — систематизировать подходы российских учёных к пониманию 7D-технологий и предложить собственную модель, интегрирующую различные аспекты многомерного моделирования.

Обзор исследований российских учёных

Работы по информационному моделированию в строительстве (BIM)

Значительный вклад в развитие 7D-технологий в России внесла **Светлана Самуиловна Бачурина** —

доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, автор фундаментальной трилогии «Информационное моделирование: методология использования цифровых моделей в процессе перехода к цифровому проектированию и строительству» [3]. В третьей части её книги, вышедшей в 2022 году, содержится глава «Седьмое измерение в информационном моделировании (7D)», где рассматривается история развития информационного моделирования в российской строительной отрасли и предлагается методика оценки ИТ-технологической зрелости организаций [3].

Бачурина подчёркивает, что создание единой информационной экосистемы является ключевым условием перехода к цифровому проектированию и строительству [3]. Её работы отражают стратегию поэтапного воплощения проекта цифровой трансформации, позволяющую компаниям войти в формируемую цифровую информационную экосистему строительной отрасли.

Исследования многомерного моделирования в промышленности

Виктор Баженов и В. Ю. Касперович в совместной работе «3D-7D модели ТИМ на примере воздухоудвунной станции ВКХ» представили гипотезу и основные признаки формирования технологий информационного моделирования в отрасли водоснабжения и водоотведения вплоть до измерения 7D [4]. Их исследование опирается на конкретный практический пример — воздухоудвунную станцию, потребляющую 62–85 % энергии канализационных очистных сооружений [4].

Авторы выделяют следующие измерения в развитии BIM-моделей [4]:

- 3D — трёхмерное геометрическое моделирование;
- 4D — планирование и управление сроками;
- 5D — анализ стоимости и бюджетирование;
- 6D — моделирование устойчивости и эксплуатационных характеристик;
- 7D — управление полным жизненным циклом объекта.

Особый интерес представляет их вывод о том, что эксплуатационный характер предприятий водоснабжения и водоотведения свидетельствует о развитии элементов 6D- и 7D-моделей уже на современном этапе [4]. Эта работа базируется на российских стандартах, включая ГОСТ Р 1.9.393–1.022.21 «Канализационные очистные сооружения. Строительство и реконструкция» [4].

Концепция цифровых двойников в атомной промышленности

Вячеслав Козин — главный конструктор по цифровому моделированию ООО «Центротех-Инжиниринг», ключевой разработчик газовых центрифуг и эксперт в области импортозамещения — в своей лекции для Передовой инженерной школы «Цифровой инжиниринг» СПбПУ подробно раскрыл практические аспекты создания цифровых двойников [5]. Он отметил, что «сегодня цифровой двойник — это не просто 3D-модель, а сложная мультидисциплинарная система, позволяющая с точностью до 5 % прогнозировать поведение реального объекта в различных условиях» [5].

Особого внимания заслуживают реальные проекты, реализованные под руководством Козина в рамках Росатома [5]:

1. Оптимизация гидроциклонов — создание цифровой модели позволило увеличить эффективность очистки на 50 %, сроки проектирования сокращены в 3 раза, виртуальные испытания заменили 85 % физических тестов.

2. Разработка баллонов высокого давления — применение цифрового двойника дало экономию 6 % материала, годовая экономия составила около 1 млрд рублей, время вывода продукта на рынок сокращено на 40 %.

3. Проект «АтомРеверс» — технология восстановления сложного оборудования, полный цикл от 3D-сканирования до производства.

Козин также подчеркнул важность национального стандарта ГОСТ Р 57700.37–2021, разработанного при участии специалистов СПбПУ и регламентирующего методологию создания цифровых двойников [5].

Разработка стандартов цифрового моделирования

Алексей Иванович Боровков — проректор по цифровой трансформации Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, руководитель Научного центра мирового уровня «Передовые цифровые технологии» — внёс существенный вклад в стандартизацию терминологии цифровых двойников [6]. В своей

лекции для XXIII конференции молодых учёных «Навигация и управление движением» он представил проект первой редакции национального стандарта ГОСТ Р «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники. Общие положения» [6].

Боровков особо отметил, что в проекте стандарта приведено 50 определений, из которых 17 были введены впервые, и предложил триаду взаимосвязанных понятий: «математическая модель», «компьютерная модель» и «цифровая модель» [6]. Его работа демонстрирует переход к новой парадигме цифрового проектирования на основе разработки и применения «умных» цифровых двойников (Smart Digital Twin) [6].

В качестве примеров эффективного применения технологии Боровков приводит проекты, выполненные Центром НТИ СПбПУ, включая разработку кузовов единой модульной платформы для проекта «Кортеж» / AURUS (головной исполнитель ФГУП «НАМИ») [6].

Методологический подход к седьмому технологическому укладу

Ловецкий Геннадий Иванович с соавторами в работе «Исследования А. Л. Чижевского как методологический принцип седьмого технологического уклада» предлагает рассматривать совокупность работ А. Л. Чижевского как методологический принцип формирующегося седьмого технологического уклада [1]. Отличительной особенностью этого уклада авторы называют природоподобные изделия и природосообразные технологии [1].

Авторы отмечают, что Чижевский утверждал единство органической и неорганической природы и видел физический субстрат этого единства в электроны, который, в свою очередь, рассматривал как сложное системное образование элементов ещё меньшего порядка [1]. Этот подход созвучен современным представлениям о многомерном моделировании, выходящем за пределы традиционного трёхмерного восприятия.

Наука «Управление» как основа 7-го технологического уклада

Бажутин Игорь Александрович и Бажутина Марина Михайловна в статье «Фундаментальная наука «Управление» как основа постиндустриального развития России» обосновывают необходимость перехода России в масштаб 7-го постиндустриального технологического уклада [7]. Они утверждают, что создание фундаментальной науки «УПРАВЛЕНИЕ» является ключевым фактором этого перехода [7].

По мнению авторов, наука «УПРАВЛЕНИЕ» создаётся путём объединения усилий учёных и практиков на основе «ПТУРС — периодической таблицы управления и развития систем» [7]. Цель создания этой науки — изучение закономерностей, структуры и принципов жизни человека в прошлом, настоящем и будущем для того, чтобы

сделать развитие в макросистеме управляемым и научно обоснованным [7]. Этот подход органично дополняет технические аспекты 7D-моделирования управленческими и социальными измерениями.

Многомерное моделирование в экономике

Тусков Андрей Анатольевич, Имяреков Сергей Михайлович и Соколов Владислав Борисович в работе «Многомерное моделирование экономических показателей малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве» демонстрируют применение методов многомерного моделирования для анализа экономических процессов [8]. Авторы произвели эконометрическое моделирование и определили параметры многомерной модели, характеризующей зависимость инвестиционных затрат на сельскохозяйственное хозяйство от различных факторов [8].

Это исследование показывает, что методы многомерного моделирования успешно применяются в экономических науках для решения прикладных задач прогнозирования и оптимизации, что расширяет сферу применения 7D-подходов за пределы чисто технических областей.

Собственное исследование: интегративная модель 7D-технологий

На основе анализа работ российских учёных можно предложить интегративную модель 7D-технологий, объединяющую технические, экономические, управленческие и прогностические аспекты многомерного моделирования.

Семь измерений интегративной модели

1. 3D — Пространственная структура (геометрическое моделирование). Базовый уровень, представленный в работах Баженова и Касперовича как основа BIM-моделирования [4].

2. 4D — Временная динамика (планирование и управление сроками). Учёт временных параметров, позволяющий моделировать жизненный цикл объекта [4].

3. 5D — Экономические параметры (анализ стоимости). Экономическое измерение, представленное в работах Тускова и его соавторов [8], а также в BIM-подходе Баженова и Касперовича [4].

4. 6D — Эксплуатационные характеристики (устойчивость и эффективность). Учёт эксплуатационных параметров, которые, как отмечает Козин, позволяют прогнозировать поведение объекта с точностью до 5 % [5].

5. 7D — Управление жизненным циклом (интегративное управление). Седьмое измерение в трактовке Баженова и Касперовича, охватывающее полный жизненный цикл объекта [4].

6. Управленческое измерение — предлагаемое дополнение, основанное на работах Бажутина и Бажутиной о фундаментальной науке «УПРАВЛЕНИЕ» [7].

7. Методологическое измерение — интеграция принципов природоподобных технологий, как это предложено Ловецким на основе работ Чижевского [1].

Практическая значимость предложенной модели

Предлагаемая интегративная модель позволяет систематизировать различные подходы российских учёных к многомерному моделированию и создаёт основу для междисциплинарных исследований. Особую ценность модель приобретает в контексте перехода к 7-му технологическому укладу, где, по мнению проанализированных авторов, ключевую роль играют цифровые и управленческие технологии [1; 7].

На основе предложенной модели могут быть разработаны:

- методики оценки технологической зрелости организаций в области многомерного моделирования;
- подходы к интеграции различных типов цифровых двойников в единую информационную экосистему;
- образовательные программы для подготовки специалистов в области 7D-технологий.

Заключение

Проведённый анализ работ российских учёных показывает, что 7D-технологии являются активно развивающимся направлением, объединяющим усилия специалистов из различных областей — от строительного информационного моделирования до управления сложными техническими системами и экономического прогнозирования.

Ключевые достижения отечественных исследователей включают:

1. Разработку методологии 7D-информационного моделирования (Бачурина С. С., Баженов В., Касперович В. Ю.);
2. Создание национальных стандартов в области цифровых двойников (Боровков А. И., Козин В. В.);
3. Развитие управленческих аспектов многомерного моделирования (Бажутин И. А., Бажутина М. М.);
4. Внедрение многомерного моделирования в экономические исследования (Тусков А. А., Имяреков С. М., Соколов В. Б.);
5. Методологическое обоснование седьмого технологического уклада (Ловецкий Г. И. с соавторами).

Предложенная интегративная модель 7D-технологий позволяет объединить эти разрозненные подходы и создать основу для дальнейших исследований в области многомерного моделирования, что особенно актуально в условиях цифровой трансформации российской экономики.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методов интеграции различных 7D-подходов в единые технологические платформы, создание инструментов для практического внедрения многомерных мо-

делей в различные отрасли экономики, а также на формирование образовательных программ для подготовки специалистов, способных работать с многомерными данными и процессами.

Литература:

1. Ловецкий Г. И., Судаков Н. О., Зубарева В. А. Исследования А. Л. Чижевского как методологический принцип седьмого технологического уклада // Сборник трудов Международной научно-практической конференции «Информационно-телекоммуникационные технологии: образование, наука, практика». — М., 2022. — С. 79–84.
2. Лапина М. А., Багаутдинова А. Р., Лапин В. Г., Лапин В. В. Цифровые двойники: обзор решений и перспективы развития // Научно-технический вестник Поволжья. — 2023. — № 2. — С. 5–8.
3. Бачурина С. С. Информационное моделирование. Методология использования цифровых моделей в процессе перехода к цифровому проектированию и строительству. Часть 3. — М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2022. — 412 с.
4. Баженов В. И., Касперович В. Ю. 3D-7D модели ТИМ на примере воздухоудвнй станции ВКХ: гипотеза и основные признаки // Яковлевские чтения: сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М., 2023. — С. 45–52.
5. Козин В. В. Цифровые двойники и реверс-инжиниринг: технологии будущего в атомной промышленности // Открытая лекция в Передовой инженерной школе СПбПУ «Цифровой инжиниринг». — СПб., 2025.
6. Боровков А. И. Технология разработки и применения цифровых двойников // Лекция в рамках XXIII конференции молодых учёных «Навигация и управление движением». — СПб., 2021.
7. Бажутин И. А., Бажутина М. М. Фундаментальная наука «Управление» как основа постиндустриального развития России // Вестник Финансового университета. — 2017. — Т. 21. — Вып. 3. — С. 94–102.
8. Тусков А. А., Имяреков С. М., Соколов В. Б. Многомерное моделирование экономических показателей малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве // Московский экономический журнал. — 2019. — № 5. — С. 120–128.

БИОЛОГИЯ

К вопросу о современном состоянии биологических сообществ водотоков бассейна реки Подкумок

Денисенко Олег Сергеевич, кандидат биологических наук, вице-президент
ООО «Азово-Черноморский научный центр рыбохозяйственных исследований» (г. Москва)

В рамках исследований приводятся результаты исследований по изучению биологических сообществ некоторых поверхностных водных объектов бассейна реки Подкумок, расположенных на территории Ставропольского края, в частности правобережных притоков — реки Юца, реки Аликоновка, реки Березовая, а также левобережных притоков — реки Бугунта, реки Золотушка.

Отображенный в работе перечень видов рыб рассматриваемых водных объектов приведен в соответствии с научными публикациями различных авторов, а также на основании опроса рыбаков-любителей.

Результаты исследований планируется использовать для расширения собственных фондовых данных, необходимых для проведения работ по оценке воздействия на водные биоресурсы и среду их обитания и согласования проектных материалов в структурных подразделениях Федерального агентства по рыболовству.

Ключевые слова: фитопланктон, зоопланктон, зообентос, ихтиофауна, численность, биомасса.

Материал и методы исследований

При проведении исследований и анализе гидробиологических проб использовались типичные для рыбохозяйственных исследований методики и определители [1–3], результаты ранее проводимых нами исследований [4–6], фондовые данные из базы данных показателей современного состояния гидробиологических сообществ фитопланктона, зоопланктона и зообентоса водных объектов Азово-Черноморского и Волжско-Каспийского рыбохозяйственных бассейнов [7]. Структура ихтиоценозов рассматриваемых водотоков была приведена на основании открытых источников профильной литературы в соответствии с опубликованными ранее результатами многочисленных исследований рыбохозяйственных организаций [8–14], а также проводимому нами в период 2021–2026 гг. опросу рыбаков-любителей.

Результаты исследований

Гидрографическая сеть исследуемого района хорошо развита и принадлежит Терскому и Кубанскому бассейнам. Река Подкумок относится к наиболее крупным водотокам Терского бассейна и является правым притоком реки Кума.

Гидробиологические исследования реки Подкумок, а также ее притоков носят фрагментарный характер. В то же время большой объем хозяйственной деятельности приурочен именно к водоохраным зонам данных

водотоков, в том числе деятельность многочисленных предприятий, сброс в водные объекты промышленных сточных вод, забор воды на технические и производственные нужды, застройка территории и т. д.

1. Соответственно понимание современного состояния гидробиоценозов и ихтиофауны водотоков бассейна реки Подкумок является необходимой составляющей для грамотного подхода к оценке воздействия на водные биоресурсы и среду их обитания от антропогенной деятельности в их охранных зонах, минимизации возможного вреда и разработке грамотных природоохранных мероприятий.

Анализ научных публикаций показал, что популяции гидробионтов, обитающих в современный период в рассматриваемых нами водотоках бассейна реки Подкумок эволюционировали в пределах своего гидрологического района и климатической зоны в условиях относительной изоляции и сильного влияния биотических факторов среды: нестабильного водного режима, высокой скорости течения, низкой температуры воды, преобладание каменистых грунтов. Итогом этого стало формирование в водотоках уникальных лотических экосистем. При этом основу биоразнообразия гидробиоценоза водотоков в настоящее время составляют устойчивые к сильному течению организмы бентоса, а менее приспособленные к течению организмы фитопланктона и зоопланктона развиты значительно хуже, а водные и прибрежно-водные макрофиты практически не развиваются.

Фитопланктон

Фитопланктон рассматриваемых водных объектов крайне беден как в видовом, так и в количественном отношении, включает в зависимости от водотока не более десяти-двенадцати родов планктонных водорослей трёх отделов — зелёные (*Chlorophyta*), эвгленовые (*Euglenophyta*) и диатомовые (*Bacillariophyta*). Наибольшим разнообразием в рассматриваемых водотоках характеризуются диатомовые водоросли, как наиболее холодолюбивые виды фитопланктона. Их численность в некоторых реках достигала 80–90 % от общей численностей организмов фитопланктона, при этом на долю зелёных водорослей приходилось в среднем не более 5–7 %, на долю эвгленовых водорослей не более 2–5 %. По биомассе в рассматриваемых водотоках также преобладали диатомовые водоросли, субдоминирующее положение занимали зеленые водоросли.

Анализ количественных показателей фитопланктона рассматриваемых водотоков показал, что в среднегодовая численность в зависимости от водотока составляла от 124,80 тыс. кл./м³ до 379,2 тыс. кл./м³, среднегодовая биомасса варьировала от 0,05 г/м³ до 0,32 г/м³.

Зоопланктон

Состав зоопланктона рассматриваемых водотоков был представлен в основном представителями копепода (*Copepoda*) и коловраток (*Rotatoria*), а также в небольшом количестве другими группами. В весенний период отмечено доминирование как по численности, так и по биомассе представителей копепод и их личиночных стадий — науплиусов. В дальнейшем, с прогревом воды доля коловраток начинает значительно возрастать, делая их доминирующей группой. Летний период характеризуется постепенным нарастанием биомассы зоопланктона. В видовом составе и по величине биомассы доминирующее положение занимают коловратки, остальные группы играют незначительную роль. В осенне-зимний период постепенно начинается снижение биомассы зоопланктона, которое обусловлено понижением температуры воды в водотоках. В этот период доминирующей группой зоопланктона остаются коловратки.

Анализ количественных показателей зоопланктона рассматриваемых водотоков показал, что в среднегодовая численность в зависимости от водотока составляла от 1,9 тыс.экз./м³ до 3,8 тыс. экз./м³, среднегодовая биомасса варьировала от 0,02 г/м³ до 0,88 г/м³.

Зообентос

Зообентосное сообщество рассматриваемых водотоков формируется в условиях особых гидрологических показателей — высокой скорости течения, значительных колебаний уровня воды, высокой насыщенности воды кислородом, каменистыми субстратами. При этом в реках имеются разные биотопы — перекаты и плёсы, закоряженные участки, россыпи гальки и гравия на дне и выходы коренных пород. По-

этому зообентосное сообщество рассматриваемых водотоков в настоящее время значительно более разнообразно по сравнению с сообществами фитопланктона и зоопланктона.

Наибольшее разнообразие в рассматриваемых водотоках достигают реофильные представители амфибиотических насекомых — подёнки, ручейники и двукрылые, жесткокрылые. Доминирующим компонентом зообентосного сообщества по численности являлись двукрылые насекомые (*Diptera*), по биомассе преобладали менее многочисленные, но крупные ручейники (*Trichoptera*).

Анализ количественных показателей зообентоса рассматриваемых водотоков показал, что в среднегодовая численность в зависимости от водотока составляла от 488 экз./м² до 1028 экз./м², среднегодовая биомасса варьировала от 2,21 г/м² до 7,40 г/м².

Ихтиологическая характеристика

Рассматриваемые водотоки относятся к бассейну реки Кума. Видовой состав ихтиофауны данных водотоков типичен для большинства горных рек. В верховьях водотоки являются типичными горными реками с соответствующим видовым составом ихтиофауны с преобладанием видов рыб реофильной группы, которые предпочитают высокие скорости течения воды.

По местам нереста основное количество видов является литофилами (откладывают икру на твёрдый субстрат), также присутствуют представители индифферентной группы (выметывают икру на любой донный субстрат — коряги, заросли водных растений, камни) и псаммофильной группы (откладывают икру на песчаный субстрат). В правобережных притоках реки Подкумок практически полностью отсутствуют фитофильные виды рыб, что связано с отсутствием условий для их естественного воспроизводства (водной и прибрежно-водной донной растительности). В левобережных притоках фитофильные виды рыб отмечаются в низовьях, как правило в городской черте, где в условиях высокой антропогенной нагрузки на водотоки и поступления большого количества биогенных веществ на отдельных локальных участках возможно формирование в прибрежной зоне зарослей прибрежно-водной растительности.

Обитающие в рассматриваемых водотоках виды рыб во взрослом состоянии употребляют в пищу разные группы кормовых организмов. Среди них есть зоопланктофаги и зообентофаги. На ранних стадиях развития молодь всех карповых питается фитопланктоном. Таким образом, обитающие в водотоках рыбы употребляют практически все группы имеющихся в ней кормовых ресурсов.

В составе ихтиофауны рассматриваемых водотоков отсутствуют проходные и полупроходные виды рыб. Наиболее разнообразно семейство Карповые (*Cyprinidae*).

Основные показатели развития биологических сообществ экосистемы водных объектов бассейна реки Подкумок на основании собственных гидробиологических исследований, а также анализа научных публикаций и опроса рыбаков-любителей приведены в таблице 1.

Таблица 1. Основные показатели развития биологических сообществ экосистемы водных объектов бассейна реки Подкумок

Водоток	Основные виды ихтиофауны водотоков в соответствии с научными публикациями, а также опроса рыбаков-любителей	Среднегодовое значение биомассы кормовых организмов		
		Фитопланктон г/м ³	Зоопланктон г/м ³	Зообентос г/м ²
Река Подкумок	Ручьевая форель, подуст терский, голавль кавказский, усач терский, пескарь северокавказский, пескарь терский, быстрянка восточная, уклея кавказская, голец Крыницкого	0,15	0,02	7,40
Река Юца	Ручьевая форель, подуст терский, голавль кавказский, усач терский, пескарь северокавказский, пескарь терский, быстрянка восточная, уклея кавказская	0,22	0,04	6,08
Река Аликоновка	Восточная быстрянка, кавказский длинноусый пескарь, кавказский голавль, кавказская уклея	0,05	0,27	2,98
Река Березовая	Восточная быстрянка, кавказский длинноусый пескарь, кавказский голавль, кавказская уклея, серебряный карась	0,07	0,88	2,21
река Бугунта	карась серебряный, плотва обыкновенная, краснопёрка обыкновенная, уклея обыкновенная, северокавказский длинноусый пескарь, предкавказская щиповка, окунь речной, ёрш обыкновенный	0,32	0,28	3,02
реки Золотушка	карась серебряный, плотва обыкновенная, краснопёрка обыкновенная, уклея обыкновенная, северокавказский длинноусый пескарь, предкавказская щиповка, окунь речной, ёрш обыкновенный	0,30	0,18	3,22

Литература:

1. Кутикова Л. А., Старобогатов Я. И. Определитель пресноводных беспозвоночных Европейской части СССР: планктон и бентос. Л.: Гидрометеиздат, 1977. 511 с.
2. Голлербах М. М., Косинская Е. К., Полянский В. И. Определитель пресноводных водорослей СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951–1986. Т. 1. 420 с.
3. Определитель зоопланктона и зообентоса пресных вод европейской России / С. Я. Цалолихин, А. А. Пржиборо, П. В. Кияшко, И. Г. Ципленкина, Н. А. Березина, Л. В. Иванова, В. И. Гонтарь, Д. В. Туманов, Е. А. Курашов, С. Д. Степаньянц, В. В. Богатов, Е. В. Солдатенко, М. В. Винарский. М., СПб.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. Том 2. 456 с.
4. Денисенко О. С. Изучение биологических сообществ некоторых водных объектов при проведении АО «Черномортранснефть» инженерно-геологических изысканий, учебно-тренировочных занятий и ремонтных работ на подводных переходах магистральных трубопроводов // Научный Лидер. 2026. № 26 (279). С. 157–161.
5. Денисенко О. С. Современное состояние гидробиологических сообществ и ихтиофауны водных объектов рыбохозяйственного значения на территории Краснодарского края, Ставропольского края и Ростовской области при проведении учебно-тренировочных занятий АО «Черномортранснефть» // Вектор научной мысли. 2024. № 2 (7). С. 12–22.
6. Денисенко О. С. Рыбохозяйственная характеристика ручья Капельный на территории г. Ессентуки Ставропольского края // Вектор научной мысли. 2024. № 4 (9). С. 8–12.
7. Денисенко О. С., Добрица К. В. База данных показателей современного состояния гидробиологических сообществ фитопланктона, зоопланктона и зообентоса водных объектов Азово-Черноморского и Волжско-Каспийского рыбохозяйственных бассейнов // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022623382, 12.12.2022. Заявка № 2022623222 от 29.11.2022.
8. Красная книга Ставропольского края: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных. Т. 2. Животные. Ставрополь: Полиграфсервис, 2002. 216 с.

9. Красная книга Российской Федерации (животные). М.: АСТ, 2001. 862 с.
10. Атлас пресноводных рыб России: в 2 т. / Под ред. Ю. С. Решетникова. М.: Наука, 2003. Т. 1–2. 632 с.
11. Дементьев М. С. Ихтиофауна Ставропольского края // Фауна Ставрополя. — Ставрополь: СГУ, 1997. Вып. 7. С. 69–75.
12. Дементьев М. С. О формировании биоразнообразия рыб центральной части Северо-Кавказского региона // Водные биоресурсы и аквакультура Юга России. Краснодар, 2018. С. 57–60.
13. Дементьев М. С., Штефко Ю. Ю. Перспективы формирования фауны бесчелюстных и рыб Ставропольского края (повидовая сводка 2011) // Природа России. 2011. № 10.
14. Дементьев М. С. Эколого-гидрологические особенности формирования биоразнообразия рыб водоемов центральной части Северного Кавказа // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. 2016. Т. 10. № 3. С. 59–63.

Моделирование эволюции тройчатосложного листа клевера с помощью тератных форм

Михайленко Светлана Алексеевна, педагог дополнительного образования
ГБУ ДО Краснодарского края «Эколого-биологический Центр»

В статье рассмотрен вопрос об использовании уродств — тератов — в моделировании эволюции листа клевера. Продемонстрирована возможность использования морфологического и анатомического строения, показаны основные направления эволюции тройчатосложного листа.

Ключевые слова: клевер, тройчатосложный лист, эволюция, тераты, мутации.

Проблемы эволюционной морфологии всегда занимали умы учёных. И действительно, как шла эволюция растений? Почему листья имеют ту или иную форму? Существует множество гипотез на этот счёт, и в нашем исследовании мы попробуем проверить одну из них.

Время от времени у растений возникают различные уродства листьев (или по-научному — тераты). Раньше считалось, что это случайные мутации, поэтому активно такие формы начали изучаться примерно с XX века. На сегодняшний день уже понятно, что такие тератные формы — мощный движущий процесс, на основании которого можно проследить направления эволюции листа растений.

Мы в качестве модельного объекта выбрали растения Клевера лугового (красного), как вида широко распространённого. На примере модельного растения мы решили проверить одну из гипотез эволюции сложного тройчатого листа клеверов. Такие исследования, несущий богатый фактический материал, помогут правильно понимать эволюционные процессы, покажут направления эволюции в доступной форме не только для учащихся химико-биологических классов с углубленным изучением биологии, но и для всех любителей природы [8].

Глобальное антропогенное влияние на флору приводит к возникновению ответных реакций: появляются аномальные тератоморфы с крупными нарушениями строения или условно нормальные с менее резкими нарушениями морфологии. В связи с этим, некоторые исследователи считают, что на сегодняшний день происходит так называемое «антропогенное» видообразование [6]. Наибольшее количество тератологических изменений растений зафиксировано в местах повышенного загрязнения, т. е. тяжелыми металлами, пестицидами и т. д. Согласно исследованиям других ученых, появление тератов связано не только с деятельностью человека, но и в результате воздействия различных возбудителей, например, грибковые, вирусные и бактериальные заболевания, влияние личинок и взрослых насекомых, что вызывает так называемые паразитарные тераты [3].

На сегодняшний день тератология растений рассматривается с нескольких позиций. *Во-первых*, это индикаторная роль в связи с деятельностью человека [2]. В результате загрязнения среды, когда перекрываются адаптационные возможности, полиморфные и широко ареальные виды адаптируются к новым условиям, образуя тераты, что является показателем неблагоприятного влияния антропогенных факторов [1]. *Во-вторых*, это эволюционная морфология и филогения покрытосеменных растений [6; 7]. Так как высокий процент тератов в растительных сообществах свидетельствует о мутационных изменениях в геноме, поэтому тератологические уродства являются нарушением генетической программы развития [4]. Современные исследования убедительно доказали, что обнаруженные уродства вегетативных и генеративных органов, обладают чертами строения, характерными для предков этих растений [5]. *В-третьих*, это видообразо-

вание. Так как тератогенез — это крайнее проявление нормальной изменчивости организмов [4], поэтому тератологические изменения показывают генетически заложенные возможности развития растений, не проявляемые в норме.

Существует несколько тератных форм [2]. Примеры различных тератных форм показаны на рисунке 1.

Рис. 1. Примеры различных тератных форм.

Проблема изменчивости листа цветкового растения уже давно активно изучается в морфологии растений. В настоящее время существует примерная схема направлений эволюционного развития листьев с разнообразными переходами от одной формы к другой (рисунок 2) [5].

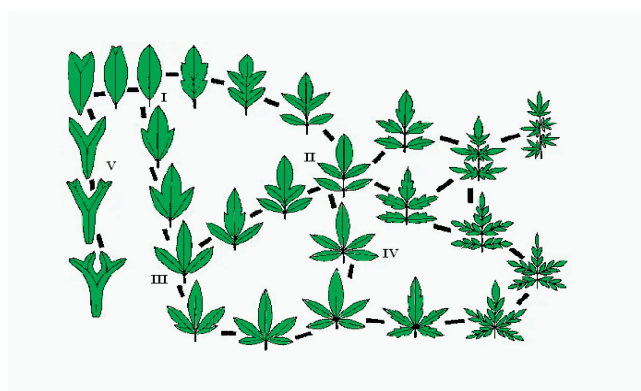

Рис. 2. Примерная эволюция листа

Дальнейшие исследования позволят уточнить и дополнить знания по филогенезу листа цветковых растений, поэтому целью нашей работы было изучение, на основе анатомии и морфологии тератных и нормальных форм, возможного пути эволюции тройчатосложного листа клевера. Согласно исследованиям ученых [1; 2], тератология позволяет проследить эволюцию и филогению покрытосеменных растений. Разнообразные уродства (тераты) обладают чертами строения, характерными для предков этих растений [7], поэтому и можно предположить об эволюционных путях в развитии тройчатосложного листа клевера.

В нашей работе мы использовали два основных метода: *сравнительный* (описание морфологии тератных и нормальных форм листа клевера) и *анатомический* (описание петиолярной анатомии, или анатомии черешка). Для изучения под микроскопом срезы изготавливали вручную лезвием и просматривали под увеличением в 40 раз. Нормальный лист клевера лугового представлен на рисунке 3.

Рис. 3. Нормальные тройчатосложные листья клевера лугового

В процессе изучения клевера в полевых условиях были обнаружены, кроме обычной тройчатосложной формы, четырехлистные и пятилистные тератные листья. Была выдвинута **рабочая гипотеза**, что тройчатосложный лист явление **вторичное**, поэтому возникла необходимость определить исходную (первичную) форму листа.

Анатомическое изучение позволило выявить необычную форму тройчатосложного листа (рисунок 4).

Рис. 4. Новая форма тройчатосложного листа

Сложный лист состоит из общего черешка — рахиса и листовых пластинок (листочков), соединённых с ним маленькими черешочками (рисунок 5).

Рис. 5. Схема строения сложного листа

В норме у клевера лугового в рахисе пять проводящих пучков (рисунок 6).

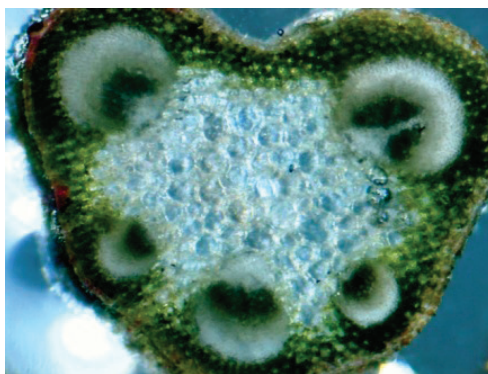

Рис. 6. Срез черешка тройчатосложного листа клевера лугового

На рисунке видно, что трехлистные клевера имеют 5 проводящих пучков в рахисе сложного листа. В узле происходит слияние этих пучков, и разделение на три части, которые переходят в черешки листочков (по одному проводящему пучку в центре).

Новая тератная форма трехлистного клевера лугового имела принципиально другое строение: одинаковое количество проводящих пучков в рахисе и черешке среднего листочка (по три) (рисунок 7).

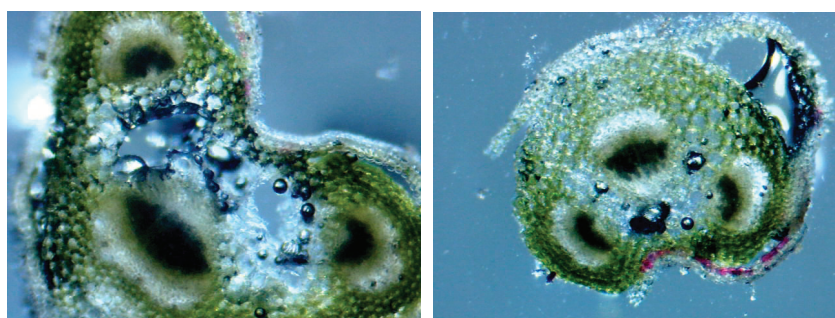

Рис. 7. Анатомия рахиса (слева) и черешка среднего листа (справа)

На рисунке 7 видно, что в рахисе сложного листа три крупных проводящих пучка, которые после узла (и отхождения двух боковых листочков) продолжают в черешок среднего листочка. Далее следует дополнительный небольшой узел, слияние проводящих пучков, и около листочка появляется один пучок в центре (рисунок 8).

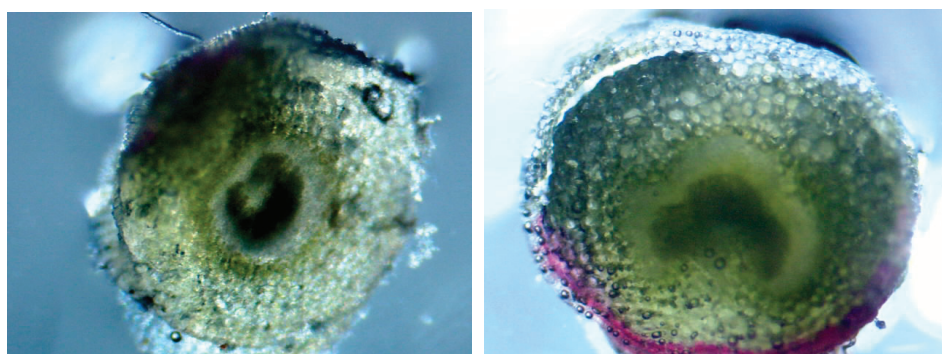

Рис. 8. Черешок бокового листочка (слева) и среднего листочка после узла (справа)

Планируемый нами вариант эволюции тройчатосложного листа

В конечном итоге, схема тератной трехлистной формы может выглядеть следующим образом (рисунок 9). Данная схема наглядно демонстрирует, что исходной является все-таки перистая форма листа. Это доказывается наличием двух узлов, двух рахисов и двух черешков.

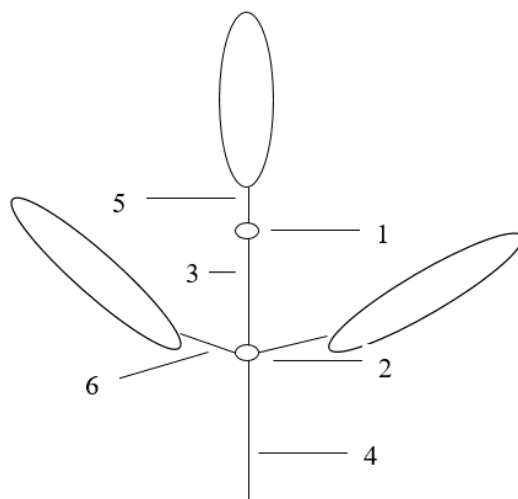

Рис. 9. Схема строения листа тератной формы

Обозначения: 1 — узел первый, 2 — узел второй, 3 — рахис первый, 4 — рахис второй, 5 — черешок первый, 6 — черешок второй

Дополнительным аргументом, в пользу предположения о первичности перистого листа, можно считать обнаружение двух дополнительных лопастей (реже одной лопасти) среднего листочка (рисунок 10).

Рис. 10. Листья клевера с дополнительными лопастями среднего листочка

Первоначальной формой тройчатосложного листа является перистый лист с пока неопределенным числом боковых листочков (рисунок 11).

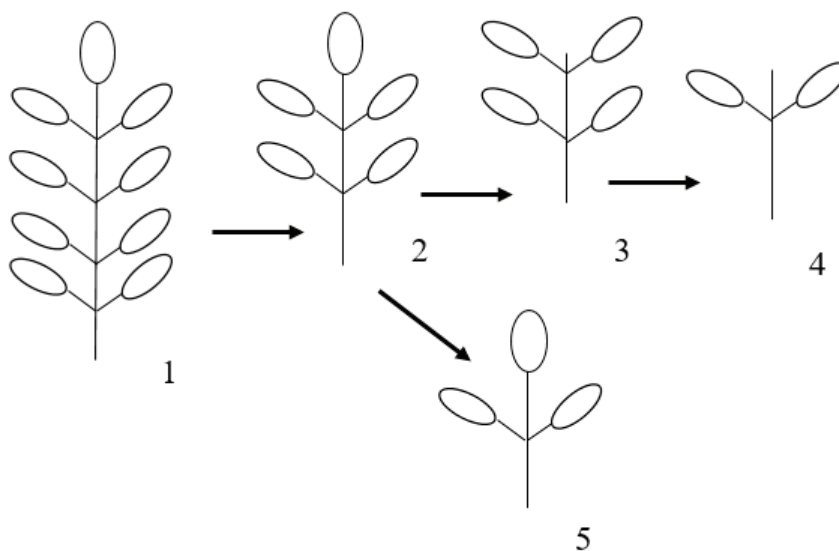

Рис. 11. Вероятная схема эволюции тройчатосложного листа клевера

Далее, от него берет начало пятилистная форма клевера, которая разделяется на два пути: трехлистная форма и четырехлистная форма (вероятно, в связи с редукцией среднего листочка), от которой, в свою очередь, идет очень редкая тератная двулистная форма с недоразвитой средней листовой пластинкой. Данная схема является предположительной, поэтому вероятен и такой вариант, когда от перистого листа произошел тройчатосложный лист, а от него остальные тератные формы. *Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу смогут дальнейшие исследования.*

Таким образом, мы предполагаем, что тройчатосложный лист произошел в процессе уменьшения числа боковых листочков исходного сложного перистого листа. На наш взгляд из всего этого следует, что, благодаря тератным формам и данным петиолярной анатомии, можно предположить путь эволюции листа клеверов. Данные факты наглядно показывают, что перистый лист является наиболее древней формой, а тройчатосложные листья — это уже производные первичного листа.

Тератные формы представляют собой реверсии к исходной форме листовой пластинки. Согласно исследованиям С. В. Мейена о происхождении и эволюции листовой пластинки [5], возможен переход между тройчатой формой и перистой, что подтверждается и нашими результатами исследования.

Литература:

1. Балагезян К. А. Некоторые физиологические особенности растений, формирующих махровые цветки. Атореф. канд. биол. наук. Ереван, 1965, 22с.
2. Дорофеев В. И. Тераты крестоцветных: их место в эволюции и систематике семейства. *Turczaninowia*, 2002, № 5(4), с. 23–30.
3. Залесов С. В., Зотеева Е. А., Магасумова А. Г., Швалева Н. П. Основы фитомониторинга: учебное пособие. — Екатеринбург: УГЛТУ, 2007–76 с.
4. Иващенко А. А. Количественные показатели тератологической изменчивости казахстанских тюльпанов в природе и культуре // *Modern Phytomorphology*, № 6, 2014, с. 151–154.
5. Синюшин А. А. Фасциация цветка. Происхождение увеличенной меристемы // *Вестник Московского ун-та*, сер. 16, № 3, 2010, с. 11–16.
6. Тупицин С. С., Рябогина Н. Е., Тупицина Л. С. Уровень тератогенеза как показатель состояния биообъекта в разных экологических условиях // *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук*, том 14, № 1(3), 2012, с. 822–828.
7. Шаповалова А. А. Экология растений: Учеб.-метод. пособие. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2015–80 с.
8. Михайленко, С. А. О результатах эксперимента по изучению изменчивости живых организмов на примере рода клевер (*Trifolium* L.) и их роли в расширении знаний обучающихся / С. А. Михайленко. — Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. — 2025. — № 51 (602). — С. 69–75. — URL: <https://moluch.ru/archive/602/131653>

МЕДИЦИНА

Почему раствор Рингера предпочтительнее физраствора: физиологические основы и клинические рекомендации

Космачева Кристина Владимировна, студент
Национальный институт организации медицинской деятельности (г. Москва)

В статье рассматриваются физиологические принципы распределения кристаллоидных растворов в организме и обосновывается преимущество сбалансированных растворов (на примере раствора Рингера) перед несбалансированными (на примере 0,9 % раствора NaCl). На примере базовых физиологических механизмов показано, почему большая часть введенного объема кристаллоидов покидает сосудистое русло. Приведено сравнение составов и эффектов двух растворов, а также клинические последствия их применения. Сделан вывод о важности выбора не только объема, но и состава инфузионной среды для безопасности пациента.

Ключевые слова: инфузионная терапия, кристаллоиды, раствор Рингера, 0,9 % раствор NaCl, водно-электролитный баланс, онкотическое давление.

Введение

Инфузионная терапия — один из базовых компонентов анестезиологического пособия и интенсивной терапии. Восполнение дефицита жидкости необходимо для поддержания гемодинамики, однако неправильный выбор раствора или объема может привести к серьезным осложнениям. Долгое время стандартом считался 0,9 % раствор NaCl (физраствор), однако современные подходы смещаются в сторону сбалансированных кристаллоидных растворов, таких как раствор Рингера. Цель данной работы — объяснить физиологические и клинические причины этого смещения, опираясь на базовые механизмы распределения жидкости в организме.

Физиологические основы распределения кристаллоидов

Главный момент, который особенно удивил при разборе темы, — для поддержания сосудистого давления недостаточно просто ввести большой объем жидкости. Так, при вливании целого литра кристаллоидного раствора в сосудистом русле реально остается лишь 200–250 мл (то есть около 20–25 % от введенного объема). Остальная часть довольно быстро уходит в ткани.

Все дело в особенностях строения капилляров: их стенки свободно пропускают воду наружу. При этом удерживать жидкость внутри сосуда нечем, поскольку в простых кристаллоидных растворах отсутствуют крупные белковые молекулы, способные создавать необходимое онкотическое

давление. Именно поэтому стратегия «просто лить больше» не является выходом, избыток жидкости в межклеточном пространстве может привести к развитию отеков и другим осложнениям. Отсюда следует важный вывод: при выборе инфузионной терапии критически важно не только количество вводимой жидкости, но и ее состав [1].

Рассмотрим подробнее, чем именно различаются составы наиболее распространенных растворов и как эти различия влияют на безопасность терапии (табл. 1).

Приведенные различия имеют прямое клиническое значение. Высокое содержание хлора в физрастворе — не просто формальность в описании препарата: исследования показывают, что это повышает риск нарушений функции почек и развития ацидоза. Поскольку, как мы уже выяснили, большая часть введенного объема и так уходит из сосудов в ткани, «агрессивный» состав раствора дополнительно нагружает организм. Раствор Рингера, напротив, восполняет дефицит жидкости более щадящим образом, поддерживая не только объем, но и электролитный баланс. Именно поэтому современные рекомендации отдают предпочтение сбалансированным кристаллоидам, особенно при необходимости введения значительных объемов жидкости [2].

Заключение

Таким образом, выбор инфузионного раствора — это не вопрос привычки, а расчет, основанный на физиологии и данных доказательной медицины. Из-за особенностей распределения кристаллоидов в организме (когда в сосу-

Таблица 1. Сравнительная характеристика 0,9 % раствора NaCl и раствора Рингера

Параметр	0,9 % раствор NaCl (физраствор)	Раствор Рингера
Содержание хлора	Очень высокое (~154 ммоль/л). Это существенно превышает концентрацию хлора в плазме крови	Умеренное (~109 ммоль/л), ближе к физиологическим значениям
Дополнительные компоненты	Отсутствуют. Раствор содержит только натрий и хлор	Содержит калий, кальций и лактат — электролиты, необходимые для нормальной работы клеток
Влияние на кислотно-щелочной баланс	Избыток хлора может приводить к гиперхлоремическому ацидозу — нарушению pH крови	Лактат в составе метаболизируется в бикарбонат, помогая поддерживать нормальный уровень pH
Физиологичность	Несбалансированный раствор: его состав сильно отличается от плазмы крови	Сбалансированный раствор: состав ближе к естественным жидкостям организма

дистом русле остается лишь небольшая часть введенного объема) критически важно учитывать состав раствора. Сбалансированные растворы, такие как раствор Рингера, позволяют восполнить дефицит жидкости, не про-

воцируя дополнительных метаболических нарушений, в отличие от несбалансированного физраствора. Для будущего врача понимание этих принципов — основа безопасной и грамотной терапии.

Литература:

1. Гайтон, А. К. Медицинская физиология / А. К. Гайтон, Дж. Э. Холл. — М. : Логосфера, 2018. — 1296 с.
2. Клинические рекомендации Министерства здравоохранения РФ «Анестезиолого-реанимационное обеспечение пациентов в период хирургического лечения» (актуальная редакция).
3. Клиническая физиология и клиническая фармакология современной инфузионной терапии циркуляторного шока: обзор литературы / И. А. Йовенко, А. В. Царев, Е. А. Кузьмова [и др.] // Медицина неотложных состояний. — 2018. — № 5 (92). — С. 52–65. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskaya-fiziologiya-i-klinicheskaya-farmakologiya-sovremennoy-infuzionnoy-terapii-tsirkulyatornogo-shoka-obzor-literatury> (дата обращения: 15.08.2026).

Международный опыт по кадровому обеспечению первичной медико-санитарной помощи

Нокер Актолкын Асанкызы, студент магистратуры
Медицинский университет Астана (Казахстан)

Первичная медико-санитарная помощь — это вид медицинской помощи, направленный на достижение максимально возможного уровня здоровья каждого члена населения. Это комплексная работа, которая проводится с целью укрепления здоровья населения и профилактики заболеваний, а также улучшения благосостояния населения.

Концепция ПМСП охватывает широкий спектр факторов, определяющих здоровье, и фокусируется на всеобъемлющих и взаимосвязанных аспектах физического, психического и социального здоровья и благополучия. Этот метод не только лечит некоторые личные заболевания человека, но и гарантирует, что он полностью учитывает свои медицинские потребности на протяжении всей своей жизни. Первичная медико-санитарная помощь оказывает людям качественную комплексную помощь, максимально приближенную к повседневной среде оби-

тания, от мер по укреплению здоровья и профилактике до лечения, реабилитации и паллиативной помощи.

На Глобальной конференции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 2018 году в стране была принята «Астанинская декларация». Одним из главных и приоритетных направлений является развитие системы ПМСП, развитие здравоохранения с всеобщим охватом здоровья [1].

Формированию, историческому развитию и реформированию системы ПМСП было посвящено немало научных работ. Среди современных проектов одним из главных событий является принятие в 1978 году Алматинской декларации ВОЗ, направленной на развитие системы ПМСП [2, 3, 4].

На конференции 2018 года в Астане было еще одно доказательство того, что система ПМСП оказывает суще-

ственное влияние на здоровье населения, общественное здравоохранение. На данной Всемирной ассамблее еще раз было определено, что ПМСП является наиболее эффективным и рациональным из всех общеобменных действий [5, 6].

Подходы к оценке состояния ПМСП в разных странах отличаются друг от друга. Например, в Европейском регионе используется европейская система мониторинга первичной медицинской помощи, включающая систему управления, уровень доступности, комплекс показателей по оценке эффективности профилактических мероприятий, ресурсного обеспечения [7, 8].

Всемирная организация семейных врачей (World Fganization of Family Doctors) координирует политику общей практики врачей. Актуальным вопросом является состав практик врачей, их связь с особенностями организации системы ПМСП и условиями практики. Исследование, проведенное путем опроса врачей общей практики (N = 7183) в 34 странах, показало наличие различий в составе практик ВОП, в основном связанных с местными особенностями [26]. При этом можно заметить, что особенности сотрудников ПМСП различаются по всему миру.

Согласно анализу литературных данных, официальных источников, опыт общения с руководителями медицинских организаций ПМСП показывает, что на сегодняшний день в данном секторе здравоохранения существует ряд проблем, связанных с недостаточным уровнем эффективности деятельности, ресурсоснабжением. На протяжении многих лет в системе здравоохранения сохраняются проблемы, связанные с несоответствием численности и структуры медицинских кадров объему выполняемой деятельности, задачам и направлениям развития ПМСП [9, 10, 11, 12, 13].

Очевидно, что одним из главных индикаторов развития системы ПМСП является кадровое обеспечение. Это связано с тем, что одним из важнейших показателей является развитие показателей здоровья общества, квалификация специалистов для оказания качественной медицинской помощи населению, полная обеспеченность медицинской организации медицинскими кадрами. В настоящее время во всем мире немало факторов, которые могут повлиять на благополучие, здоровье населения. В том числе, эмиграция хорошо подготовленных, высококвалифицированных специалистов в некоторые страны, несение службы по специалистам и привлечение специалистов в сельские регионы-это проблема не только в странах СНГ, но и в странах Европы, и она является одним из главных, ослабляющих факторов, влияющих на систему здравоохранения этих стран. В связи с этим в 2010 году ВОЗ приняла Глобальный кодекс по практике международного найма медицинского персонала с государствами-членами. В данном документе определены основные направления здравоохранения государств-членов ВОЗ, права, обязанности и цели эмиграционных медицинских работников [14].

С учетом актуальности данного вопроса ВОЗ подготовила доклад «в европейских регионах ВОЗ в направлении обеспечения сферы здравоохранения постоянными кадрами: основные структурные действия» в направлении стабильности и развития кадров ПМСП 2023 на уровне Европейского региона [15].

– В докладе отражены основные вопросы системы ПМСП:

- старение специалистов;
- недостаточное количество выпускников, окончивших медицинские учебные заведения;
- не выезд специалистов на работу в сельские регионы;

По данным ВОЗ, в странах Европейского региона при организации системы ПМСП возникают кадровые трудности. Данный вопрос не только обострился в период пандемии COVID-19, но и стал причиной возникновения других проблем кадрового обеспечения. Кроме того, после второго полугодия 2022 года, в связи с изменением экономического положения в мире, произошло изменение отношения работников ПМСП к привлекательности данной системы. Поэтому кадровый вопрос сейчас находится в критической ситуации.

Модели системы ПМСП различны в каждой стране, что связано с историческими изменениями и особенностями сферы здравоохранения. В странах с развитой системой здравоохранения, т. е. в странах Европы, можно проследить существенные особенности системы здравоохранения, которые были заложены странами СНГ. Основной особенностью системы ПМСП является то, что большая часть врачей в амбулаторных учреждениях — это врачи общей практики, которые работают с 80–95 % больных. А другие специалисты принимают на стационарном уровне, а не в системе ПМСП [6]. Однако в европейских странах наблюдается кадровая недостаточность в системе ПМСП, но по сравнению со странами СНГ проблема остра в соседних странах и Казахстане из-за специфики системы здравоохранения.

При проведении научно-исследовательской работы был проведен обзор кадрового обеспечения системы ПМСП РФ на 2018–2022 годы. В ходе исследования установлено снижение обеспеченности врачами на 0,96 %.

В деятельности системы ПМСП в РФ, как и в государствах Центральной Азии, СНГ, имеются свои особенности и недостатки. По данным исследования В. И. Шевского, в России, в отличие от других стран, есть возможность одновременно проходить лечение как у врачей общей практики, так и у узких специалистов и проходить диагностические осмотры. Однако одной из главных проблем данной системы является длительная запись на прием к узкому врачу или получение другой помощи ПМСП [16, 17].

Одной из проблем внедрения новой модели в соседней России, как и в государствах СНГ, является недостаточное участие персонала медицинской организации в реализации экономических технологий и проектного управления.

Один из новых принципов системы ПМСП связан с формированием корпоративной культуры в организации и повышением вовлеченности сотрудников в деятельность. Вовлеченность сотрудников и повышение их заинтересованности являются одними из критериев оценки новой модели. В этой связи руководству медицинской организации рекомендуется ежегодно участвовать в реализации индивидуальных проектов по улучшению [18, 19].

Обеспеченность участковыми врачами показала разный уровень в округах региона. В целом с 2018 по 2022 год уровень обеспеченности участковыми врачами вырос на 9,9 %, а обеспеченность врачами общей практики снизилась на 20,3 %. Это различие может быть связано с различными требованиями к уровню профессионального образования участковых врачей и врачей общей практики [20].

Одной из кадровых проблем в России является продолжительное отставание в численности врачей первичной медико-санитарной помощи и врачей-специалистов. В европейских странах доля врачей первичной медико-санитарной помощи составляет 45–55 %, в России этот показатель не превышает 25 %. [21, 8].

В странах Западной Европы число пациентов, проходящих лечение только у врача общей практики без привлечения врачей-специалистов, составляет 80–95 %. В России участковые врачи ведут пациентов с менее сложными заболеваниями, которые составляют лишь треть посещений пациентов. Внедрение современных технологий, направленных на совершенствование процессов деятельности медицинских организаций, оказывающих ПМСП, требует новых подходов к подготовке и использованию медицинских кадров. Проблемы кадрового обеспечения ПМСП влияют на доступность медицинской помощи [5].

1.2. кадровое обеспечение системы ПМСП в Казахстане

Проблема кадрового обеспечения ПМСП представляет собой не только внутреннюю проблему здравоохранения, но и индикатор социального благополучия, эффективности государственной политики и способности системы реагировать на вызовы современности. Всемирная организация здравоохранения подчеркивает, что сильная первая помощь позволяет более эффективно распределять ресурсы, обеспечивает профилактику хронических заболеваний, управление ими и способствует устойчивому развитию здравоохранения. Однако при недостаточности квалифицированных специалистов ПМСП теряет свою основную роль, что приводит к ухудшению показателей здоровья населения, увеличению госпитализаций и неэффективному использованию ресурсов.

Глобальный рост потребности в медицинской помощи, старение населения, рост хронических неинфекционных заболеваний, а также частые эпидемиологические кризисы (например, пандемия COVID-19), значительно увеличиваются нагрузки на первичный состав. В Казахстане эта тенденция особенно ярко проявляется в условиях урбанизации, демографических изменений, а также социально-экономического неравенства между регионами.

Городские центры концентрируют основной кадровый потенциал и ресурсы, а в сельских населенных пунктах продолжается нехватка кадров, оборудования и инфраструктуры.

В Казахстане насчитывается около 3 тыс. организаций ПМСП, в них зарегистрировано около 20 млн человек, создано более 12 тыс. врачебных участков. На эту линию приедут более 34 тыс. врачей и 75,9 тыс. специалистов среднего медицинского персонала [22].

Кроме того, системные и социально-экономические факторы приводят к хроническому дефициту кадров, особенно в сельской местности и среди основных специальностей ПМСП. Данная статья анализирует актуальные данные о состоянии кадров в ПМСП Казахстана, выявляет основные причины дефицита и предлагает практические рекомендации по его преодолению.

Согласно национальной статистике, несмотря на наличие более 70 медицинских вузов, колледжей и центров подготовки, каждый год на рынок труда выходит недостаточное количество специалистов, готовых работать в системе ПМСП, кроме того, значительная часть молодых врачей и медсестер предпочитает работать в узкоспециализированных направлениях или в частных клиниках, что свидетельствует о том, что врачи общей практики, педиатры и оставляет места для терапевтов. Проблема усугубляется тем, что от 20 % до 30 % выпускников вообще не работают в системе здравоохранения или бросают ее в течение первых трех лет после окончания учебы [23].

Одна из причин такой динамики-отсутствие привлекательности карьеры в ПМСП. Работа начального уровня связана с высокой административной и психологической нагрузкой, относительно низкой заработной платой, ограниченными возможностями профессионального роста и социальной поддержки. В этом смысле сельские медицинские работники особенно уязвимы, они должны одновременно работать врачами, менеджерами, логистами и даже социальными работниками, часто без надлежащей компенсации или поддержки.

Проблема дефицита кадров в ПМСП-это не только количественная, но и качественная проблема. Как при официальном участии специалиста на сайте, так и при его фактической готовности к выполнению функций врача общей практики может быть ограничено. Отсутствие современного образования, навыков работы с цифровыми системами, неразвитость института непрерывного медицинского образования-все это снижает эффективность работы специалистов и приводит к низкой удовлетворенности пациентов. Также наблюдается устаревание кадров: более 30 % врачей ПМСП находятся в предпенсионном или пенсионном возрасте, и эта доля увеличивается с каждым годом [24].

В системе здравоохранения РК работают более 78 тысяч врачей и 180 тысяч специалистов среднего звена. В ПМСП посещают более 34 195 врачей и 75 852 средних медицинских работника. По итогам 2024 года количество врачей общей практики (ВОП) составило 9 814, участ-

ковых педиатров -1 934, терапевтов — 710. При этом за последние пять лет наблюдается тенденция к снижению числа участковых терапевтов. В ряде регионов нагрузка врачей ПМСП остается критической (в ЗКО на одного врача приходится более 2 000 прикрепленного населения по 1 700 нормам).

По данным Министерства здравоохранения РК, на конец 2023 года потребность в врачебных кадрах (свободные ставки) составила 4 864 единицы. Из них около 77 % вакансий приходится на городские организации ПМСП, 23 % — на сельские. Таким образом, дефицит ПМСП оставался значительным. Наибольший дефицит наблюдался по ряду основных специальностей: терапевты — 364,3 %, врачи общей практики-290,5 %, акушеры — гинекологи-253,2 % и анестезиологи — реаниматологи-225,0 %. Дефицит педиатров оценивался в 184,3 ставки. При этом сохранялся дефицит среднего медицинского персонала: по итогам 2023 года. Дефицит СМР составил около 4 820 единиц (к концу 2024 года он сократился до ~4 505) [9].

С 2021 года в Министерстве здравоохранения наблюдается постепенное снижение дефицита врачей: в 2024 году он снизился на 19 % по сравнению с 2023 годом (с 4 864 до 3 954 специалистов). Снижение наблюдалось и у средних медицинских работников (7 % в год). Значительно снизился выезд медицинских кадров за границу: если в 2020 году из страны выехали 760 врачей, то в 2024 году — всего около 280 (80 % эмигрантов выбрали страны СНГ). Одновременно увеличилось количество зарубежных специалистов (в 2023 году 608 человек, в основном из СНГ). Однако значительная доля кадровой потребности еще не закрыва-

ется с участием иммигрантов, все еще требуя увеличения отечественного контингента [25, 26].

Высокий уровень мобильности усугубляет кадровый дефицит: по данным ВОЗ, общий мировой оборот медицинских работников составляет всего 8 %, а в ПМСП-29 %. Составляет. Особенно это заметно в крупных городах: в Астане и Алматы показатель ликвидности среди врачей ПМСП достиг 40–43 %. В результате молодой врач часто работает в городской поликлинике всего несколько месяцев, а затем меняет сферу деятельности. При этом средний возраст врачей в РК составляет 44 года, а значительная часть работающих специалистов достигает пенсионного или пенсионного возраста, что также ограничивает потенциал кадровых ресурсов [27].

В долгосрочной перспективе ключевую роль играет улучшение имиджа профессии врача ПМСП и формирование положительного общественного восприятия сельской медицины. Это требует информационных кампаний, пропаганды позитивных примеров, повышения авторитета семейных врачей. Также необходимо расширить каналы участия в формировании кадровой политики медицинских работников через ассоциации, профессиональные ассоциации и механизмы обратной связи. В заключение следует отметить, что дефицит кадров в ПМСП Казахстана-это результат комплексного взаимодействия социально — экономических, институциональных и профессиональных факторов. Решение этой проблемы требует не только количественных подходов (увеличение числа выпускников), но и качественного реформирования системы подготовки, распределения, стимулирования и удержания медицинских работников.

Литература:

1. Официальный сайт ВОЗ: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/primary-health-care>
2. Аксенова, Е. И. Международный опыт моделей первичной медикосанитарной помощи. Экспертный обзор / Е. И. Аксенова, Н. Н. Камынина, Е. О. Короткова — М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021—57 с.
3. Анализ становления первичной медико-санитарной помощи и оценка тенденций ее развития / Е. В. Каракулина, А. В. Поликарпов, Н. А. Голубев [и др.] // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2023. — № 3. — С. 712–737
4. ВОЗ. Информационный бюллетень. Ноябрь 2023. Первичная медикосанитарная помощь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/newsroom/fact-sheets/detail/primary-health-care> (дата обращения: 11.04.2024).
5. Задворная, О. Л. Проблемы и направления развития первичной медикосанитарной помощи / О. Л. Задворная // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2021. — № 3. — С. 653–672. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-napravleniya-razvitiya-pervichnoy-mediko-sanitarnoy-pomoschi> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Приоритетные направления оптимизации амбулаторнополиклинической помощи / М. А. Садовой, Е. А. Финченко, И. В. Шарапов [и др.] // Современные проблемы науки и образования [сетевое издание]. — 2017. — № 6. — С. 16–18.
7. Building Primary Care in a Changing Europe. Ed. by D. S. Kringos, W. G. W. Boerma, A. Hutchinson, R. B. Saltman. Observatory Studies Series. Copenhagen (Denmark): European Observatory on Health Systems and Policies. 2015;38:12–164.
8. Шейман И. М., Шевский В. И., Сажина С. В. Приоритет первичной медико-санитарной помощи — декларация или реальность?. Социальные аспекты здоровья населения. 2019. <https://vestnik.mednet.ru>. DOI: <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2019-65-1-3>.
9. Вялков А. И., Сквирская Г. П., Сон И. М., Серегина И. Ф. Оценка эффективности и качества оказания первичной медико-санитарной помощи населению. Вестник Росздравнадзора. 2016; (5):62–66

10. Стародубов В. И., Сон И. М., Иванова М. А., Армашевская О. В., Люцко В. В., Соколовская Т. А. Затраты рабочего времени врачей-специалистов на оказание медицинской помощи в амбулаторных условиях. Менеджер здравоохранения. 2016; (2):6–12
11. Садовой М. А., Финченко Е. А., Шарапов И. В., Шалыгина Л. С., Иванинский О. И., Филатова О. В. Приоритетные направления оптимизации амбулаторно-поликлинической
12. Каграманян И. Н., Семенова Т. В. Реализация региональных программ кадрового обеспечения системы здравоохранения Российской Федерации. Федеральное справочное. 2015: 306–312
13. Полянин А. В., Проняева Л. И., Федотенкова О. А. Проблемы и направления развития системы финансирования сферы здравоохранения. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019; 27(5):893–903 DOI: 10.32687/0869–866X-2019–27–5–893–903
14. Ходакова О. В., Сенотрусова Ю. Е., Деев И. А., Кобякова О. С. Кадровое обеспечение врачами в первичном звене здравоохранения в России // Здравоохранение РФ. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoye-obespechenie-vrachami-v-pervichnom-zvене-zdravooxraneniya-v-rossii> (дата обращения: 09.05.2026).
15. Borges DO, Nascimento IJ, Abdulazeem HM, et al. The global effect of digital health technologies on health workers' competencies and health workplace: an umbrella review of systematic reviews and lexical-based and sentence-based meta-analysis. Lancet Digit Health. 2023;5(8):e534–44.
16. Шевский, В. И. Новые модели первичной медико-санитарной помощи: зарубежный опыт и Российские перспективы / В. И. Шевский, И. М. Шейман, С. В. Шишкин // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. — 2022. — Т. 68, № 2. — С. 2.
17. Тимофеева, А. С. Современные модели управления поликлиникой: литературный обзор / А. С. Тимофеева // Здоровье мегаполиса. — 2023. — Т. 4, № 2. — С. 101–111.
18. Методические рекомендации «Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь» (3-е издание с дополнениями и уточнениями), утвержденные Министерством здравоохранения Российской Федерации 18.04.2023. [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/408131589/> (дата обращения: 24.04.2024).
19. Методические рекомендации «Реализация проектов по улучшению с использованием методов бережливого производства», утвержденные Министерством здравоохранения РФ, 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/561183959> (дата обращения: 01.04.2023).
20. Ходакова О. В., Сенотрусова Ю. Е., Деев И. А., Кобякова О. С. Кадровое обеспечение врачами в первичном звене здравоохранения в России // Здравоохранение РФ. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoye-obespechenie-vrachami-v-pervichnom-zvене-zdravooxraneniya-v-rossii> (дата обращения: 10.05.2026).
21. Building Primary Care in a Changing Europe. Ed. by D. S. Kringos, W. G. W. Boerma, A. Hutchinson, R. B. Saltman. Observatory Studies Series. Copenhagen (Denmark): European Observatory on Health Systems and Policies. 2015;38:12–164
22. Омирбаева Б. С. Анализ некоторых аспектов кадрового обеспечения здравоохранения Республики Казахстан // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. «Экономика». 2017. № 2(86). С. 187–194.
23. Абзалиева А. Р., Каусова Г. К., Баймуратова М. А., Тасмагамбетов Э. К. Состояние кадровых ресурсов в мире и Республике Казахстан // Фармация Казахстана. 2023. № 5.
24. Айтурсеева А. С. Кадровый дефицит первичной медико-санитарной помощи в Казахстане: масштабы, причины и пути преодоления // Medicine, Science and Education. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-defitsit-pervichnoy-mediko-sanitarnoy-pomoschi-v-kazahstane-masshtaby-prichiny-i-puti-preodoleniya> (дата обращения: 19.05.2026).
25. Groenewegen P. et al. Primary Care Practice Composition in 34 Countries. Health Policy. 2015;119(12): 1576–1583 <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.08.005>.
26. Стародубов В. И., Сон И. М., Иванова М. А., Армашевская О. В., Люцко В. В., Соколовская Т. А. Затраты рабочего времени врачей-специалистов на оказание медицинской помощи в амбулаторных условиях. Менеджер здравоохранения. 2016; (2):6–12
27. Садовой М. А., Финченко Е. А., Шарапов И. В., Шалыгина Л. С., Иванинский О. И., Филатова О. В. Приоритетные направления оптимизации амбулаторно-поликлинической

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Разработка инновационной стратегии развития организации на примере ОАО «РЖД»

Акперов Эльдар Рагим оглы, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты разработки инновационной стратегии развития организации на примере ОАО «Российские железные дороги» [11]. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью инноваций в обеспечении конкурентоспособности крупных инфраструктурных компаний, необходимостью цифровой трансформации транспортной отрасли, повышения качества услуг, безопасности перевозок, эффективности управления активами и устойчивости бизнес-модели. Особое внимание уделено сущности инновационной стратегии, ее месту в системе стратегического управления, а также специфике инновационного развития железнодорожного транспорта.

На примере ОАО «РЖД» проанализированы ключевые направления инновационного развития, включая цифровизацию перевозочного процесса, внедрение интеллектуальных систем управления, развитие высокотехнологичной инфраструктуры, повышение энергоэффективности, применение технологий предиктивной аналитики, автоматизацию производственных процессов и совершенствование клиентских сервисов. В статье предложены этапы формирования инновационной стратегии организации, определены возможные риски ее реализации и методы их минимизации. Сделан вывод о том, что инновационная стратегия ОАО «РЖД» должна быть ориентирована на комплексное технологическое, организационное и управленческое обновление компании, обеспечивающее повышение эффективности деятельности и долгосрочную устойчивость развития.

Ключевые слова: инновационная стратегия, стратегическое управление, инновационное развитие, цифровая трансформация, железнодорожный транспорт, ОАО РЖД, инфраструктура, эффективность, конкурентоспособность, технологические инновации.

Введение

В современных условиях развитие крупных организаций невозможно без системного внедрения инноваций. Инновационная активность становится одним из ключевых факторов повышения эффективности деятельности, укрепления конкурентных преимуществ, расширения рынков и обеспечения устойчивого развития. Особенно большое значение инновации имеют для инфраструктурных компаний, деятельность которых связана с обеспечением функционирования целых отраслей экономики. К числу таких организаций относится ОАО «Российские железные дороги», являющееся одной из крупнейших транспортных компаний России [11].

Железнодорожный транспорт играет важную роль в обеспечении грузовых и пассажирских перевозок, связывает регионы, обслуживает промышленные предприятия, участвует в развитии логистических цепочек и внешнеэкономических связей. При этом масштабы деятельности ОАО «РЖД», высокая капиталоемкость инфраструктуры, значительная протяженность железнодо-

рожной сети, необходимость обеспечения безопасности и бесперебойности перевозок требуют постоянного технологического обновления и совершенствования управленческих решений [1].

Разработка инновационной стратегии является необходимым условием эффективного развития такой организации. Инновационная стратегия позволяет определить приоритетные направления внедрения новых технологий, распределить ресурсы, обеспечить согласованность проектов, снизить риски и повысить результативность преобразований. Для ОАО «РЖД» инновационная стратегия имеет особое значение, поскольку компания функционирует в условиях высокой технологической сложности, значительной социальной ответственности и необходимости соответствовать современным требованиям клиентов, государства и партнеров [1].

Целью статьи является исследование особенностей разработки инновационной стратегии развития организации на примере ОАО «РЖД» и определение направлений повышения эффективности инновационного развития компании.

Сущность инновационной стратегии организации

Инновационная стратегия организации представляет собой долгосрочную систему целей, направлений, методов и инструментов, обеспечивающих создание, внедрение и использование инноваций для достижения стратегических преимуществ. Она является составной частью общей стратегии развития организации и определяет, каким образом предприятие будет использовать научно-технический потенциал, цифровые технологии, организационные изменения и новые бизнес-модели для повышения эффективности своей деятельности [3, с.68].

Инновационная стратегия может включать технологические, продуктовые, процессные, организационные, маркетинговые и управленческие инновации. Технологические инновации связаны с внедрением нового оборудования, автоматизированных систем, цифровых платформ, интеллектуальных технологий и современных материалов. Продуктовые инновации предполагают создание новых услуг или улучшение существующих предложений для потребителей. Процессные инновации направлены на совершенствование производственных, логистических, управленческих и сервисных процессов. Организационные инновации связаны с изменением структуры управления, методов взаимодействия подразделений, корпоративной культуры и механизмов принятия решений [5, с.95].

Формированию инновационной стратегии, как правило, предшествует детальный анализ среды организации и оценка её внутреннего потенциала — без этого этапа дальнейшие управленческие решения окажутся необоснованными.

Внешний контур анализа охватывает довольно широкий круг факторов. Сюда относятся технологические тенденции, острота конкурентной борьбы, изменяющиеся запросы клиентов, нормативно-правовые требования, текущее положение предприятия на рынке. Немаловажную роль играют также развитие смежных отраслей и общие макроэкономические условия, задающие рамки для любых стратегических инициатив.

Внутренний контур раскрывается иначе — через призму ресурсов организации. Компетенции персонала, кадровый потенциал, финансовые возможности предприятия, состояние основных фондов — все эти параметры формируют базу для реализации инновационных замыслов. Степень цифровизации бизнес-процессов, специфика корпоративной культуры, инновационная активность сотрудников дополняют картину внутренней среды.

Основное предназначение инновационной стратегии заключается в переходе предприятия от разрозненного внедрения отдельных новшеств к системному управлению собственным инновационным развитием. Это принципиальное различие: обновление здесь понимается не как совокупность единичных мероприятий, а как непрерывный процесс, ориентированный на достижение измеримых экономических, технологических и социальных результатов [4, с.123].

Значимость инновационной стратегии возрастает по мере укрупнения компании: освоение новых технологий сопряжено с крупными инвестициями, согласованной работой множества подразделений и растянутыми сроками реализации. Неверно расставленные приоритеты оборачиваются нерациональным расходом ресурсов, отставанием в технологическом отношении и утратой конкурентных позиций. Отсюда требования к стратегии: обоснованность, реалистичность, гибкость и нацеленность на долгосрочный эффект.

Особенности инновационного развития железнодорожного транспорта

Специфика разработки инновационной стратегии на железнодорожном транспорте предопределяется рядом отраслевых черт. Первая из них — выраженная зависимость отрасли от состояния инфраструктуры. Результативность перевозок определяется состоянием путевого хозяйства, станций, локомотивного парка, вагонного парка, систем сигнализации, связи, энергоснабжения и управления движением. Следовательно, нововведения здесь не могут ограничиваться точечными техническими решениями и должны распространяться на транспортную систему целиком [11].

Вторая черта отрасли — приоритет требований безопасности. Каждое нововведение на железнодорожном транспорте подлежит всесторонней проверке, так как надежность технических систем определяет жизнь и здоровье пассажиров, сохранность грузов и устойчивость перевозочного процесса. Это требует особого подхода к тестированию, сертификации и поэтапному внедрению новых решений.

Третьей особенностью является длительный жизненный цикл инфраструктурных объектов и подвижного состава. Железнодорожные пути, мосты, тоннели, станции, локомотивы и вагоны эксплуатируются в течение многих лет. В связи с этим инновационная стратегия должна учитывать необходимость модернизации существующих активов, совместимость новых технологий с действующими системами и рациональное планирование капитальных вложений [7, с.117].

Четвертой особенностью является масштаб деятельности. ОАО «РЖД» управляет огромной сетью объектов, большим количеством работников, сложными логистическими процессами и значительными объемами перевозок. В таких условиях инновации должны обеспечивать не только локальное улучшение отдельных операций, но и повышение эффективности всей системы управления.

Пятой особенностью является наличие различных групп потребителей. Компания оказывает услуги грузоотправителям, пассажирам, промышленным предприятиям, логистическим операторам и другим участникам рынка. Поэтому инновационная стратегия должна учитывать потребности разных клиентов: для грузовых перевозок важны скорость, надежность, прозрачность логистики

и стоимость; для пассажиров — комфорт, безопасность, удобство покупки билетов, качество сервиса и соблюдение расписания [11].

Таким образом, инновационное развитие железнодорожного транспорта должно быть комплексным и включать техническое обновление, цифровую трансформацию, развитие клиентских сервисов, совершенствование управления активами, повышение энергоэффективности и внедрение современных методов организации труда.

Общая характеристика ОАО «РЖД» как объекта инновационного развития

ОАО «Российские железные дороги» является одной из крупнейших транспортных компаний, осуществляющих грузовые и пассажирские перевозки, управление железнодорожной инфраструктурой, эксплуатацию подвижного состава, развитие вокзальных комплексов, логистических сервисов и сопутствующих направлений деятельности. Компания имеет стратегическое значение для экономики, поскольку железнодорожный транспорт обеспечивает значительную часть грузооборота и пассажирских перевозок [1].

Масштаб деятельности ОАО «РЖД» диктует необходимость непрерывного технологического обновления. Компания обслуживает разветвлённую инфраструктуру — железнодорожные пути, станции, сортировочные комплексы, депо, системы электроснабжения, сигнализации и связи. Значительная доля работ приходится на ремонт основных фондов, управление движением поездов, организацию перевозочного процесса и взаимодействие с клиентами [11]. Инновационное развитие компании имеет экономическое и социальное значение: улучшение качества пассажирских перевозок, модернизация вокзальных пространств, доступность услуг, безопасность и экологичность перевозок напрямую влияют на качество жизни граждан и развитие регионов. Среди насущных задач — рост производительности труда, сокращение издержек, увеличение пропускной способности инфраструктуры. Прогресс достигим лишь при выработке цельной инновационной стратегии.

Ряд инновационных направлений компания разрабатывает уже сейчас: это цифровизация управления перевозками, электронные сервисы для клиентов, автоматизация диагностики инфраструктуры, развитие интеллектуальных систем управления движением, обновление подвижного состава и рост энергоэффективности. Тем не менее устойчивого эффекта удастся добиться лишь тогда, когда отдельные инновационные проекты будут сведены в единую стратегию развития компании [11].

Основные направления инновационной стратегии ОАО «РЖД»

Одним из ключевых направлений инновационной стратегии ОАО «РЖД» является цифровая трансформация. Она предполагает внедрение цифровых платформ,

автоматизированных систем управления, электронного документооборота, технологий больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и предиктивной аналитики. Цифровизация позволяет повысить прозрачность процессов, ускорить принятие управленческих решений, снизить издержки и улучшить качество обслуживания клиентов.

В грузовых перевозках цифровые решения могут использоваться для отслеживания перемещения грузов, прогнозирования сроков доставки, оптимизации маршрутов, управления вагонным парком и взаимодействия с грузоотправителями. Для клиентов важна возможность получать актуальную информацию о статусе перевозки, оформлять документы в электронном виде, рассчитывать стоимость услуг и планировать логистику через цифровые сервисы [10, с.62].

Инновационные процессы в сфере пассажирских перевозок сегодня неразрывно связаны с мобильными приложениями, электронными билетами, персонализированными сервисами и интеллектуальными системами информирования пассажиров. Бесконтактная оплата и повышение качества обслуживания на вокзалах и непосредственно в поездах дополняют этот перечень, формируя целостную картину технологического обновления отрасли.

Запрос современного пассажира складывается из нескольких составляющих: удобства, скорости, прозрачности и высокого уровня сервиса. Именно поэтому цифровые каналы взаимодействия постепенно превращаются в весомый фактор конкурентоспособности перевозчика.

Отдельного внимания заслуживает внедрение интеллектуальных систем управления движением поездов. Оно повышает пропускную способность железнодорожных линий, сокращает интервалы между поездами и укрепляет безопасность движения. Использование инфраструктуры при этом становится заметно более рациональным. Автоматизированное диспетчерское управление, в свою очередь, обеспечивает точность планирования и снижает влияние человеческого фактора — обстоятельство, которое трудно переоценить с учётом масштабов сети.

Развитие технологий диагностики и предиктивного обслуживания инфраструктуры и подвижного состава представляет собой самостоятельное направление инноваций. Традиционный ремонт привязан к плановым интервалам, современный же уровень техники позволяет перейти к обслуживанию по фактическому техническому состоянию. Датчики, диагностические комплексы, аналитические модели и цифровые двойники дают возможность заблаговременно обнаруживать дефекты, прогнозировать отказы и предотвращать аварийные ситуации. Результатом становятся сокращение ремонтных затрат, продление срока службы оборудования и рост надёжности перевозок [9, с.71].

Значительное место отводится модернизации подвижного состава. Стратегия инновационного развития пред-

усматривает обновление локомотивов, пассажирских вагонов, электропоездов и специализированного подвижного состава. От новой техники ждут повышения энергоэффективности, надёжности, комфорта, экологичности, а также сокращения расходов при эксплуатации. Что касается пассажирского сегмента, здесь важно развитие современных поездов с улучшенными условиями для разных категорий пассажиров, в том числе маломобильных граждан.

В числе приоритетов — и повышение энергоэффективности. Железные дороги традиционно причисляют к самым энергоэффективным видам транспорта, но масштабы работы ОАО «РЖД» требуют планомерного снижения расхода энергоресурсов. Дальнейшие перспективы связывают с энергосберегающими технологиями, рекуперацией энергии при торможении, оптимизацией режимов ведения поездов, обновлением систем электроснабжения, внедрением энергоэффективного освещения, а также автоматизированным учётом потребляемой энергии [8, с.79].

Также важным элементом инновационной стратегии является развитие экологически ориентированных технологий. Современные организации все чаще оцениваются не только по финансовым показателям, но и по степени экологической ответственности. Для ОАО «РЖД» актуальны снижение выбросов, повышение эффективности использования ресурсов, развитие экологического мониторинга, сокращение отходов, внедрение ресурсосберегающих технологий и повышение экологической безопасности производственных процессов.

Организационные инновации также имеют большое значение. Даже самые современные технологии не дадут необходимого эффекта без изменения управленческих процессов, подготовки персонала и развития инновационной культуры. Для ОАО «РЖД» актуальны совершенствование проектного управления, развитие корпоративных программ обучения, поддержка инициатив работников, внедрение гибких методов управления проектами, расширение взаимодействия с научными организациями, вузами, технологическими компаниями и стартапами [6, с.84].

Этапы разработки инновационной стратегии развития ОАО «РЖД»

Разработка инновационной стратегии должна осуществляться поэтапно. Первый этап предполагает проведение стратегического анализа. На этом этапе оценивается текущее состояние компании, уровень технологического развития, эффективность бизнес-процессов, состояние инфраструктуры, потребности клиентов, кадровый потенциал, финансовые возможности и внешние технологические тенденции. Также необходимо определить сильные и слабые стороны организации, возможности и угрозы, влияющие на инновационное развитие [2, с.92].

Второй этап связан с формулированием стратегических целей инновационного развития. Для ОАО «РЖД» такими целями могут быть повышение безопасности перевозок,

увеличение пропускной способности инфраструктуры, сокращение эксплуатационных затрат, повышение качества пассажирских и грузовых услуг, развитие цифровых сервисов, повышение энергоэффективности, снижение технологических рисков и рост производительности труда.

Третий этап предполагает выбор приоритетных направлений инноваций. Поскольку ресурсы организации ограничены, необходимо определить, какие проекты имеют наибольший стратегический эффект. Приоритет должны получать инновации, обеспечивающие высокий экономический результат, повышение безопасности, улучшение качества услуг, снижение затрат и развитие долгосрочных конкурентных преимуществ.

Четвёртый этап состоит в формировании портфеля инновационных проектов. В такой портфель следует включать проекты различного уровня: крупные инфраструктурные проекты, цифровые платформы, пилотные технологические решения, организационные изменения, программы обучения сотрудников и клиентские сервисы. Важным условием выступает соразмерность краткосрочных инициатив с быстрой отдачей и долгосрочных проектов, направленных на глубокое обновление компании [3, с.142].

Пятый этап по своему содержанию связан с ресурсным обеспечением стратегии. Реализация инновационных проектов требует финансовых средств, подготовленных специалистов, партнёров в технологической сфере, информационной инфраструктуры, а также системы проектного управления. На этом же этапе фиксируются источники финансирования, ответственные подразделения, сроки выполнения работ и показатели результативности.

Шестой этап охватывает собственно внедрение инноваций. Стратегия воплощается поэтапно — через пилотные проекты, апробацию решений, оценку достигнутых результатов и последующее масштабирование удачных практик. Такая логика снижает риски и даёт возможность приспособить нововведения к реальным условиям работы компании.

Завершающим, седьмым этапом реализации инновационной стратегии выступает мониторинг и оценка её эффективности. Этот этап нельзя считать формальной процедурой — речь идёт о постоянном, регулярном анализе достигнутых результатов в сопоставлении с плановыми показателями, заложенными на предыдущих стадиях разработки стратегии. Именно на данном этапе выявляются отклонения от намеченного курса, корректируются отдельные проекты, обновляются стратегические приоритеты компании.

Принципиально важно понимать: инновационная стратегия не может оставаться статичной конструкцией. Она обязана адаптироваться к изменениям технологической среды, рыночной конъюнктуры и внутренних условий функционирования организации [5, с.160]. Автор полагает, что именно гибкость стратегии определяет её жизнеспособность в условиях, когда технологический уклад меняется быстрее, чем успевают перестраиваться организационные структуры.

Применительно к ОАО «РЖД» оценка результативности инновационной стратегии требует использования системы количественных и качественных показателей. Среди количественных показателей выделяются снижение эксплуатационных затрат, рост производительности труда, увеличение пропускной способности инфраструктуры. Сюда же относятся сокращение времени обработки грузов, повышение скорости доставки, уменьшение простоев оборудования. Дополнительно учитываются снижение аварийности и отказов технических систем, рост доли электронного документооборота, увеличение числа пользователей цифровых сервисов — показатели, отражающие степень цифровой зрелости компании.

Экономическая эффективность инновационных преобразований раскрывается через совокупность взаимосвязанных проявлений [4, с.145]. Сокращаются затраты на ремонт и техническое обслуживание, экономятся энергетические ресурсы. Растёт выручка от новых видов услуг, уменьшаются потери от простоев подвижного состава. Повышается отдача от использования основных фондов. Каждое из перечисленных направлений заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку именно в совокупности они формируют объективную картину реальной отдачи от вложенных инвестиций.

Применительно к пассажирскому сегменту используется своя система измерения результатов. Здесь важны удовлетворённость пассажиров, простота приобретения билетов, точность соблюдения расписания движения, качество информационного сопровождения поездки, комфорт и доступность предоставляемых услуг. Иначе строится оценка грузового сегмента: во главу угла ставятся надёжность доставки, скорость оформления перевозочной документации, прозрачность логистических процедур, сохранность перевозимых грузов, качество взаимодействия с грузоотправителями и грузополучателями.

Отдельную группу образуют качественные показатели — уровень инновационной культуры, готовность персонала к переменам, степень цифровой зрелости организации, результативность проектного управления, интенсивность взаимодействия с научными организациями и технологическими партнёрами. Измерить их сложнее, однако для долгосрочного инновационного развития их значение остаётся весомым [2, с.99]. По мнению автора, именно недооценка качественных параметров нередко приводит к формальному выполнению инновационных программ без реального изменения корпоративной практики.

Оценку результативности инновационной стратегии целесообразно проводить не единовременно по завершении проекта, а поэтапно, на промежуточных стадиях реализации. Такой подход позволяет своевременно выявлять возникающие затруднения и вносить соответствующие корректировки в управленческие решения.

Реализация инновационной стратегии крупной инфраструктурной компании неизбежно сопряжена с целым рядом рисков различной природы.

Финансовый риск обусловлен значительными объёмами инвестиций при отложенном экономическом эффекте. Минимизация данного риска достигается посредством технико-экономического обоснования проектов, поэтапного финансирования и предварительного пилотного внедрения [9, с.97].

Технологический риск связан с недостаточной надёжностью новых решений, а также с проблемами их совместимости с существующими системами; снижается он путём тестирования на опытных полигонах.

Организационный риск проявляется в сопротивлении персонала изменениям и преодолевается через обучение сотрудников и внедрение мотивационных механизмов.

Кадровый риск вызван острым дефицитом специалистов в цифровой сфере. Смягчить его позволяют внутрикорпоративное обучение и взаимодействие с профильными вузами [10, с.89].

Информационный риск возникает вследствие угроз кибербезопасности, утечек данных, сбоев цифровых платформ и нарушений работы информационных систем. Поскольку цифровизация занимает заметное место в инновационной стратегии, задачи защиты информации приобретают особую значимость. Снижению данного риска способствуют внедрение современных средств информационной безопасности, регулярный аудит цифровых систем, обучение сотрудников правилам работы с корпоративными данными, развитие резервных механизмов управления.

Особого внимания заслуживает риск несоответствия нововведений запросам клиентов, для предупреждения которого требуется регулярный анализ обратной связи, изучение ожиданий потребителей, развитие клиентских сервисов.

Рекомендации по совершенствованию инновационной стратегии ОАО «РЖД»

Результативность инновационной стратегии ОАО «РЖД» повысится при более целостном подходе к управлению нововведениями. Инновационные проекты следует увязывать с общими стратегическими целями компании и оценивать не столько по технологической новизне, сколько по практическому эффекту.

Приоритетного внимания заслуживает формирование цифровой экосистемы. Речь идет об интеграции информационных систем, создании единого пространства данных, развитии аналитических платформ и повышении доступности цифровых сервисов для клиентов. Чем плотнее интеграция данных, тем результативнее компания управляет перевозками, инфраструктурой, ремонтами и клиентскими отношениями.

К перспективным решениям относится создание цифровых двойников инфраструктуры и подвижного состава. Подобные модели дают возможность анализировать состояние объектов, прогнозировать износ, просчитывать последствия управленческих решений и оптимизировать ремонтные программы. При значительном объеме

основных фондов такая технология способна принести компании ощутимый экономический эффект [5, с.184].

Расширения требует и сфера применения предиктивной аналитики. Смещение от реактивного ремонта к прогнозному обслуживанию уменьшит число отказов, укрепит безопасность и сократит издержки. Необходимыми условиями выступают оснащение объектов датчиками, накопление качественных данных, наращивание аналитических компетенций и внедрение систем поддержки принятия решений.

Не менее значимо повышение инновационной активности персонала. Работники, занятые непосредственно в производственных и сервисных процессах, обычно раньше других замечают недостатки и возможности улучшений. Отсюда потребность в механизмах сбора рационализаторских предложений, внутренних конкурсах инновационных идей, корпоративных акселераторах и программах поддержки проектных команд.

Укрепления требуют связи с научно-образовательными организациями и технологическими компаниями. Совместные исследования, пилотные проекты, испытательные площадки и образовательные программы ускорят освоение перспективных технологий и обеспечат подготовку специалистов для новых направлений деятельности [2, с.102].

Инновационная стратегия строится на клиентской ориентации: грузоотправителям нужны цифровые сервисы, прогнозируемые сроки, прозрачные тарифы, интеграция с логистикой; пассажирам — комфорт, информация, персонализация, надежность.

Заключение

Инновационная стратегия выступает основным инструментом управления обновлением организации, поскольку именно она определяет устойчивость и конкурентоспособность компании на длительную перспективу. Без четкого стратегического ориентира любые технологические новшества остаются разрозненными мероприятиями, не складывающимися в целостную линию развития.

Показательным примером служат крупные инфраструктурные структуры, среди которых ОАО «РЖД» занимает особое положение. Обновление здесь носит системный характер и не сводится к точечному внедрению

отдельных технологий. Инновации затрагивают управленческие процессы, формирование цифровой культуры персонала, совершенствование клиентских сервисов, повышение эффективности использования ресурсов. Каждое из этих направлений тесно связано с остальными, и рассматривать их изолированно было бы методологически неверно.

Столь широкий охват объясняется спецификой самой компании. Высокая технологическая сложность, разветвленная и протяженная инфраструктура, значительная социальная ответственность перед обществом и государством — все эти факторы задают особые требования к стратегическому планированию. Пренебрежение указанными особенностями при формировании стратегии представляет собой серьезную методологическую ошибку, способную обесценить сами усилия по модернизации.

Инновационная стратегия ОАО «РЖД» направлена на повышение безопасности перевозок, цифровизацию основных процессов, развитие интеллектуальных систем управления, обновление подвижного состава и инфраструктурных объектов. К этому добавляются повышение энергоэффективности, внедрение предиктивного обслуживания, улучшение качества предоставляемых услуг. Перечень направлений внушительный, и это закономерно для компании такого масштаба.

Разработка подобной стратегии предполагает последовательные этапы: стратегический анализ, постановку целей, выбор приоритетов, формирование портфеля проектов, ресурсное обеспечение, внедрение инноваций, мониторинг результатов. Особую роль на всех этих этапах играет управление рисками, поскольку инновационные проекты сопряжены с финансовыми, технологическими, организационными, кадровыми и информационными вызовами. Игнорирование рисков составляющей нередко приводит к срыву сроков и удорожанию проектов — и практика подтверждает это неоднократно.

Эффективная инновационная стратегия ОАО «РЖД» должна объединять техническое обновление, цифровизацию, развитие кадрового потенциала, клиентоориентированность, устойчивое управление инфраструктурой. Поэтапная реализация такой стратегии способна повысить качество перевозок, сократить издержки, обеспечить надежность транспортной системы, укрепить позиции компании на длительную перспективу.

Литература:

1. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федеральный закон № 17-ФЗ: принят Государственной Думой 24 декабря 2002 года: одобрен Советом Федерации 27 декабря 2002 года: [ред. от 31.07.2025 г.]. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Абрамов В. С. Функциональные стратегии: учебник и практикум для вузов / В. С. Абрамов, С. В. Абрамов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 162 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21906-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582408> (дата обращения: 20.08.2026).
3. Алексеев А. А. Инновационный менеджмент: учебник и практикум для вузов / А. А. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 259 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-03166-9. —

- Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/583392> (дата обращения: 20.08.2026).
4. Инновационный маркетинг: учебник для вузов / под общей редакцией С. В. Карповой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 474 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13282-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582996> (дата обращения: 20.08.2026).
 5. Инновационный менеджмент: учебник для вузов / под общей редакцией Л. П. Гончаренко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 479 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17994-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/583018> (дата обращения: 20.08.2026).
 6. Коргова М. А. Менеджмент организации: учебник для вузов / М. А. Коргова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 206 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18727-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/586423> (дата обращения: 20.08.2026).
 7. Малюк В. И. Стратегический менеджмент. Организация стратегического развития: учебник и практикум для вузов / В. И. Малюк. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 404 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17159-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/583502> (дата обращения: 20.08.2026).
 8. Мардас А. Н. Стратегический менеджмент: учебник и практикум для вузов / А. Н. Мардас, О. А. Гуляева, И. Г. Кадиев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 176 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-06388-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/584487> (дата обращения: 20.08.2026).
 9. Сидоров М. Н. Стратегический менеджмент: учебник для среднего профессионального образования / М. Н. Сидоров. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 157 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-09247-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/586643> (дата обращения: 20.08.2026).
 10. Фролов Ю. В. Планирование и организация производства: стратегия и бизнес-процессы: учебное пособие для среднего профессионального образования / Ю. В. Фролов, Р. В. Серышев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 151 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-20124-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/590414> (дата обращения: 20.08.2026).
 11. ОАО «Российские железные дороги» <https://www.rzd.ru>

Анализ состава и структуры оборотных средств

Здоник Данила Константинович, студент магистратуры
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассмотрены состав и структура оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ» за 2023–2025 гг. Исследование выполнено на основе данных бухгалтерской отчетности организации. Проанализирована динамика оборотных активов, запасов, дебиторской задолженности, денежных средств и других составляющих. Рассчитаны удельные веса отдельных элементов в общей величине оборотных активов, а также показатели оборачиваемости оборотных средств, запасов, дебиторской и кредиторской задолженности. Выявлено существенное изменение структуры оборотных активов в 2025 г., связанное прежде всего с увеличением запасов на фоне снижения выручки относительно предыдущего года. Полученные результаты позволяют определить основные направления дальнейшего исследования эффективности управления оборотными средствами предприятия.

Ключевые слова: оборотные средства, оборотные активы, структура оборотных средств, запасы, дебиторская задолженность, денежные средства, оборачиваемость, кредиторская задолженность, управление оборотным капиталом.

Введение

Оборотные средства обеспечивают непрерывность текущей деятельности предприятия. Для организации, ока-

зывающей услуги по обслуживанию зданий и территорий, они связаны прежде всего с формированием запасов, расчетами с контрагентами и поддержанием необходимого объема денежных средств.

При анализе оборотных средств интерес представляет не только их общая величина. Более показательным становится вопрос о том, какая часть средств находится в запасах, расчетах с дебиторами и денежных средствах и как это соотношение меняется со временем.

Причина проста. Одинаковая сумма оборотных активов может иметь совершенно разное экономическое содержание. Если значительная часть средств сосредоточена в запасах, возрастает значение скорости их использования. Если увеличивается дебиторская задолженность, часть ресурсов временно оказывается в расчетах с контрагентами. При высокой доле денежных средств повышается ликвидность, но одновременно возникает вопрос об эффективности использования свободного остатка.

Объектом исследования выступает ООО «СКАЙПРОМ». В представленном финансовом анализе организация относится к виду деятельности «деятельность по обслуживанию зданий и территорий»; отчетность приведена в тысячах рублей.

Цель исследования заключается в оценке состава и структуры оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ» за 2023–2025 гг., определении основных изменений и выявлении элементов, которые в наибольшей степени повлияли на изменение оборотного капитала.

Информационной базой исследования являются данные бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах ООО «СКАЙПРОМ» за 2023–2025 гг. В расчетах используются данные по строкам запасов, дебиторской задолженности, денежных средств, финансовых вложений, оборотных активов, кредиторской задолженности, выручки и себестоимости.

Динамика оборотных средств предприятия

За рассматриваемый период величина оборотных активов ООО «СКАЙПРОМ» менялась неодинаково. В 2023 г. она составляла 2 299 тыс. руб., в 2024 г. снизилась до 2 022 тыс. руб., а в 2025 г. увеличилась до 2 910 тыс. руб. Изменение выглядит заметным: за 2025 г. оборотные активы выросли на 888 тыс. руб., или примерно на 43,9 % по сравнению с 2024 г. При этом выручка предприятия за тот же год снизилась с 12 672 до 7 211 тыс.

руб. Именно сочетание этих двух изменений заслуживает внимания. Увеличение оборотных активов обычно сопровождается расширением деятельности, однако в данном случае в 2025 г. наблюдается другая картина: ресурсов в обороте стало больше, а объем выручки сократился. Основные элементы оборотных активов представлены в таблице 1.

Наиболее заметное изменение произошло по запасам. В 2023 г. их величина составляла 554 тыс. руб., в 2024 г. практически не изменилась — 579 тыс. руб., а в 2025 г. достигла 1 660 тыс. руб. За три года запасы увеличились на 1 106 тыс. руб., то есть почти в три раза. При этом общая величина оборотных активов выросла значительно меньше. Это уже означает изменение внутренней структуры оборотного капитала. Дебиторская задолженность, напротив, в 2025 г. составляла 978 тыс. руб. против 1 258 тыс. руб. в 2023 г. После снижения в 2024 г. до 837 тыс. руб. произошел некоторый рост, однако уровень 2023 г. не был достигнут. Денежные средства также не восстановились до уровня 2023 г. Их величина снизилась с 442 до 221 тыс. руб. в 2024 г., после чего увеличилась до 270 тыс. руб. в 2025 г. Получается интересная комбинация: основной прирост оборотных активов в 2025 г. обеспечили не денежные средства и не дебиторская задолженность, а именно запасы.

Структура оборотных активов

Одной абсолютной динамики недостаточно. Чтобы понять характер произошедших изменений, рассчитаем долю отдельных элементов в общей величине оборотных активов.

В 2023 г. основную часть оборотных активов составляла дебиторская задолженность — 54,7 %. Запасы занимали 24,1 %, денежные средства — 19,2 %, финансовые вложения — 8,5 %. Уже в 2024 г. доля дебиторской задолженности снизилась до 41,4 %, а доля запасов выросла до 28,6 %. В 2025 г. произошел качественно другой сдвиг: запасы стали крупнейшим элементом оборотных активов и сформировали 57,0 % их общей величины. Доля дебиторской задолженности, напротив, снизилась до 33,6 %, а денежных средств — до 9,3 %. Таким образом, за три года структура оборотных активов ООО «СКАЙПРОМ»

Таблица 1. Динамика состава оборотных активов ООО «СКАЙПРОМ» в 2023–2025 гг., тыс. руб

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение 2025 г. к 2023 г., тыс. руб.
Запасы	554	579	1 660	+1 106
НДС по приобретенным ценностям	45	2	2	-43
Дебиторская задолженность	1 258	837	978	-280
Финансовые вложения	195	0	0	-195
Денежные средства	442	221	270	-172
Прочие оборотные активы	0	0	0	0
Оборотные активы	2 299	2 022	2 910	+611

Источник: составлено автором по данным бухгалтерской отчетности ООО «СКАЙПРОМ»

Таблица 2. Структура оборотных активов ООО «СКАЙПРОМ» в 2023–2025 гг., %

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение 2025 г. к 2023 г., п.п.
Запасы	24,1	28,6	57,0	+32,9
НДС по приобретенным ценностям	2,0	0,1	0,1	-1,9
Дебиторская задолженность	54,7	41,4	33,6	-21,1
Финансовые вложения	8,5	0,0	0,0	-8,5
Денежные средства	19,2	10,9	9,3	-9,9
Прочие оборотные активы	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	-

Структура изменилась довольно резко.

сместилась от расчетов с дебиторами и денежных средств в сторону запасов. Это один из главных результатов проведенного анализа. Причем изменение нельзя объяснить только ростом общей величины оборотных активов. Запасы увеличились с 554 до 1 660 тыс. руб., тогда как оборотные активы в целом выросли с 2 299 до 2 910 тыс. руб. В результате удельный вес запасов увеличился на 32,9 процентного пункта. Для предприятия это означает, что все большая часть оборотного капитала связана с материальными ресурсами. В дальнейшем это требует оценки того, насколько быстро такие ресурсы возвращаются в денежную форму через реализацию.

Запасы как основной элемент изменения структуры

Запасы заслуживают отдельного рассмотрения. В 2023–2024 гг. их величина оставалась практически стабильной: 554 и 579 тыс. руб. соответственно. В 2025 г. произошел скачок до 1 660 тыс. руб. Одновременно финансовый результат предприятия изменился в менее благоприятную сторону. Выручка после роста в 2024 г. до 12 672 тыс. руб. снизилась в 2025 г. до 7 211 тыс. руб. Себестоимость также сократилась — с 11 212 до 6 922 тыс. руб. На первый взгляд сокращение себестоимости могло бы объяснять уменьшение потребности в запасах. Но фактически наблюдается обратное: запасы выросли. Это не позволяет автоматически назвать их избыточными — бухгалтерская отчетность не содержит достаточной информации о составе запасов, сроках их хранения и скорости реализации отдельных видов материальных ресурсов. Но именно здесь появляется аналитический вопрос, который имеет практическое значение для управления оборотным капиталом.

Возможны разные причины такого изменения: формирование более крупного остатка ресурсов, изменение условий закупок, необходимость поддержания непрерывности деятельности. Однако без внутренней информации предприятия делать более конкретные выводы было бы необоснованно. Поэтому корректнее зафиксировать сам факт: в 2025 г. запасы стали основным элементом оборотных активов, причем их рост происходил одновременно со снижением выручки. Для дальнейшего управления это означает необходимость контроля не только объема запасов, но и их оборачиваемости.

Дебиторская задолженность и денежные средства

Вторая значимая составляющая оборотных активов — дебиторская задолженность. В 2023 г. ее величина составляла 1 258 тыс. руб., в 2024 г. снизилась до 837 тыс. руб., а в 2025 г. выросла до 978 тыс. руб. При этом за весь период она сократилась на 280 тыс. руб. Еще более заметным является изменение ее доли. Если в 2023 г. на дебиторскую задолженность приходилось 54,7 % оборотных активов, то в 2025 г. — уже 33,6 %. Само по себе снижение доли дебиторской задолженности можно оценивать положительно, поскольку меньшая часть средств отвлекается в расчеты. Но одновременно произошло снижение денежных средств. Их остаток составил 442 тыс. руб. в 2023 г., 221 тыс. руб. в 2024 г. и 270 тыс. руб. в 2025 г. Соответственно, доля денежных средств в оборотных активах сократилась с 19,2 до 9,3 %. В 2023 г. предприятие также имело финансовые вложения в размере 195 тыс. руб. В 2024–2025 гг. данный показатель отсутствовал.

В результате в структуре оборотных активов 2025 г. практически не осталось элементов, которые можно было бы отнести к финансовым вложениям. Основная сумма сосредоточена в запасах и дебиторской задолженности. Полученная структура требует более внимательного управления ликвидностью. При росте запасов денежная часть оборотных активов, напротив, остается сравнительно небольшой.

Оборачиваемость оборотных средств

Структурный анализ полезно дополнить показателями оборачиваемости. Они позволяют посмотреть на оборотные средства уже не как на остаток на определенную дату, а как на ресурс, который должен проходить через операционный цикл. Для расчета использованы средние остатки оборотных активов, запасов, дебиторской и кредиторской задолженности за соответствующие годы.

Здесь проявляется наиболее существенная проблема 2025 г. Коэффициент оборачиваемости оборотных активов снизился с 5,87 до 2,92 оборота, а продолжительность их оборота увеличилась более чем в два раза — с 62,2 до 124,8 дня. Особенно резко изменилась оборачиваемость запасов. В 2024 г. запасы совершали около 19,79 оборота за год, а в 2025 г. — только 6,18. Период их обо-

Таблица 3. Показатели оборачиваемости ООО «СКАЙПРОМ»

Показатель	2024 г.	2025 г.	Изменение
Коэффициент оборачиваемости оборотных активов, оборотов	5,87	2,92	-2,95
Период оборота оборотных активов, дней	62,2	124,8	+62,6
Коэффициент оборачиваемости запасов, оборотов	19,79	6,18	-13,61
Период оборота запасов, дней	18,4	59,0	+40,6
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов	12,10	7,95	-4,15
Период погашения дебиторской задолженности, дней	30,2	45,9	+15,7
Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности, оборотов	6,77	5,25	-1,52
Период погашения кредиторской задолженности, дней	53,9	69,6	+15,7

рота вырос с 18,4 до 59 дней. То есть увеличение запасов сопровождалось их более медленным оборотом. При этом дебиторская задолженность также стала обращаться медленнее: расчетный период ее погашения увеличился с 30,2 до 45,9 дня. Изменение кредиторской задолженности происходит в том же направлении. Расчетный период ее погашения увеличился с 53,9 до 69,6 дня. В совокупности это означает увеличение длительности периода, в течение которого ресурсы находятся в обороте. Здесь важно не делать слишком жесткий вывод о кризисе управления. В рассматриваемом случае мы анализируем годовые остатки по бухгалтерской отчетности, а не ежедневную динамику движения средств. Кроме того, отсутствуют данные о конкретных условиях расчетов и составе запасов. Но сама тенденция достаточно выраженная и заслуживает внимания.

Связь структуры оборотных средств с результатами деятельности

Изменения оборотных активов целесообразно рассматривать вместе с финансовыми результатами. В 2023 г. выручка ООО «СКАЙПРОМ» составляла 6 671 тыс. руб., в 2024 г. она увеличилась до 12 672 тыс. руб., а в 2025 г. снизилась до 7 211 тыс. руб. Чистая прибыль составила соответственно 293, 1 046 и 186 тыс. руб.

Получается следующая картина:

- 2024 г. — рост выручки и прибыли при относительно стабильном объеме запасов;
- 2025 г. — снижение выручки и прибыли при резком увеличении запасов;
- одновременно с этим ухудшилась оборачиваемость оборотных активов.

Особенно заметно изменение в 2025 г. Если в 2024 г. на один рубль средних оборотных активов приходилось около 5,87 руб. выручки, то в 2025 г. — только 2,92 руб. Такое изменение свидетельствует о снижении интенсивности использования оборотных средств. При этом предприятие не привлекало заемные средства в составе долгосрочных и краткосрочных обязательств в рассматриваемом периоде. Основной объем краткосрочных обязательств приходится на кредиторскую задолженность и прочие краткосрочные обязательства. Собственный капитал, напротив, увеличился с 1 122 тыс. руб. в 2023 г. до

2 353 тыс. руб. в 2025 г., главным образом за счет роста нераспределенной прибыли. Это важная особенность финансовой структуры ООО «СКАЙПРОМ»: увеличение оборотных активов в 2025 г. происходило при отсутствии заемных средств в составе соответствующих строк обязательств. Однако сам факт наличия собственных источников еще не решает вопрос эффективности их использования. Если собственные средства направляются в запасы, которые обращаются медленнее, чем ранее, возрастает потребность в контроле структуры оборотного капитала.

Результаты анализа

Проведенный анализ позволяет выделить несколько результатов.

Во-первых, оборотные активы ООО «СКАЙПРОМ» в 2025 г. достигли 2 910 тыс. руб., увеличившись на 43,9 % относительно 2024 г.

Во-вторых, главным источником изменения структуры стали запасы. Их доля увеличилась с 24,1 % в 2023 г. до 57,0 % в 2025 г.

В-третьих, доля дебиторской задолженности снизилась с 54,7 до 33,6 %, а денежных средств — с 19,2 до 9,3 %.

В-четвертых, рост запасов совпал с ухудшением показателей их оборачиваемости. Период оборота увеличился примерно с 18 до 59 дней.

В-пятых, общая оборачиваемость оборотных активов также снизилась. В 2025 г. продолжительность их оборота достигла 124,8 дня против 62,2 дня в 2024 г.

Получается, что основной вопрос для дальнейшего исследования заключается не просто в сокращении или увеличении оборотных активов. Гораздо важнее определить, насколько рационально распределены средства внутри оборотного капитала и соответствует ли объем запасов реальной потребности предприятия.

Именно этот вывод имеет практическое значение для последующего совершенствования управления оборотными средствами.

Заключение

Анализ состава и структуры оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ» за 2023–2025 гг. показал существенное изменение их внутреннего соотношения.

В 2025 г. величина оборотных активов составила 2 910 тыс. руб. против 2 022 тыс. руб. годом ранее. При этом наиболее заметный рост пришелся на запасы: их величина увеличилась до 1 660 тыс. руб., а удельный вес в оборотных активах достиг 57,0 %.

На этом фоне доля дебиторской задолженности снизилась до 33,6 %, а денежных средств — до 9,3 %.

Особое внимание привлекает сочетание трех факторов: увеличение запасов, снижение выручки и замедление оборачиваемости оборотных средств. В 2025 г. период оборота оборотных активов составил около 125 дней против 62 дней в 2024 г., а период оборота запасов увеличился с 18,4 до 59 дней.

Нельзя по одной бухгалтерской отчетности утверждать, что сформировались именно избыточные или неликвидные запасы. Для такого вывода необходима внутренняя информация о составе запасов, сроках хранения

и их фактическом движении. Но выявленная динамика дает достаточные основания рассматривать управление запасами как одно из приоритетных направлений дальнейшего анализа.

Результаты исследования могут быть использованы как основа для разработки мероприятий по оптимизации структуры оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ». В частности, дальнейшее исследование целесообразно направить на определение рационального объема запасов, ускорение их оборота, контроль дебиторской задолженности и поддержание достаточного уровня денежных средств.

В этом случае задача управления оборотными средствами заключается уже не в механическом сокращении отдельных статей, а в поиске такого их соотношения, при котором предприятие сохраняет необходимую устойчивость и одновременно не замораживает избыточный объем ресурсов в медленно обращающихся активах.

Литература:

1. Бухгалтерская отчетность ООО «СКАЙПРОМ» за 2023–2025 гг. // Данные бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах. — Единица измерения: тыс. руб.
2. Финансовый анализ ООО «СКАЙПРОМ» по данным бухгалтерской отчетности за 2023–2025 гг. // Расчетные данные по составу оборотных активов и финансовым результатам.
3. Финансовый анализ ООО «СКАЙПРОМ» по данным формы № 2 «Отчет о финансовых результатах» за 2023–2025 гг.

Мероприятия по оптимизации структуры оборотных средств

Здоник Данила Константинович, студент магистратуры
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассмотрены направления оптимизации структуры оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ» на основе результатов анализа бухгалтерской отчетности за 2023–2025 гг. Выявлено существенное увеличение запасов при одновременном снижении выручки и замедлении оборачиваемости оборотных активов. На основании выявленных изменений предложены направления совершенствования управления запасами, дебиторской задолженностью и денежными средствами. Рассмотрена возможность применения нормативного подхода к формированию запасов, регулярного контроля дебиторской задолженности и планирования денежных потоков. Предложенные мероприятия ориентированы не на механическое сокращение оборотных активов, а на изменение их структуры и ускорение оборота вложенных средств.

Ключевые слова: оборотные средства, оборотные активы, оптимизация, запасы, дебиторская задолженность, денежные средства, оборачиваемость, управление оборотным капиталом, финансовая устойчивость.

Введение

Эффективность использования оборотных средств определяется не только их объемом. Для предприятия имеет значение то, в какой форме находятся вложенные ресурсы и насколько быстро они проходят полный цикл обращения. Если значительная часть средств сосредоточена в запасах, которые длительное время не используются, предприятие фактически отвлекает денежные ресурсы из оборота. Слишком большой объем дебиторской задолженности создает другую проблему — деньги уже отражены в выручке, но фактически еще не поступили в распоряжение организации. При недостаточном остатке денежных средств возникает риск нарушения текущих расчетов. Поэтому оптимизация оборотных средств предполагает поиск определенного баланса между ликвидностью и эффективностью использования капитала [1, с. 125].

Актуальность данного вопроса особенно заметна на примере ООО «СКАЙПРОМ». Проведенный анализ отчетности организации за 2023–2025 гг. показал изменение структуры оборотных активов и снижение скорости их обра-

щения. В 2025 г. оборотные активы ООО «СКАЙПРОМ» составили 2 910 тыс. руб. против 2 022 тыс. руб. в 2024 г. При этом наиболее существенно увеличились запасы — с 579 до 1 660 тыс. руб. Одновременно выручка предприятия сократилась с 12 672 до 7 211 тыс. руб. Подобное сочетание показателей требует не столько увеличения общего объема оборотных средств, сколько поиска возможностей для более рационального их распределения.

Цель статьи заключается в разработке направлений оптимизации структуры оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ» с учетом выявленных в ходе анализа изменений.

Исходные предпосылки для оптимизации

Результаты анализа финансовой отчетности ООО «СКАЙПРОМ» показали, что за 2023–2025 гг. структура оборотных активов изменилась достаточно существенно. В 2023 г. наибольшую долю составляла дебиторская задолженность — 54,7 % оборотных активов. Запасы занимали 24,1 %, денежные средства — 19,2 %. В 2025 г. ситуация стала другой. Доля запасов достигла 57,0 %, дебиторской задолженности — 33,6 %, денежных средств — 9,3 %. Особенно выделяется рост запасов. За рассматриваемый период они увеличились с 554 до 1 660 тыс. руб. При этом дебиторская задолженность, напротив, сократилась с 1 258 до 978 тыс. руб. Изменение структуры представлено в таблице 1.

Таблица 1. Основные изменения структуры оборотных активов ООО «СКАЙПРОМ»

Показатель	2023 г., тыс. руб.	2025 г., тыс. руб.	Изменение, тыс. руб.	Доля 2025 г., %
Запасы	554	1 660	+1 106	57,0
Дебиторская задолженность	1 258	978	-280	33,6
Денежные средства	442	270	-172	9,3
Финансовые вложения	195	0	-195	0,0
НДС и прочие оборотные активы	47	2	-45	0,1
Оборотные активы	2 299	2 910	+611	100,0

Полученные данные показывают, что рост оборотных активов был обеспечен преимущественно увеличением запасов. При этом коэффициент оборачиваемости оборотных активов снизился с 5,87 оборота в 2024 г. до 2,92 оборота в 2025 г. Продолжительность одного оборота увеличилась с 62,2 до 124,8 дня. Еще сильнее изменилась оборачиваемость запасов. Период их оборота вырос с 18,4 до 59,0 дня. Это позволяет выделить запасы как основной объект оптимизации. Однако здесь необходимо сделать оговорку. На основании только бухгалтерской отчетности нельзя утверждать, что все увеличение запасов связано именно с их избыточностью. Для такого вывода нужны данные о составе запасов, сроках хранения и фактической потребности предприятия. Поэтому предлагаемые мероприятия рассматриваются как направления совершенствования управления, а не как исправление заранее установленного нарушения.

Оптимизация управления запасами

Первое направление связано с более детальным контролем запасов. На практике проблема возникает не обязательно из-за того, что предприятие закупает слишком много. Иногда причина заключается в несогласованности закупок и фактической потребности. В результате отдельные позиции накапливаются быстрее, чем используются. Для ООО «СКАЙПРОМ» целесообразно установить внутренние ориентиры по минимальному и максимальному уровню запасов. Их величина может пересматриваться в зависимости от фактического расходования ресурсов.

Простейшая схема может включать три уровня:

- минимальный запас — объем, необходимый для поддержания текущей деятельности до очередного поступления;
- рабочий запас — объем, соответствующий нормальной потребности предприятия;
- максимальный запас — уровень, превышение которого требует дополнительной проверки.

При этом расчет нормативов должен проводиться не один раз. Если объем деятельности меняется, прежний норматив постепенно теряет актуальность. Отдельно следует проводить анализ медленно оборачивающихся позиций. Для каждой группы запасов можно определить срок нахождения в обороте и разделить их на быстро-, нормально- и медленнооборачиваемые. Такой подход позволит не просто контролировать общую сумму запасов, а увидеть, какие именно элементы формируют их рост. Для ООО «СКАЙПРОМ» это особенно актуально в связи с тем, что в 2025 г. запасы достигли 57 % оборотных активов. Если часть этих средств обращается медленно, дальнейшее увеличение запасов будет дополнительно снижать эффективность использования капитала.

Совершенствование работы с дебиторской задолженностью

Второе направление связано с дебиторской задолженностью. Несмотря на то что ее абсолютная величина в 2025 г. была ниже уровня 2023 г., период погашения задолженности увеличился примерно с 30 до 46 дней относительно 2024 г. Это означает, что снижение самой суммы задолженности еще не говорит об ускорении расчетов. Для управления дебиторской задолженностью целесообразно регулярно формировать ее возрастную структуру. Например:

- задолженность со сроком до 30 дней;
- от 31 до 60 дней;
- от 61 до 90 дней;
- более 90 дней.

Такой анализ позволяет отделить обычную текущую задолженность от той, которая начинает представлять повышенный риск. Для контрагентов с длительной историей просрочек можно применять более жесткие условия оплаты. В то же время для надежных клиентов возможно сохранение действующих условий, если они экономически оправданы. Еще один вариант — установление внутреннего лимита дебиторской задолженности на одного контрагента. При достижении лимита новые услуги или поставки могут осуществляться после частичного погашения ранее возникшей задолженности. Здесь не требуется полностью отказаться от отсрочки платежа. Для предприятия это может быть коммерчески невыгодно. Задача состоит в другом — сделать отсрочку управляемой.

Управление денежными средствами

Третьим направлением является контроль денежных средств. В 2025 г. денежные средства ООО «СКАЙПРОМ» составляли 270 тыс. руб., или только 9,3 % оборотных активов. В 2023 г. их доля составляла 19,2 %. Слишком большой остаток денежных средств также не всегда является преимуществом. Но чрезмерное снижение ликвидной части оборотных активов повышает вероятность возникновения проблем при необходимости срочных платежей. Поэтому рациональным решением может стать использование платежного календаря. Платежный календарь позволяет сопоставлять ожидаемые поступления и расходы по периодам. Даже простой вариант, сформированный на неделю или месяц, дает возможность заранее увидеть ситуацию, когда обязательства могут оказаться выше доступных денежных средств.

В рамках предлагаемого подхода необходимо выделять:

- ожидаемые поступления от покупателей;
- обязательные платежи;
- оплату поставщикам;
- налоговые платежи;
- выплаты персоналу;
- прочие регулярные расходы.

На основании этой информации можно определить минимально необходимый остаток денежных средств. Такой подход особенно полезен в ситуации, когда значительная часть оборотного капитала находится в запасах. Чем больше средств связано с материальными ресурсами, тем меньше возможностей оперативно использовать их для погашения текущих обязательств.

Предлагаемая система контроля оборотных средств

Рассмотренные мероприятия целесообразно объединить в единую систему. Ее основой может стать ежемесячный контроль нескольких показателей: величины запасов, дебиторской задолженности, денежных средств и сроков их оборота.

Таблица 2. Предлагаемые направления контроля оборотных средств ООО «СКАЙПРОМ»

Объект управления	Контролируемый показатель	Периодичность	Цель
Запасы	Сумма запасов	Ежемесячно	Недопущение необоснованного накопления
Запасы	Период оборота	Ежемесячно	Ускорение обращения
Дебиторская задолженность	Сумма задолженности	Ежемесячно	Контроль отвлечения средств
Дебиторская задолженность	Доля просроченной задолженности	Ежемесячно	Снижение риска неплатежей
Денежные средства	Остаток денежных средств	Еженедельно	Поддержание необходимой ликвидности
Оборотные активы	Коэффициент оборачиваемости	Ежеквартально	Оценка общей эффективности

Предложенная система не требует сложной автоматизации на первом этапе. Значительную часть показателей можно получать из существующего бухгалтерского учета. При наличии соответствующего программного обеспечения контроль в дальнейшем может быть автоматизирован. Но автоматизация сама по себе не решит проблему структуры оборотных средств. Сначала необходимо определить, какие показатели контролируются и какие значения считаются приемлемыми.

Оценка ожидаемого эффекта

Поскольку в распоряжении отсутствуют внутренние нормативы предприятия, стоимость хранения запасов и другие управленческие показатели, рассчитывать конкретную сумму экономии как уже гарантированный результат было бы некорректно. Вместе с тем можно определить потенциальное направление эффекта. Основным резерв связан с ускорением оборота запасов. В 2025 г. их период оборота составил около 59 дней. Даже небольшое сокращение этого периода означает высвобождение части средств из запасов. Например, при сохранении объема годовой себестоимости и сокращении периода оборота запасов на несколько дней потребность в финансировании запасов уменьшится. Высвободившиеся средства могут быть направлены на текущие платежи или оставлены в денежной форме. Кроме того, ускорение расчетов с дебиторами позволяет быстрее возвращать средства в оборот. При этом эффект от сокращения дебиторской задолженности необходимо сопоставлять с возможным влиянием на отношения с клиентами. В результате экономический эффект от мероприятий может формироваться по нескольким направлениям:

1. уменьшение потребности в финансировании запасов;
2. сокращение суммы средств, отвлеченных в дебиторскую задолженность;
3. снижение риска возникновения просроченной задолженности;
4. повышение скорости оборота оборотных активов;
5. повышение доступности денежных средств для текущих расчетов.

Таким образом, основной результат оптимизации заключается не обязательно в сокращении оборотных активов в абсолютном выражении. Более рациональная цель — ускорить их обращение при сохранении необходимого уровня ликвидности.

Заключение

Проведенный анализ ООО «СКАЙПРОМ» показал, что основным изменением в структуре оборотных средств в 2025 г. стало резкое увеличение запасов. Их величина достигла 1 660 тыс. руб., а доля в оборотных активах — 57,0 %.

Одновременно с этим выручка предприятия снизилась до 7 211 тыс. руб., а период оборота оборотных активов увеличился до 124,8 дня. Период оборота запасов составил около 59 дней против 18,4 дня в 2024 г.

Полученные результаты позволяют рассматривать управление запасами как основное направление совершенствования оборотного капитала предприятия.

В статье предложены три взаимосвязанных направления. Первое — введение более детального контроля запасов с определением минимального, рабочего и максимального уровня. Второе — регулярный анализ дебиторской задолженности по срокам возникновения и установление внутренних ограничений для проблемных контрагентов. Третье — использование платежного календаря для поддержания необходимого уровня денежных средств.

Предложенные меры не предполагают механического сокращения оборотных активов. Напротив, их задача состоит в изменении структуры оборотного капитала и ускорении движения средств.

Для окончательной оценки экономического эффекта потребуются дополнительная внутренняя информация предприятия: состав запасов, сроки их хранения, условия расчетов с покупателями и поставщиками, а также фактические расходы на хранение и обслуживание оборотного капитала. Это является ограничением проведенного исследования, но одновременно определяет направление его дальнейшего развития.

Практическая ценность предложений состоит в том, что они могут быть реализованы поэтапно. Начать можно с регулярного мониторинга нескольких ключевых показателей, не меняя всю систему учета. При получении положительного результата контроль может быть расширен и автоматизирован.

Литература:

1. Бланк И. А. Управление оборотным капиталом. — Киев: Ника-Центр, 2002. — 528 с.
2. Ковалев В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры. — М.: Финансы и статистика, 2002. — 560 с.
3. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 378 с.
4. Шеремет А. Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 208 с.
5. Бухгалтерская отчетность ООО «СКАЙПРОМ» за 2023–2025 гг.

Теоретические основы системы управления денежными потоками предприятия

Молчанова Анна Федоровна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье исследуются теоретические основы системы управления денежными потоками предприятия в условиях современной рыночной экономики.

Ключевые слова: денежные потоки, управление денежными средствами, финансовая устойчивость, платежеспособность, ликвидность, финансовый цикл, платежный календарь, прогнозирование денежных потоков.

Theoretical foundations of the company's cash flow management system

Molchanova Anna Fedorovna, master's degree student
Russian New University (Moscow)

This article investigates the theoretical foundations of the cash flow management system of an enterprise in the context of the modern market economy.

Keywords: cash flows, cash management, financial stability, solvency, liquidity, financial cycle, payment calendar, cash flow forecasting.

Актуальность темы обусловлена усилением неопределенности внешней среды, необходимостью обеспечения мгновенной ликвидности в условиях цифровых расчетов и изменением структуры капитала современных компаний. Рациональное управление денежными потоками позволяет минимизировать потребность в заемном капитале и высвобождать ресурсы для инновационного развития, что крайне важно в условиях импортозамещения и поиска новых рынков.

Целью работы является комплексное теоретическое обоснование строения системы управления денежными потоками предприятия и выявление ключевых факторов её эффективности в современных экономических условиях.

Задачи исследования:

1. Изучить экономическое содержание категории «денежный поток» и систематизировать классификационные признаки денежных потоков.
2. Раскрыть механизмы и инструментарий формирования системы финансового менеджмента в части управления наличностью.
3. Определить критерии эффективности системы управления денежными потоками и методы их оценки.

Объектом исследования выступает совокупность денежных потоков предприятия (операционной, инвестиционной и финансовой деятельности), возникающих в процессе его функционирования.

Предметом исследования являются теоретические и методические аспекты, принципы и инструменты организации системы управления денежными потоками на предприятии.

Система управления денежными потоками предприятия является важной областью экономики и финансового менеджмента, что отражается в ряде учебников и исследований ведущих авторов. Теоретические основы

управления денежными потоками разрабатывались в контексте различных экономических условий. Учебник «Государственные финансы» под редакцией Н. И. Берзона [1] освещает принципы финансового управления в государственных учреждениях и инструменты для управления денежными потоками. В учебнике И. Я. Лукасевича «Финансовый менеджмент» [2] рассматривается корпоративное управление денежными потоками и их влияние на финансовую устойчивость предприятий. Работа «Корпоративные финансы» И. В. Никитушкиной и др. [3] подчеркивает важность системного подхода к управлению денежными потоками. В «Государственные и муниципальные финансы» И. С. Ракитиной [4] внимание сосредоточено на специфике финансового управления в государственных учреждениях, предполагающих свои подходы к денежным потокам. Издания «Региональные и муниципальные финансы» [5] и «Финансы бюджетных учреждений» [6] также предлагают практические подходы к управлению денежными потоками, акцентируя внимание на необходимости применения адаптированных методов. Интеграция знаний и практических примеров подтверждает значительный вклад авторов в развитие данной области.

1. Изучить экономическое содержание категории «денежный поток» и систематизировать классификационные признаки денежных потоков.

Категория «денежный поток» является центральной в финансовом менеджменте, так как отражает движение стоимости в денежной форме и характеризует способность субъекта поддерживать непрерывность деятельности, платежеспособность и финансовую устойчивость. Денежный поток рассматривается не как простая сумма поступлений и выплат, а как динамический показатель трансформации ресурсов в денежные средства, которые затем используются в производстве и инвестициях [8, с.87].

В отличие от бухгалтерской прибыли, денежный поток фиксирует реальные поступления и выбытия денежных средств, что делает его основой для оценки ликвидности, кредитоспособности и инвестиционной привлекательности. Для эффективного анализа и управления требуется систематизация денежных потоков по различным классификационным признакам.

Денежные потоки выделяются по масштабу: общий поток предприятия, потоки отдельных подразделений и потоки конкретных операций. Основные виды потоков включают операционные, инвестиционные и финансовые. Операционные потоки связаны с основной деятельностью и текущими расходами, инвестиционные — с внеоборотными активами, а финансовые — с привлечением и возвратом капитала [5].

Также важна классификация по направлению движения: притоки (положительные) и оттоки (отрицательные), создающие чистый денежный поток. По способу измерения выделяют валовые и чистые потоки. Дополнительно потоки можно классифицировать по достаточности (сбалансированные, дефицитные, избыточные), регулярности (регулярные и дискретные) и валюте (национальная и иностранная).

В заключение, денежный поток играет важную роль в обеспечении воспроизводственного процесса и формировании финансовой устойчивости, а комплексная классификация создает методическую базу для анализа и управления денежными средствами, нацеленных на согласование притоков и оттоков и повышение эффективности использования капитала.

2. Раскрыть механизмы и инструментарий формирования системы финансового менеджмента в части управления наличностью.

Формирование системы финансового менеджмента в управлении наличностью включает планирование, санкционирование и контроль денежных операций с целью поддержания ликвидности и предотвращения кассовых разрывов. Эта система строится как набор взаимосвязанных регламентов и процедур, обеспечивающих непрерывный цикл «планирование — исполнение — контроль — корректировка» и согласование оперативных платежных решений со стратегическими целями организации [1, с.49].

Ключевым аспектом управления денежными потоками является разработка регламентов платежной дисциплины, которые устанавливают правила расходования средств и распределяют ответственность между участниками процесса. В рамках данного механизма формируются процедуры санкционирования расходов и устанавливаются лимиты, а также требования к документам и инициированию платежей. Важным элементом является ограничение кассовых остатков и создание графиков платежей, которые синхронизируются с ожидаемыми поступлениями.

Оперативное управление сосредотачивается на платежном календаре, который применяется для краткосроч-

ного планирования и балансировки притоков и оттоков средств. Этот календарь формируется на базе заявок на платежи от центров ответственности и учитывает приоритеты обязательств. Для эффективного выполнения этих задач используются автоматизированные казначейские системы.

Стратегический аспект управления наличностью включает в себя прогнозирование денежных потоков, что позволяет заранее выявлять возможные дефициты или избытки ликвидности. Для этого применяются методы экстраполяции, сценарного моделирования и регрессионного анализа. Прогнозный отчет о денежном движении является основой для принятия управленческих решений [2, с.172].

Управление резервами ликвидности направлено на поддержание необходимого остатка денежных средств и повышение доходности временно свободной ликвидности при соблюдении мер безопасности. Этот механизм реализуется за счет определения целевых уровней остатка и принятия решений по размещению избыточной ликвидности.

Наконец, система контроля и анализа эффективности управления наличностью обеспечивает обратную связь и постоянное совершенствование процедур через мониторинг ключевых показателей. Это способствует выявлению причин отклонений, корректировке регламентов и улучшению качества управления ликвидностью.

Таким образом, система финансового менеджмента в части управления наличностью формируется как интегрированный комплекс регламентов, инструментов планирования, механизмов прогнозирования, политики управления резервами и контроля эффективности. Ее успех зависит от сопряжения с бюджетированием, автоматизации и качественной аналитической обратной связи для обеспечения устойчивой платежеспособности и рационального использования ресурсов.

3. Определить критерии эффективности системы управления денежными потоками и методы их оценки.

Эффективность системы управления денежными потоками определяется степенью достижения стратегических целей предприятия в части обеспечения финансовой устойчивости, минимизации рисков и максимизации стоимости бизнеса. Для ее объективной оценки целесообразно выделить пять ключевых критериев, каждый из которых отражает отдельный аспект воздействия системы на финансово-хозяйственную деятельность. Эти критерии оцениваются с использованием стандартных финансовых показателей и аналитических методов, интегрируемых в систему регулярного мониторинга и контроля [9, с.127].

Первым фундаментальным критерием выступает ликвидность и платежеспособность, подразумевающие способность предприятия своевременно и в полном объеме выполнять обязательства перед контрагентами, кредиторами и государством. Эффективная система минимизирует кассовые разрывы и поддерживает оптимальный

уровень денежных резервов [7, с.210]. Методы оценки включают расчет коэффициентов ликвидности: текущей ликвидности

$$K_{TL} = OA / KO,$$

где OA — оборотные активы,

KO — краткосрочные обязательства,

ДС — денежные средства.

Дополнительно проводится мониторинг остатков на счетах и анализ кэш-гэпов с использованием сценарного моделирования для прогнозирования дефицитов [4, с.162].

Вторым критерием является оптимизация денежного (финансового) цикла, характеризующая скорость оборота капитала и эффективность операционного менеджмента. Сокращение периода между оттоком средств на закупки и притоком от реализации свидетельствует о рациональном управлении активами и пассивами. Оценка осуществляется через расчет продолжительности финансового цикла в днях:

$$\text{Финансовый цикл} = DZS + DZDZ - DZKP,$$

где $DZS = 365 \times \text{СрЗап} / \text{СебЗП}$ — длительность запаса (оборачиваемость запасов),

$DZDZ = 365 \times \text{СрДЗ} / \text{ВырП}$ — длительность дебиторской задолженности,

$DZKP = 365 \times \text{СрКЗ} / \text{СебЗП}$ — длительность кредиторской задолженности

$$\text{Оборачиваемость} = \text{Ср} / \text{ВырП}$$

где:

Оборачиваемость — коэффициент оборачиваемости оборотных активов,

ВырП — выручка от продаж,

Ср — среднегодовые остатки.

Для более детального анализа можно также использовать себестоимость реализованной продукции:

$$\text{Оборачиваемость запасов} = \text{СебЗП} / \text{Ср},$$

где СебЗП — себестоимость реализованной продукции,

Ср — среднегодовые остатки,

Эти коэффициенты помогут оценить, насколько быстро компания оборачивает свои ресурсы в процессе хозяйственной деятельности.

Динамика снижения цикла на 10–20 % при сохранении объемов продаж подтверждает эффективность.

Третьим критерием служит достаточность и эффективность использования денежного потока, обеспечивающая покрытие операционных нужд, инвестиций и распределения прибыли без привлечения внешнего финансирования [10, с.133]. Метод оценки предполагает анализ чистого денежного потока от операционной деятельности (ЧДПО) из отчета о движении денежных средств, а также коэффициента достаточности:

$$K_{дост} = \text{ЧДПО} / \text{ЗакупОСР} + \text{Див} + \text{ПогДолг},$$

где ЗакупОСР — закупки основных средств,

Див — дивиденды,

ПогДолг — погашенные долги.

Значение $K_{дост} > 1$ указывает на внутреннюю самодостаточность системы.

Четвертым критерием определяются рентабельность и создание стоимости, где управление потоками способствует росту рыночной капитализации и дивидендным выплатам [6, с.81]. Основным индикатором выступает свободный денежный поток (FCF):

$$FCF = \text{ЧДПО} - \text{КапЗ},$$

где КапЗ — капитальные затраты.

Оценка включает динамический анализ FCF, его дисконтирование для расчета внутренней нормы доходности (IRR) и корреляцию с EVA (экономической добавленной стоимостью). Положительная динамика FCF на фоне роста стоимости бизнеса подтверждает стратегическую эффективность.

Пятым критерием является надежность, прогнозируемость и управляемость потоков, минимизирующая волатильность и неопределенность [5, с.240]. Методы оценки — сравнительный анализ отклонений факта от плана (в % и абсолюте) по платежному календарю и бюджетам денежных потоков, а также коэффициент точности прогноза

$$K_{точн} = 1 - \frac{|\text{Факт} - \text{План}|}{\sum \text{План}}.$$

Уровень точности >85–90 % и быстрая корректировка (менее 5 дней) свидетельствуют о высоком контроле.

Критерии эффективности и научная новизна исследования

Эффективность системы оценивается через пять критериев:

- ликвидность и платежеспособность, измеряемые коэффициентами ликвидности;
- оптимизация финансового цикла для сокращения временного лага между расходами и возвратом;
- достаточность потока для самофинансирования при минимальном долговом бремени;
- рентабельность, максимизирующая свободный денежный поток (FCF);
- надежность прогнозных моделей [3, с.319].

Научная новизна исследования заключается в выделении «цифрового компонента», который оценивает влияние финтех-инструментов на оборачиваемость капитала и предложенной классификации факторов, препятствующих синхронизации потоков в условиях высокой волатильности.

Заключение. Исследование категории «денежный поток» с различными классификациями и механизмами институционализации финансового менеджмента позволяет создать интегрированную систему, включающую регламенты платежной дисциплины, платежный календарь, прогнозирование потоков и управление ликвидными резервами. Пять ключевых критериев эффективности — ликвидность, оптимизация финансового цикла, достаточность операционного потока, рентабельность и надежность — в сочетании с количественными методами оценки обеспечивают мониторинг и корректировку управленческих решений. Научная новизна работы проявляется в уточнении структуры системы с учетом цифро-

вого компонента и авторской классификации факторов десинхронизации потоков. Практическая значимость результатов заключается в применении их для улучшения бюджетирования, автоматизации казначейских процессов и минимизации кассовых рисков, что способствует

высвобождению ресурсов для инновационного развития. Перспективы исследований связаны с эмпирической верификацией модели на данных реальных компаний и интеграцией искусственного интеллекта для предиктивного анализа денежных потоков.

Литература:

1. Государственные финансы: учебник для вузов / Н. И. Берзон [и др.]; под общей редакцией Н. И. Берзона. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 143 с.
2. Лукасевич, И. Я. Финансовый менеджмент: учебник и практикум для вузов / И. Я. Лукасевич. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 680 с.
3. Никитушкина, И. В. Корпоративные финансы: учебник для вузов / И. В. Никитушкина, С. Г. Макарова, С. С. Студников; под общей редакцией И. В. Никитушкиной. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 549 с.
4. Ракитина, И. С. Государственные и муниципальные финансы: учебник для вузов / И. С. Ракитина, Н. Н. Березина. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 267 с.
5. Региональные и муниципальные финансы: учебник и практикум для вузов / под редакцией Л. Л. Игониной. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 551 с.
6. Федорова, О. А. Финансы бюджетных учреждений: учебник для вузов / О. А. Федорова, Л. В. Давыдова, Ю. О. Скорлупина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 138 с.
7. Финансы: учебник для вузов / под редакцией И. Ю. Евстафьевой, Д. А. Жилюка. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 448 с.
8. Финансы: учебник и практикум для вузов / под общей редакцией Н. И. Берзона. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 541 с.
9. Финансы, деньги и кредит: учебник и практикум для вузов / под редакцией Д. В. Буракова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 303 с.
10. Финансы некоммерческих организаций: учебник и практикум для вузов / под редакцией И. В. Ишиной. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 348 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Видео-конференц-связь в гражданском процессе как фактор риска для принципов устности и непосредственности

Авдеенко Антон Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Филимонова Маргарита Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется влияние видео-конференц-связи на реализацию принципов устности и непосредственности в гражданском судопроизводстве. Автор обосновывает тезис о возникновении «экранного эффекта», ограничивающего полноту восприятия судом объяснений сторон и показаний свидетелей. Анализируется роль аудиопотоколирования и выявляются его недостатки в условиях дистанционного судебного разбирательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, принцип устности, принцип непосредственности, видео-конференц-связь, экранный эффект, аудиопотоколирование, цифровизация правосудия, процессуальные гарантии.

Статья 157 ГПК РФ [6, с. 53] закрепляет устность и непосредственность как основы гражданского процесса. Традиционно эти принципы требуют, чтобы суд лично воспринимал каждое доказательство; объяснения сторон и показания свидетелей исследуют только устно, в заседании. Видео-конференц-связь, регламентированная статьями 155.1 и 155.2 ГПК РФ, стала этапом цифровой трансформации правосудия, заметно подняв доступность защиты для жителей удаленных территорий и лиц с ограничениями мобильности [7, с. 173]. Правоприменительная практика, не отрицая достигнутых улучшений, фиксирует напряженность между технологическими возможностями и содержанием устоявшихся процессуальных постулатов. Это противоречие очевидно.

При пересмотре классического принципа устности в условиях видео-конференц-связи возникают противоречия с характером судебного познания, которые связаны с объединением устной формы реализации данного принципа и интеграцией технических средств для его реализации и развития.

На снижение качества восприятия информации в ходе ранее рассмотренной трансформации принципа устности указывает Т. Б. Липатова «устная форма в условиях цифровизации сохраняется, но приобретает опосредованный характер, что требует переосмысления ее роли без утраты базового значения для процессуальной справедливости» [5, с. 104]. Рассматривая суждение автора более подробно, можно отметить, что в ходе цифровизации принципа устности возникает ряд психологических и технических препятствий для всех участников судебного заседания.

Способность судьи к фиксации нюансов поведения заметно сужается при восприятии видеоряда с экрана мо-

нитора, объем сведений для верификации показаний сокращается. На это обстоятельство обращает внимание О. В. Василенко «исключение личного контакта с участниками процесса неизбежно ведёт к обеднению эмпирической основы, на которой строится оценка доказательств» [3, с. 303]. Подобный феномен получил наименование «эффекта экрана» [6, с. 54], при этом технические параметры трансляции способны еще более усугубить отмеченные ограничения.

В силу статьи 155.1 ГПК РФ [1] возможность дистанционного участия ставится в зависимость лишь от наличия технической возможности в суде и волеизъявления стороны, а суд не обязан мотивировать отказ в удовлетворении ходатайства об участии по ВКС, хотя гарантией прав выступает право обжалования соответствующего определения [5, с. 104]. И. И. Дементеева и А. Г. Бутенко обращают внимание на то, что отсутствие правовой регламентации веб-конференции как способа осуществления процессуальных действий ограничивает доступ людей к правосудию [4, с. 147].

Статистика свидетельствует о росте применения дистанционных технологий в судопроизводстве. Ежегодно проводят более 300 тысяч заседаний с применением видео-конференц-связи [8], но возникает вопрос о допустимых пределах использования ВКС: все ли категории дел и участников можно допрашивать дистанционно? Действующее законодательство, согласно статье 155.1 ГПК РФ, не устанавливает четких критериев, оставляя этот вопрос на усмотрение суда. Конкретным примером является Апелляционное определение Брянского областного суда от 02.03.2021 по делу № 2–2666/2020. В этом деле суд указал, что возможность участия в заседании посред-

ством ВКС, предусмотренная ст. 155.1 ГПК РФ, по смыслу закона является правом, а не императивной обязанностью суда. Суд отметил, что необходимость применения ВКС определяется судом, исходя из существа рассматриваемого дела, и отказ в ее использовании сам по себе не является нарушением процессуальных прав, если сторона была надлежащим образом извещена [4, с. 147].

Рассмотренный пример вскрывает дисбаланс. При разрешении ходатайства об использовании видео-конференц-связи усмотрение суда подавляет обязанность организовать дистанционное участие стороны, закрепленную прямым указанием закона. Даже если обстоятельства последней очевидно весомы, правоприменители трактуют видео-конференц-связь не как безусловный долг, а как дискреционное право, используемое *ad hoc*. Это закономерно делает уязвимыми процессуальные позиции заключенных и лиц из труднодоступных районов. Отсутствие их реальной явки оборачивается де-факто устранением из механизма отстаивания интересов. Показания таких субъектов заменяются оглашением немых материалов дела, что ослабляет качество восприятия и оценки судом этого доказательственного звена.

Видео-конференц-связь меняет устную форму судопроизводства, что сказывается на регламенте исследования доказательств. Устность, сохраняя статус процессуального принципа, реализуется опосредованно: живой диалог распадается на отдельные реплики с техническими

паузами. Оперативное выяснение судом позиции стороны, внезапный вопрос и наблюдение за реакцией на аргументы оппонента становятся невозможными [5, с. 104]. Позиция И. Г. Пирожковой об утрате эмоциональной насыщенности речи и нюансов невербальной коммуникации обоснована, так как подобные потери искажают формирование объективного представления об обстоятельствах дела [6, с. 54]. Дополнительные сложности возникают при удаленном допросе: идентификация личности и контроль обстановки затруднены. У суда нет уверенности в отсутствии подсказок или постороннего воздействия.

Подводя итоги, стоит отметить следующее: видео-конференц-связь в гражданском процессе порождает системные угрозы. Дистанционные процедуры, при всей инновационности и положительном воздействии на доступность правосудия, видоизменяют природу судебного процесса. Возникает «экранный эффект», сдерживающий информационный поток к суду.

Сохраняя внешние признаки устной коммуникации, анализируемая форма взаимодействия утрачивает ее смысловое наполнение. Главным вызовом для проведения судебных заседаний в формате видео- и аудио конференций на сегодняшний момент является отсутствие закрепленных критериев легитимности видео-конференц-связи, в связи с неточностью границы допустимого использования технологии отданы на усмотрение суда, что порождает различие трактовок и порождает неопределенность.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Апелляционное определение Брянского областного суда от 02.03.2021 по делу № 2–2666/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Василенко О. В. Проблемы реализации принципа непосредственности в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 11 (203). — С. 302–304.
4. Дементеева И. И., Бутенко А. Г. Вопросы применения видео-конференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 6 (210). — С. 147–148.
5. Липатова Т. Б. Реализация принципов гражданского процессуального права в рамках электронного правосудия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 4 (147). — С. 100–107.
6. Пирожкова И. Г. Проблемы развития судебной деятельности и цифровизация государственного аппарата // Право: история и современность. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 52–56.
7. Проблемы правового регулирования дистанционного участия в гражданском судопроизводстве // Материалы конференции Сибирского юридического университета. — 2025. — С. 172–178.
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции (форма № 2) за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 08.08.2026).

Правовая природа вещного права в российском праве

Бекшоков Анзор Арсенович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется правовая природа вещного права в российском гражданском праве. На основе анализа законодательства и основных доктринальных подходов раскрываются понятие и признаки субъективного вещного права,

определяется его место в системе гражданских прав. Особое внимание уделяется абсолютному характеру вещных правоотношений, непосредственности осуществления вещного права, определенности его объекта, свойству следования и особенностям вещно-правовой защиты. Рассматривается проблема разграничения вещных и обязательственных прав, а также дискуссионный вопрос о действии принципа *numerus clausus* в российском гражданском праве. Обосновывается вывод о невозможности определения правовой природы вещного права посредством единственного формального признака. Предлагается рассматривать вещное право как юридически обеспеченную меру непосредственного господства лица над индивидуально определенной вещью, имеющую абсолютный характер и в предусмотренных законом пределах противопоставимую третьим лицам.

Ключевые слова: вещное право, право собственности, ограниченные вещные права, вещь, абсолютное право, вещное правоотношение, обязательственное право, право следования, *numerus clausus*, вещно-правовая защита.

Введение

Категория вещного права относится к числу фундаментальных категорий гражданского права, поскольку посредством вещно-правовых конструкций закрепляется принадлежность материальных благ участникам гражданского оборота и определяется объем юридически допустимого господства лица над вещью. Несмотря на длительное развитие учения о вещных правах, вопрос об их правовой природе остается дискуссионным: ни абсолютность, ни непосредственность осуществления, ни право следования, ни специальные способы защиты сами по себе не дают исчерпывающего критерия для квалификации субъективного права как вещного.

Понятие «вещное право» употребляется в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле оно представляет собой совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих отношения принадлежности материальных благ и осуществления господства над ними. В субъективном смысле речь идет о принадлежащей конкретному лицу юридически обеспеченной мере возможного поведения в отношении определенной вещи. Для раскрытия правовой природы вещного права ключевое значение имеет именно субъективный аспект.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Гражданский кодекс Российской Федерации регулирует отдельные виды вещных прав, однако не содержит общего легального определения субъективного вещного права и исчерпывающего нормативного перечня его признаков. Цель исследования состоит в выявлении сущностных характеристик вещного права и критериев его разграничения с обязательственными правами. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аналитический методы.

1. Вещное право как самостоятельная гражданско-правовая категория

Исходной конструкцией российского вещного права является право собственности. В соответствии с п. 1 ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат правомочия владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Вместе с тем система вещных прав не исчерпывается правом собственности. Статья 216 ГК РФ предусматри-

вает, в частности, право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуты, право хозяйственного ведения и право оперативного управления.

Право собственности является наиболее полным вещным правом. Ограниченное вещное право представляет своему обладателю юридически определенную возможность осуществлять отдельные формы господства в отношении вещи, принадлежащей другому лицу. Оно не устраняет право собственности, а обременяет его в установленных законом пределах. Тем самым в отношении одной вещи могут одновременно существовать право собственности и ограниченное вещное право другого субъекта.

Вещное право устанавливает непосредственную юридическую связь управомоченного лица с определенной вещью, однако не является правоотношением «лица и вещи» в буквальном смысле. Юридическому господству над вещью корреспондирует обязанность неопределенного круга лиц воздерживаться от нарушения соответствующего права. Поэтому природа вещного правоотношения раскрывается через сочетание власти над вещью и абсолютной обязанности третьих лиц не препятствовать ее осуществлению.

2. Абсолютный характер вещных правоотношений

Одним из традиционных признаков вещных прав является их абсолютный характер. Управомоченному субъекту противостоит неопределенный круг обязанных лиц, которые должны воздерживаться от поведения, препятствующего осуществлению права. Собственнику не требуется договор с каждым участником оборота, чтобы требовать невмешательства в принадлежащую ему имущественную сферу.

Этим вещное право отличается от обязательственного, где кредитору противостоит конкретный должник и удовлетворение интереса кредитора предполагает исполнение установленной обязанности. Обладатель вещного права, напротив, осуществляет свой интерес преимущественно собственными действиями в отношении вещи, а третьи лица несут общую пассивную обязанность не нарушать его право.

Вместе с тем абсолютность не является достаточным критерием вещного права, поскольку абсолютный характер имеют и иные субъективные права, например исключительные права. Поэтому данный признак приобретает определяющее значение лишь в совокупности с непосредственным юридическим господством над определенной вещью, особым объектом и установленным законом режимом осуществления и защиты.

3. Непосредственное юридическое господство и определенность объекта

Сущностной характеристикой вещного права является непосредственное юридическое господство лица над вещью. Его осуществление не ставится в зависимость от исполнения обязанности конкретным контрагентом. Так, собственник использует вещь в силу самого принадлежащего ему права, тогда как покупатель до передачи вещи располагает прежде всего обязательственным требованием к продавцу.

Непосредственное господство нельзя отождествлять с фактическим владением. Собственник, передавший имущество в аренду, временно утрачивает фактическое владение, но сохраняет право собственности. Следовательно, речь идет о юридически признанной возможности определять правовую и, в предусмотренных законом пределах, фактическую судьбу вещи.

Правовая природа вещного права связана и с определенностью его объекта. Классическая вещно-правовая конструкция предполагает индивидуально определенную вещь, поскольку третьи лица должны иметь возможность установить, в отношении какого имущества существует соответствующее право. Особенно наглядно это проявляется при виндикации: согласно ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, что предполагает идентификацию конкретной вещи.

Таким образом, объект является не внешним обстоятельством, а элементом самой конструкции вещного права. При этом усложнение системы объектов гражданских прав требует осторожности: экономическое сходство с собственностью само по себе не превращает соответствующее право в вещное. Решающее значение имеет предусмотренный законодательством правовой режим.

4. Свойство следования и вещно-правовая защита

С вещным правом традиционно связывается свойство следования, то есть сохранение права при смене собственника обремененной вещи, если иное не установлено законом. Пункт 3 ст. 216 ГК РФ предусматривает, что переход права собственности на имущество к другому лицу сам по себе не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество. В отношении сервитута данное правило конкретизировано ст. 275 ГК РФ.

Однако право следования не является исключительной принадлежностью вещных прав. Так, согласно п. 1 ст. 617 ГК РФ переход права собственности на сданное в аренду имущество не влечет изменения или расторжения дого-

вора аренды. Арендное право при этом сохраняет обязательственную природу. Следовательно, наличие одного признака не позволяет автоматически квалифицировать субъективное право как вещное.

Специфика вещных прав проявляется и в способах защиты. К классическим средствам защиты права собственности относятся виндикационный и негаторный иски. Виндикационный иск по ст. 301 ГК РФ направлен на истребование индивидуально определенной вещи из чужого незаконного владения, а негаторный иск по ст. 304 ГК РФ — на устранение нарушений права, не связанных с лишением владения.

При этом ст. 305 ГК РФ предоставляет предусмотренную ст. 301–304 ГК РФ защиту и некоторым законным владельцам, не являющимся собственниками. Это подтверждает, что вещно-правовые способы защиты также нельзя рассматривать как самостоятельный исчерпывающий критерий вещного права. Необходима оценка юридической конструкции в целом.

5. Соотношение вещных и обязательственных прав

Разграничение вещных и обязательственных прав имеет принципиальное значение для гражданского права. Вещное право предполагает непосредственное осуществление правомочий в отношении вещи и противопоставляется неопределенному кругу лиц. Обязательственное право представляет собой требование к конкретному должнику о совершении определенного действия либо воздержании от него. Кроме того, содержание вещного права в большей степени определяется императивно, поскольку оно затрагивает интересы третьих лиц, тогда как содержание договорного обязательства во многом формируется сторонами на основе свободы договора.

Однако вещные и обязательственные права не существуют изолированно. Особенно отчетливо их взаимодействие проявляется при отчуждении имущества. Заключение договора купли-продажи порождает обязательственную связь: продавец обязан передать имущество, а покупатель — принять его и уплатить цену. Само по себе возникновение такой обязанности еще не означает приобретения покупателем права собственности.

Согласно п. 1 ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором; для имущества, отчуждение которого подлежит государственной регистрации, действует специальное правило п. 2 этой статьи. Поэтому договор может служить юридическим основанием движения вещного права, но обязательственное требование и возникшее впоследствии вещное право различаются по своей юридической природе.

6. Проблема *numerus clausus* вещных прав

С абсолютной природой вещных прав тесно связан принцип *numerus clausus* — идея закрытого перечня до-

пустимых вещных прав. Ее смысл заключается в том, что право, противопоставимое неопределенному кругу третьих лиц, не должно произвольно создаваться соглашением отдельных участников оборота. Третьи лица должны иметь возможность определить существование такого права, его содержание и пределы.

Е. А. Суханов связывает эту особенность с принудительной типизацией и фиксацией вещных прав, предполагающими установление их видов и содержания законодательством. Аналогичная идея отражена в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г., ориентированной на законодательное закрепление системы вещных прав.

Вместе с тем применительно к действующему законодательству утверждение о формально исчерпывающем перечне требует оговорки. Пункт 1 ст. 216 ГК РФ при перечислении вещных прав использует выражение «в частности», поэтому буквальное содержание нормы само по себе не позволяет безусловно признать установленный ею перечень закрытым. Следует различать доктринальный принцип типизации вещных прав и конкретную форму его закрепления в действующем законодательстве.

7. Доктринальные подходы к определению вещного права

В отечественной цивилистике отсутствует единственный общепризнанный критерий вещного права. Г. Ф. Шершеневич разграничивал вещные и обязательственные права исходя из характера юридической власти лица и направленности субъективного права. В современной цивилистике Е. А. Суханов рассматривает право собственности как центральное, но не единственное вещное право и подчеркивает самостоятельность системы вещных прав.

Развитие гражданского оборота показало недостаточность определения вещного права через какой-либо один признак. Абсолютность присуща не только вещным правам; свойство следования встречается в обязательственных отношениях; вещно-правовая защита может предоставляться законному договорному владельцу; фактическое владение не всегда совпадает с принадлежностью вещного права.

Поэтому наиболее обоснованным является системный подход. Правовая природа вещного права раскрывается через совокупность взаимосвязанных характеристик: непосредственное юридическое господство над определенной вещью, абсолютную направленность права, нормативную определенность его содержания, устойчивость по отношению к смене собственника в предусмотренных законом случаях и особый режим защиты.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что вещное право представляет собой самостоятельную категорию российского гражданского права, правовая природа которой не может быть раскрыта посредством одного формального признака. Абсолютность, непосредственность осуществления, связь с индивидуально определенной вещью, свойство следования и вещно-правовая защита имеют значение именно в их совокупности.

Субъективное вещное право можно определить как установленную или признанную гражданским законодательством меру юридически непосредственного господства управомоченного лица над определенной вещью, осуществляемую преимущественно собственными действиями этого лица и противопоставимую в предусмотренных законом пределах неопределенному кругу третьих лиц. Такое понимание позволяет одновременно учесть и власть субъекта над вещью, и абсолютный характер возникающего правоотношения.

Принципиальным остается разграничение вещного и обязательственного эффектов договора. Договор способен выступать основанием приобретения вещного права, однако возникающее из него обязательственное требование и последующее право собственности не тождественны. Сохраняет значение и проблема *numerus clausus*: потребность в законодательной определенности системы вещных прав очевидна, но действующая редакция ст. 216 ГК РФ не позволяет безоговорочно утверждать, что непосредственно этой нормой установлен формально закрытый перечень всех вещных прав.

Дальнейшее развитие вещного права требует последовательного совершенствования общих положений о вещных правах и отдельных вещно-правовых институтов. Такая система должна обеспечивать стабильность гражданского оборота, определенность имущественного статуса его участников и эффективную защиту их прав.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
6. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник. — М.: Юрайт.
7. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Л.: Издательство Ленинградского университета.
8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут.

9. Склоковский К. И. Собственность в гражданском праве. — М.: Статут.
10. Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. — 2006. — № 12.
11. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут.
12. Толстой Ю. К. К учению о праве собственности // Правоведение.
13. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Статут.

Договор купли-продажи как основание приобретения права собственности в российском гражданском праве

Бекшоков Анзор Арсенович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется договор купли-продажи как одно из основных производных оснований приобретения права собственности в российском гражданском праве. Рассматривается соотношение заключения договора купли-продажи и момента возникновения права собственности у приобретателя, раскрывается различие между обязательственным и вещным эффектами договора. Особое внимание уделяется юридическому значению передачи вещи, государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, а также возможности определения сторонами иного момента возникновения права собственности в предусмотренных законом пределах. Анализируется вопрос о том, является ли договор купли-продажи самостоятельным и достаточным основанием перехода права собственности либо соответствующий правовой результат возникает в результате сложного юридического состава. Обосновывается необходимость разграничения договора как правового основания отчуждения имущества и юридического факта, непосредственно определяющего момент возникновения вещного права у приобретателя.

Ключевые слова: договор купли-продажи, право собственности, приобретение права собственности, переход права собственности, передача вещи, государственная регистрация, вещное право, обязательственное право, вещный эффект договора, производное приобретение права собственности.

Введение

Договор купли-продажи относится к числу наиболее распространенных юридических средств перемещения материальных благ. Его экономическое назначение состоит в возмездном отчуждении имущества, однако заключение договора само по себе не всегда означает автоматическое возникновение права собственности у покупателя.

Пункт 2 ст. 218 ГК РФ прямо относит договор купли-продажи к основаниям приобретения права собственности. Вместе с тем п. 1 ст. 223 ГК РФ устанавливает, что право собственности у приобретателя вещи по договору по общему правилу возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором; для имущества, отчуждение которого подлежит государственной регистрации, значение имеет момент такой регистрации.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении договора как основания приобретения собственности и юридического факта, определяющего момент возникновения вещного права. Его разрешение требует разграничения обязательственного и вещного эффектов купли-продажи.

Цель исследования состоит в определении места договора купли-продажи в механизме приобретения права собственности и соотношения между заключением дого-

вора, передачей имущества и возникновением вещного права у покупателя.

Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ цивилистических конструкций.

1. Купля-продажа в системе оснований приобретения права собственности

Основания приобретения права собственности традиционно подразделяются на первоначальные и производные. При производном приобретении право приобретателя юридически связано с правом предшествующего собственника; договор купли-продажи является классическим примером такого основания.

Покупатель по общему правилу приобретает право от продавца, поэтому вещно-правовой эффект сделки зависит от правового положения отчуждателя. Продавец должен обладать правом распоряжения имуществом либо быть уполномочен на его отчуждение законом или собственником.

Из этого правила существуют предусмотренные законом исключения, направленные на защиту добросовестного оборота: при определенных условиях право собственности может возникнуть у добросовестного при-

обретателя и при отсутствии у отчуждателя необходимого полномочия. Однако это не меняет общей производной природы приобретения по договору купли-продажи.

Таким образом, договор выражает согласованную волю сторон на отчуждение и приобретение имущества, но вещно-правовой результат определяется не только фактом достижения соглашения.

2. Обязательственный и вещный эффекты договора купли-продажи

Для понимания купли-продажи как основания приобретения собственности необходимо разграничивать ее обязательственный и вещный эффекты. Согласно п. 1 ст. 454 ГК РФ продавец обязуется передать товар в собственность покупателю, а покупатель — принять его и уплатить цену.

Заключение договора прежде всего порождает обязательственное правоотношение: покупатель получает право требовать передачи вещи и принимает обязанность ее оплатить, тогда как вещь до наступления предусмотренных законом условий может оставаться в собственности продавца.

Обязательственный эффект действует между конкретными сторонами договора. Вещный эффект состоит в изменении абсолютной принадлежности имущества — прекращении права собственности у отчуждателя и возникновении его у приобретателя. Поэтому договор участвует в формировании взаимосвязанных, но юридически различных последствий.

3. Является ли заключение договора достаточным для приобретения права собственности?

Российское гражданское законодательство в качестве общего правила не признает заключение договора достаточным для возникновения собственности у покупателя. По п. 1 ст. 223 ГК РФ право собственности на вещь возникает с момента ее передачи, если иной момент не установлен законом или договором.

Следовательно, договор создает юридическое основание перехода права, а передача при общем режиме определяет момент его возникновения. Это позволяет рассматривать приобретение собственности как сложный юридический состав, в котором договор является необходимым, но не всегда единственным элементом.

Иными словами, договор выполняет функцию основания (causa) отчуждения, а вещный эффект требует наступления дополнительного юридического факта. Поэтому понятия «основание приобретения права собственности» и «момент возникновения права собственности» необходимо разграничивать.

4. Передача вещи и ее значение для возникновения права собственности

Передача вещи — центральный элемент механизма приобретения собственности по договору. Статья 224 ГК

РФ относит к передаче не только вручение вещи приобретателю, но в предусмотренных случаях также сдачу перевозчику или организации связи и передачу товарораспорядительного документа. Если вещь уже находится у приобретателя, она признается переданной с момента заключения договора.

По общему правилу именно с передачей связывается возникновение права собственности на движимую вещь. Однако ст. 223 ГК РФ допускает иной момент, установленный законом или договором. Например, по ст. 491 ГК РФ стороны могут предусмотреть сохранение права собственности за продавцом до полной оплаты товара.

Следовательно, передача является общим, но не универсальным моментом перехода собственности: необходимо учитывать содержание договора и специальные нормы законодательства.

5. Договор купли-продажи недвижимости и государственная регистрация перехода права

Для недвижимости действует особая модель. В соответствии с п. 1 ст. 551 ГК РФ переход права собственности по договору продажи недвижимости подлежит государственной регистрации; во взаимосвязи с п. 2 ст. 223 ГК РФ это означает, что в предусмотренных законом случаях право возникает с момента регистрации перехода.

Договор может быть заключен, объект — передан, а расчеты — произведены, однако до государственной регистрации покупатель по общему правилу не становится собственником. Пункт 60 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 указывает, что отсутствие регистрации перехода права не делает договор продажи недвижимости недействительным.

После передачи объекта и до регистрации покупатель является законным владельцем и может защищать владение, но право собственности сохраняется за продавцом. Это подтверждает самостоятельность заключения договора, фактической передачи объекта и возникновения права собственности.

6. Государственная регистрация как элемент механизма приобретения права собственности

Государственная регистрация перехода права на недвижимость имеет не только учетное, но в установленных законом случаях правоустанавливающее значение: с внесением соответствующих сведений в реестр покупатель становится собственником, право которого противопоставимо третьим лицам.

При этом регистрация не заменяет договор: договор является юридическим основанием отчуждения, а регистрация завершает предусмотренный законом состав приобретения права и обеспечивает публичную определенность принадлежности недвижимости.

Если одна из сторон уклоняется от регистрации, п. 3 ст. 551 ГК РФ позволяет другой стороне требовать судебного

решения о государственной регистрации перехода права; необоснованно уклоняющаяся сторона обязана возместить вызванные задержкой убытки.

7. Значение исполнения договора для приобретения права собственности

Переход права собственности необходимо отличать от полного исполнения договора. Если право на движимую вещь уже перешло вследствие передачи, последующая неоплата товара сама по себе не возвращает собственность продавцу, а образует нарушение обязательства и влечет предусмотренные законом или договором меры защиты.

Аналогично государственная регистрация перехода права на недвижимость не исключает последующего расторжения договора при наличии законных оснований. Следовательно, исполнение обязательства и принадлежность вещного права тесно связаны, но не совпадают.

8. Продажа вещи лицом, не являющимся собственником

Продажа вещи лицом, не имеющим права ею распоряжаться, особенно наглядно показывает различие обязательственного и вещного эффектов: договор способен породить отношения между сторонами, тогда как приобретение покупателем собственности зависит от дополнительных предусмотренных законом условий.

Защищая добросовестного приобретателя, законодатель учитывает интерес первоначального собственника и интерес участника оборота, возмездно приобретшего имущество, полагаясь на внешнюю легитимацию отчуждателя. Значение имеют добросовестность и возмездность приобретения, характер выбытия вещи из владения собственника и иные установленные законом обстоятельства.

Такие исключения не отменяют общего правила о необходимости правомочия отчуждателя для обычного вещно-правового эффекта купли-продажи.

9. Договор как элемент сложного юридического состава приобретения собственности

Пункт 2 ст. 218 ГК РФ позволяет однозначно признать договор купли-продажи основанием приобретения права собственности, но не означает, что договор всегда является единственным юридическим фактом, необходимым для возникновения права.

При приобретении движимой вещи к договору по общему правилу присоединяется передача; при отчуждении недвижимости в предусмотренных законом случаях — государственная регистрация перехода права. Кроме того, стороны могут в допустимых пределах изменить момент возникновения собственности.

Поэтому следует различать правовое основание приобретения и юридический состав возникновения права.

Договор выражает согласованную волю сторон на возмездный переход имущества, тогда как непосредственное возникновение собственности обычно связывается с завершением предусмотренного законом или договором состава.

Для движимого имущества классический состав включает договор и передачу вещи; для недвижимости — договорное основание и государственную регистрацию перехода права. Фактическая передача недвижимости выполняет самостоятельную обязательственно-правовую функцию и не тождественна моменту возникновения собственности.

Такой подход согласует ст. 218 и 223 ГК РФ: первая отвечает на вопрос об основании приобретения права собственности, вторая — о моменте его возникновения у приобретателя.

10. Значение разграничения обязательственного и вещного эффектов для гражданского оборота

Разграничение обязательственного и вещного эффектов имеет практическое значение. До возникновения собственности покупатель не обладает полным объемом правомочий собственника; это влияет на распоряжение объектом, способы защиты, распределение рисков и разрешение конфликтов между несколькими приобретателями.

При последовательном отчуждении одного имущества нескольким лицам одного факта заключения первого договора недостаточно для вывода о принадлежности собственности. Необходимо учитывать момент передачи, наличие государственной регистрации, последовательность действий сторон и правовой статус приобретателей.

Переход права определяет момент, с которого положение покупателя приобретает абсолютный характер и действует в отношении третьих лиц. До этого договор связывает стороны преимущественно обязательственными правами и обязанностями; после возникновения собственности покупатель становится носителем вещного права.

Заключение

Договор купли-продажи является одним из основных производных оснований приобретения права собственности. Пункт 2 ст. 218 ГК РФ прямо признает договор основанием приобретения имущества, имеющего собственника, однако само заключение договора не во всех случаях непосредственно порождает собственность у покупателя.

Ключевое значение имеет разграничение обязательственного и вещного эффектов. Договор создает правоотношение между продавцом и покупателем, в том числе право покупателя требовать передачи имущества. Вещный эффект состоит в прекращении собственности у отчуждателя и возникновении ее у приобретателя.

Для движимых вещей таким дополнительным обстоятельством по общему правилу является передача, если иной момент не предусмотрен законом или договором. Для недвижимости в предусмотренных законом случаях право возникает с момента государственной регистрации перехода.

Поэтому договор купли-продажи целесообразно рассматривать как центральный элемент сложного юридического состава производного приобретения собственности: он определяет правовое основание (causa) отчуждения, тогда как момент возникновения вещного права устанавливается законом либо, в допускаемых пределах, соглашением сторон.

Такое понимание последовательно разграничивает ст. 218 и 223 ГК РФ и особенно отчетливо проявляется при продаже недвижимости, где заключение договора и фактическая передача объекта не заменяют государственной регистрации, если она имеет правоустанавливающее значение.

Таким образом, механизм приобретения собственности по договору купли-продажи представляет собой переход от относительного обязательственного отношения продавца и покупателя к абсолютному вещному праву приобретателя. В сочетании обязательственного основания и вещного результата раскрывается правовая природа купли-продажи как основания приобретения права собственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
4. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут.
8. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. — М.: Юрайт.
9. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут.
10. Иоффе О. С. Обязательственное право. — М.: Юридическая литература.
11. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут.
12. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — М.: Статут.
13. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут.
14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Статут.
15. Шевцов С. Г. Вещный и обязательственный эффекты договора // ЭЖ-Юрист. — 2003. — № 20.
16. Слыщенко В. А. Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной российской купли-продажи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 2.

Причины совершения преступлений несовершеннолетними лицами в сети Интернет

Гоцик Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Вопрос об увеличении количества преступности в сети Интернет становится со временем все более насущным. Так, в научной работе будут представлены причины, которые непосредственно влияют на рост преступлений.

Развитие информационных технологий имеет огромное влияние на молодежь двадцать первого века, поскольку они родились и росли в период развития сети Интернет. Теперь для этого поколения информационные технологии

уже принято считать неотъемлемой частью существования. Но за последнее время стали увеличиваться разного характера преступления, связанные с интернетом. В соответствии с УК РФ, преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания [1].

Так, необходимо рассмотреть разновидности преступлений в сети Интернет.

Киберпреступность или преступность в сфере информационных технологий является отдельной относительно самостоятельной структурной составляющей преступности, включающей в себя: преступность в сфере компьютерной информации. К данной группе следует отнести, например, неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ); преступность в сфере информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). В частности, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); преступность в сфере электронных средств платежа. Например, мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), кража в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ); иные преступления, сопряженные с использованием информационных технологий. В указанную группу преступлений следует отнести деяния, непосредственно не посягающие на общественные отношения в сфере обеспечения нормального оборота компьютерной информации, но предполагающие использование информационных технологий. Например, незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), клевета, совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ). Несмотря на то, что в настоящее время уголовное законодательство выделяет лишь преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), признак использования информационных технологий применяется во множестве составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ; в связи с этим предложенная нами классификация учитывает функции информационных технологий в механизме преступления [2].

Данные примеры являются одними из часто осуществляющихся преступлений. Стоит также отметить отличительную черту преступности в Интернете.

Одной из отличительных черт преступности в Интернете является минимальное количество затрат, усилий и времени для подготовки и совершения преступного деяния. На сегодняшний день у каждого подростка имеется сотовый телефон с выходом в интернет. Это лишь облегчает поле деятельности для преступников [3] — именно так считает Орлова Д. А. Также С. А. Стяжкина отмечает, что одной из особенностей киберпреступлений, совершаемых несовершеннолетними, является то, что жертвами чаще всего становятся другие подростки. Это обусловлено когнитивными особенностями данной возрастной группы, такими как ограниченный жизненный опыт и недостаточно развитое критическое мышление [4].

Нельзя не согласиться с данным мнением, так как на данный момент это один из самых быстрых и простых способов совершить преступления, ведь там легче скрыть личность, избежать наказания и т. д. Но стоит отметить ряд причин почему же несовершеннолетние все чаще привлекаются к преступлениям.

Авторы научных работ зачастую указывают огромное количество причин, но для начала стоит разобрать самые основные, которые непосредственно влияют на психологическое состояние и развитие несовершеннолетних лиц.

Основными факторами следует назвать социально-экономические условия, такие как неблагополучная семейная обстановка или экономическая нестабильность в семье. Например, подросток может испытывать потребность в удовлетворении базовых потребностей. Однако для совершения киберпреступлений требуется минимальный доступ к устройству, подключенному к информационно-коммуникационной сети Интернет, поэтому бедность семьи не всегда является определяющим фактором. Более значимым является сочетание социально-экономических условий и психологических особенностей подросткового возраста. В этот период подростки часто объединяются в группы, в которых существует определенная иерархия и социальный статус. Стремление к самоутверждению и повышению статуса в группе может побуждать несовершеннолетних совершать киберпреступления, которые воспринимаются как проявление силы или способ получения денежных средств, что, в свою очередь, укрепляет их статус среди сверстников. Еще одной причиной киберпреступлений, совершаемых несовершеннолетними, является анонимность, присущая интернету, которая особенно привлекает подростков. Для подросткового возраста характерны высокая активность, стремление выражать свое мнение и проявлять эмоции, в том числе негативные. Если в реальной жизни подростки не всегда могут активно проявить себя, то в виртуальной среде, благодаря анонимности и ощущению безнаказанности, они нередко прибегают к совершению правонарушений и преступлений. Так кибербуллинг является одним из наиболее распространенных видов киберпреступлений, совершаемых несовершеннолетними. Данный вид правонарушений наиболее характерен для социальных сетей, интернет-ресурсов, мессенджеров и онлайн-игр. Благодаря ощущению безнаказанности подростки нередко прибегают к травле, оскорблениям и унижению своих жертв, что делает кибербуллинг одной из самых частых форм правонарушений в виртуальной среде [5].

Все вышеперечисленные причины могут повлиять на решение несовершеннолетних лиц совершать действия, не предусмотренные законодательством.

Таким образом, распространение противоправных действий подростков в интернете обусловлено четырьмя ключевыми факторами: психологической незрелостью, технологической доступностью преступных схем, внешним криминальным воздействием и недостаточной эффективностью воспитательных мер со стороны законных представителей.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026)
2. Шавалеев Б.Е. Классификация киберпреступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Том 13. № 3 (49). С. 93 – 97.
3. Орлова, Д. А. Преступления несовершеннолетних в интернет-пространстве // Шаг в науку. — 2019. — № 4. — С. 109-112.
4. Стяжкина С. А. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. Т. 33, № 1. С. 155–160.
5. Шабанова, М. В. Причины и специфика подростковых киберпреступлений в России // Молодой ученый. — 2025. — № 44 (595). — С. 368-370.

Проблемы правового регулирования имущественных отношений лиц при разделе имущества и прекращении фактических брачных отношений

Дмитриева Варвара Сергеевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В рамках настоящего исследования раскрываются понятия фактических брачных отношений и их имущественных последствий, анализируется современное состояние правового регулирования раздела имущества лиц, состоявших в таких отношениях, приводится сравнительно-правовой анализ подходов зарубежных стран на примере Великобритании, Швеции, Швейцарии, Норвегии, производится выявление особенностей правоприменения при определении момента прекращения отношений и доказывании вклада сторон в приобретение имущества, а также предлагаются варианты разрешения сложившейся коллизии путем совершенствования семейного законодательства и расширения договорных способов регулирования.

Ключевые слова: фактические брачно-семейные отношения, семейное законодательство, прекращение фактических брачных отношений, раздел имущества, общая совместная собственность.

Институт фактических брачных отношений занимает все более значимое место в структуре современной семьи, однако его правовое регулирование существенно отстает от социальных реалий. Как в российском, так и в зарубежном праве наблюдается разрыв между потребностями общества в защите имущественных прав фактических супругов и существующими правовыми механизмами. Особую остроту проблеме придает необходимость определения момента прекращения таких отношений для целей раздела имущества.

В российском семейном праве ключевое значение приобретает категория «фактическое прекращение брачных отношений». Согласно п. 4 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [1], суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них. В научной литературе отмечается двойственная природа этого явления. Как указывает Е. А. Усачева, фактическое прекращение брачных отношений создает условия для смещения даты прекращения действия законного режима имущества супругов на более ранний срок несмотря на то, что юридически брак еще существует [2]. Однако правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при установлении этой даты, особенно в ситуациях, когда желание прекратить отношения возникло только у одного

из супругов. В связи с этим данный вопрос решается по усмотрению суда на основе совокупности доказательств, таких как раздельное проживание, прекращение ведения общего хозяйства, отсутствие общего бюджета.

Судебная практика демонстрирует единообразный подход: имущество, приобретенное после фактического прекращения отношений, признается личной собственностью приобретателя, даже если брак официально не расторгнут. Однако сложность представляет доказывание источника средств — если будет установлено, что имущество куплено за счет общих средств, накопленных до прекращения отношений, оно подлежит разделу.

Анализ зарубежного законодательства показывает три основных подхода к регулированию имущества фактических супругов:

- 1) Отсутствие специального регулирования с применением общих норм гражданского и обязательственного права (Великобритания, Швейцария);
- 2) Специализированное законодательство, предоставляющее ограниченный набор прав (Швеция, Норвегия);
- 3) Приравнивание к браку при определенных условиях (отдельные юрисдикции Австралии, проекты США).

В праве Великобритании отправной точкой является принцип следования юридическому титулу, то есть если имущество оформлено на одного партнера, презю-

мируется его единоличная собственность. Для оспаривания этого принципа используются конструкции доверительной собственности (resulting trust, constructive trust) и доктрины лишения прав (proprietary estoppel). Как отмечают британские исследователи, суды признают как финансовые, так и нефинансовые вклады, например, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми. Однако для установления доверительной собственности требуются четкие доказательства наличия общей договоренности и действий в ущерб себе в связи с этой договоренностью [3].

Швейцарское право рассматривает фактическое сожительство как простое товарищество, что влечет применение общих принципов обязательственного права. При разделе каждый партнер получает обратно то, что внес, а при возникновении споров действует презумпция долевой собственности [4].

Наиболее прогрессивным представляется шведский подход, где действует специальный Закон о сожителях. Он распространяется на постоянное совместное проживание лиц в качестве пары с ведением общего хозяйства. Разделу подлежит ограниченный круг имущества — совместное жилье и домашнее имущество, приобретенное для совместного использования, при этом банковские вклады, автомобили и дачи в раздел не включаются [5].

Анализ новейших законодательных инициатив демонстрирует общемировую тенденцию к усилению защиты прав фактических супругов. Так, например, Норвегия рассматривает проект нового Закона о сожительстве, в который включаются презумпция совместной собственности на жилье и движимое имущество, приобретенное для совместного использования, право на раздел имущества для пар, имеющих или ожидающих общих детей, либо проживших вместе не менее трех лет [6].

Анализ скандинавского законодательства показывает четкую тенденцию к усилению правовой защиты фактических супругов при наличии общих детей. Норвежский законопроект предусматривает право на раздел имущества только для пар с детьми либо с длительным сроком сожительства. Шведское законодательство также устанавливает особые правила для пар с детьми, в частности, при решении вопроса о переходе права на жилье.

Российское законодательство, напротив, не проводит дифференциации правового статуса фактических супругов в зависимости от наличия детей, что представляется серьезным пробелом, учитывая, что именно родитель, осуществляющий уход за детьми, чаще всего оказывается в уязвимом экономическом положении после прекращения отношений.

Судебная практика всех рассмотренных юрисдикций свидетельствует о решающем значении письменных доказательств. В российском праве бремя доказывания приоб-

ретения спорного имущества за счет совместных средств лежит на истце. Британские суды также требуют четких доказательств намерений сторон и их действий, совершенных в ущерб себе в связи с общей договоренностью.

Важное значение имеет вопрос о сроках исковой давности. В российском праве срок исковой давности по требованиям о разделе имущества супругов, брак которых расторгнут, составляет три года. При этом, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, этот срок следует исчислять не со дня расторжения брака и не с момента прекращения фактических брачных отношений, а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Все исследованные правовые порядки предлагают в качестве основного способа предотвращения имущественных споров заключение письменных соглашений.

Так в России соглашения о разделе имущества и брачные договоры доступны только для зарегистрированных супругов. Фактические супруги лишены возможности заключить соглашение со специальным семейно-правовым режимом и вынуждены использовать общегражданские конструкции. В свою очередь в Великобритании рекомендуется заключение деклараций о доверительной собственности и соглашений о сожительстве, которые суды рассматривают как убедительное доказательство намерений сторон, а в Швейцарии отсутствие специального регулирования делает договорное регулирование практически единственным способом обеспечить предсказуемость имущественных последствий прекращения отношений.

Подводя итог, можно говорить о том, что наблюдается общемировая тенденция к усилению правовой защиты фактических супругов, однако модели регулирования существенно различаются. Российское законодательство, предоставляя суду право признавать имущество, нажитое в период раздельного проживания, собственностью каждого из супругов, не содержит четких критериев определения момента прекращения отношений, что порождает судебское усмотрение и непредсказуемость судебных решений.

Наиболее уязвимой категорией фактических супругов являются лица, осуществляющие уход за детьми и не имеющие самостоятельного дохода, — их права на компенсацию нефинансовых вкладов в отношения защищены недостаточно.

Целесообразным представляется законодательное закрепление в российском праве легальных критериев фактического прекращения брачных отношений, возможности заключения специального соглашения для фактических супругов, права на компенсацию нефинансовых вкладов при наличии общих детей.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

2. Усачева Е. А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. с. 91–110.
3. Birketts. Common property disputes among cohabitantes and how to resolve them. 2025. <https://www.birketts.co.uk/legal-update/common-property-disputes-among-cohabitantes-and-how-to-resolve-them>.
4. Stach Rechtsanwälte. Separation in cohabitation. <https://stach.ch/en/separation-in-cohabitation>.
5. The Cohabitees Act (Sweden). <https://government.se/government-policy/family-law/cohabitee-relationships>.
6. Norwegian proposed Cohabitation Act (2025). <https://braekhus.no/en/cohabiting-you-should-be-aware-of-this-proposed-legislation>.

Договор розничной купли-продажи в России: генезис правового регулирования

Емельянов Глеб Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Воронина Наталья Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Статья посвящена историческому развитию нормативного регулирования договора розничной купли-продажи в России. На основе анализа научных источников прослеживается эволюция института от первых письменных памятников до эпохи цифровой торговли. Выделены четыре ключевых этапа: досоветский (от Русской Правды до Свода законов Российской империи), советский (формирование публичного договора обслуживания), постсоветский (кодификация и становление потребительского законодательства) и современный (адаптация к дистанционной и цифровой среде). Показана преемственность и новизна правовых решений, а также нарастание императивной защиты покупателя как слабой стороны.

Ключевые слова: розничная купля-продажа, история права, защита прав потребителей, публичный договор, дистанционная торговля, цифровая среда.

Договор розничной купли-продажи на сегодняшний день, пожалуй, одно из самых массовых, а равно достаточно сложных гражданско-правовых институтов. В России каждую минуту проходят тысячи сделок, кажущихся сейчас обыденностью, однако за текущим вариантом применения таких договоров, стоит многовековая история эволюции правовых норм, институтов, правовых доктрин, постоянно изменяющимися под влиянием различных государственных устройствах, экономическом развитии, глобализации, и динамики общемировых тенденций и цивилизованного развития общества. Изучить путь этот путь развития необходимо для понимания логики в действующих нормах, а также для предсказания вектора дальнейшего развития.

Подход к рассмотрению будет осуществляться на основании 4-х периодов нашей истории: Дореволюционная Россия, период Советского союза, период истории России в первые годы после распада СССР, а также актуальная современность 20-х годов нашего века.

Первым периодом является дореволюционный. Источники правового регулирования купли-продажи в Древней Руси не смогли отчетливо сохраниться до наших дней. В своей работе Нурулаева А. Р. «Договор-купли продажи в истории права России и зарубежных стран» говорит о том, что договор купли-продажи в России восходит непосредственно от римского права, однако попав в русскую среду, он неизбежно впитал в себя самобытные черты под влиянием обычного права и торговых связей [13].

Первый письменный памятник, в котором фиксируются правила, по которым совершался обмен товаров на деньги — Русская правда. Стоит заметить, что уже в ней купля-продажа признавалась одним из центральных договоров. Уже в те времена «форма договора отличалась простотой, часто устной, а его публичный характер начинал просматриваться в регулировании торгов на площадях» [18].

Дальнейшее развитие института неразрывно связано с централизацией государства. Логично было предположить, что после эпохи феодальной раздробленности неизбежно встанет потребность в новой кодификации законодательства разрозненных княжеств, объединенных под новым началом. Хотя в том же Соборном уложении 1649 г. нет прямых статей, посвященных исключительно качеству товара или ответственности продавца в современных терминах, общие положения о возмещении ущерба и ответственности за причинение вреда могли применяться к торговым сделкам, включая случаи продажи некачественного товара. В Уложении закреплялись принципы возмещения убытков, что было характерно для регулирования имущественных отношений того времени. Так, например существовало положение, запрещающее покупать хлебные запасы и конские запасы по льготной цене служивым людям, если их собственных запасов было достаточно для личных нужд, что позволяло снизить злоупотребление правом. Тем не менее, говорить о самостоятельном институте розничной торговли пока было рано.

Вплоть до XVIII в. розничная купля-продажа оставалась разновидностью общегражданских сделок, а ее отделение началось непосредственно под влиянием роста городов, а вместе с тем, мануфактур и фабрик [16].

Невероятно важным этапом по праву является именно XIX в. В своде законов Российской империи 1832, 1857 годов, согласно статье А. А. Рожкова «Торговое право России во второй четверти XIX в. по своду законов Российской Империи 1832 и 1857 гг.» торговое право выделялось в отдельную, самостоятельную отрасль, тогда как именно купля-продажа становится «основой торговли» [14]. Как раз в это время начинают появляться зачатки особого порядка регулирования сделок, а именно: уставы о торговле, правила о мерах и весах, ограничения на продажу определённых товаров. Однако, тем не менее, законодатель долгое время все также избегал конкретной и детальной регламентации розничной продажи, больше полагаясь на купеческие обычаи и сословные самоуправления [15].

Фундаментальный труд И. М. Кулишера «Очерк истории русской торговли» даёт живую картину того, как выглядела розница в XIX веке: лавки, ярмарки, разносная торговля — и всё это при минимальном вмешательстве писаного права [12]. В это время защита прав покупателя больше держалась на непосредственной репутации самого купца, а более сложные спорные ситуации, могли становиться предметом разбирательства в сословных судах. Лишь ближе к концу века, вследствие развития фабричной продукции и более широкого потребительского рынка, государство постепенно начинало вторгаться в сферу, устанавливая обязательные клейма, первые требования к качеству продовольствия и прочие положения, без которых сложно представить текущие потребительские отношения.

Далее наступил советский период правового регулирования договора розничной купли-продажи. Октябрьская революция 1917 г. кардинально изменила как государственное устройство, так и экономический базис страны, что в свою очередь, как следствие, неминуемо повлияло на розничную куплю-продажу товаров. Тем не менее, в первые года после революции, в условиях подразверстки и фактического прекращения частной торговли, говорить о розничной купле-продаже не приходилось как о массовом и повсеместном институте. Тем не менее, все начало меняться именно в момент перехода к нэпу. Декрет СНК РСФСР от 19 июля 1921 г. «Инструкция о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней» фактически реанимировал частную розницу. Этому нормативному акту посвящена брошюра К. М. Гавриленко 1926 г. — один из первых советских обзоров законодательства о розничной торговле [11]. В ней подробно прописаны все основные положения и условия допуска к торговле, правила найма помещения и, что крайне важно, также предусмотренная ответственность за нарушения, а также описано как государство пытается совместить частную практику с административным контролем и надзором.

Уже с окончанием нэпа в конце 1929 г., институт розничной купли продажи переживает свое в новое появление в совершенно другом амплуа, становясь, по сути, социалистическим инструментом.

Советский подход к розничной купле-продаже прекрасно описывался в диссертации Е. В. Алексеевой «Гражданско-правовое регулирование розничной торговли купли-продажи» [8]. Розничная-купля продажа рассматривается не столько как просто институт обмена, а именно как форма обслуживания трудящихся граждан. Во главе угла стоят планы, правила работы магазинов, нормы естественной убыли. Стоит заметить, что хоть Гражданские кодексы РСФСР 1922 и 1964 гг. содержали главы о купле-продаже, но тем не менее, основное регулирование отводилось именно подзаконным актам. Так, например, в 1970-е годы были введены «Типовые правила обмена промышленных товаров, купленных в розничной сети» [6], которые по сути являются прообразом современных норм о защите прав потребителей.

Пожалуй, одна из важнейших характеристик советского этапа — это постепенный переход договора розничной купли-продажи в публичное русло. По сути, в советском праве продавец был обязан заключить договор купли-продажи с любым гражданином, хоть прямо предусмотрено это нигде не было. До законодательного закрепления этой нормы еще оставались десятилетия, но уже тогда законодатель расценивал розничную куплю-продажу как особый социально-значимый институт. В условиях плановой экономики, а также в ситуации, где доминирующим продавцом, по сути, выступает государство, а не частное лицо, такой шаг в сторону формального ограничения свободы торговых организаций в пользу будущего потребителя, является весьма логичным и обоснованным.

Тем не менее, к концу существования СССР, розничная купля-продажа представляла собой сложносоставной правовой институт, где с одной стороны вступал древнейший и, по-своему, классический гражданско-правовой договор, регулируемый нормами Гражданского кодекса, с другой стороны — плотный массив административных предписаний. Однако в будущем именно данных подход ляжет в основу современного российского законодательства.

Следующий этап — постсоветский период. После фундаментальных изменений, вызванных распадом СССР, перехода страны в новое экономическое, политическое и даже общественное пространство, было вполне очевидно, что вопрос о необходимости адаптации законодательства станет весьма острым. С началом рыночных реформ законодательство должно было обновляться. Переход к частной собственности, свободе перемещения товаров, появление конкуренции и тут же ее невероятной возросший уровень значимости стали требовать становления нового правового фундамента. Одними из первых законов в этом направлении стали Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [2], при-

нятый еще до распада, и, конечно, Закон РФ от 07 февраля 1992 года «О защите прав потребителей» [3], который в свою очередь, с многочисленными изменениями действует до сих пор.

В последствии в 1996 г. вступила в силу вторая часть Гражданского кодекса Российской Федерации [1], в котором появился 2 параграф 30 главы специально посвященный розничной купле-продаже. Как подчёркивал в своей монографии В. В. Витрянский, это был шаг, которого ждали давно: кодификация собрала разрозненные нормы в единую систему, закрепила понятие публичности договора, ввела новые виды — продажа по образцам, дистанционная продажа, продажа с автоматов [10]. Договор купли-продажи стал не просто и не столько отраслевой модификацией, сколько самостоятельным институтом с четко установленными и выраженными социальными функциями и содержанием.

Благодаря научным трудам Н. Ю. Хорошавиной можно хорошо проследить обоснованную преемственность, но одновременно с этим и радикальный разрыв в подходе 1990-х гг., где на смену патерналистскому нормированию пришла модель информированного потребителя. С выводами автора действительно не сложно согласиться [17]. Как уже указывалось ранее, в столь интенсивном переходе и абсолютно новом государственном и экономическом устройстве такое решение было просто необходимым. В ситуации, когда государство уже перестало быть основным и главным продавцом, весьма логично было перейти на модель полного предоставления информации, дабы уже сам конечный потребитель принимал решение о приобретении товара. Так называемая «информационная симметрия» стала основной парадигмой, проходящей насквозь тонкой линией для дальнейшего развития законодательства.

Новеллы Закона о защите прав потребителей, расширившие возможности покупателей, не раз становились предметом статейного обсуждения еще с 2005 г. Множество раз затрагивались частные и публично-правовые аспекты нововведений, среди которых можно выделить введение сроков удовлетворения претензий покупателя, а также штрафные санкции за их добровольное неисполнение. Эти и другие последующие нормы однозначно и неоднократно усиливали позицию покупателя [9]. Именно это позволило договору розничной купли-продажи окончательно приобрести характерный дисбаланс в пользу слабой в данном договоре стороны.

Может сложиться впечатление, что институт розничной торговли уже сформировался полностью и обрел некоторую стабильность уже даже к 20-м годам нашего века, однако на практике все не так однозначно. В связи со стремительной всеобъемлющей цифровизацией, перед розничной торговлей неизбежно встают новые вызовы, порождая необходимость дальнейшего, в какой-то степени даже, скорейшего вмешательства и адаптации.

И последним, но не по значимости является современный период правового регулирования договора роз-

ничной купли-продажи. Еще с 2010-х гг. и, в частности, после пандемии COVID-19, дистанционная продажа товаров становится не просто относительно локальной отраслью торговли, а уже действительно значимой и, местами даже, доминирующей частью рынка. Невероятно быстрое развитие и всепоглощающая популярность различных маркетплейсов, служб доставок всего и вся, начиная от еды, заканчивая автомобилями закономерно поставили перед законодателем очередные вопросы регулирования.

Рассматривая в целом нормы об исполнении обязательств розничной купли-продажи, можно сделать вывод о том, что законодательство строилось непосредственно на прямом физическом контакте и взаимодействии покупателя и продавца. В таких условиях дистанционная продажа неминуемо накладывала список дополнительных вопросов, ставших в последствии множеством как судебных разбирательств, так и обширного количества дискуссий. Определение момента исполнения обязательств по передаче товара при доставке, риск случайной гибели имущества, возврат товара надлежащего качества, все эти моменты требовали скорейшего регулирования [7].

В этом вопросе российское законодательство пошло по пути предоставления дополнительных прав покупателю. Одним из важнейших актов на этом фоне выглядит Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи...» [5], которое закрепило дистанционную продажу как форму оферты со всеми вытекающими последствиями. Дополнительно права покупателей в дальнейшем развивались и закреплялись. Тем не менее, при условиях продажи товаров дистанционно, потребитель так или иначе все еще находился в невыгодном положении. Оставались проблемы с направлением претензий, полной и прозрачной информационной доступностью, так и проблемы с обычным мошенничеством и торговлей поддельной продукцией.

Стоит отметить, что законодательство за последние шесть лет предпринимает множество действий для более действенного регулирования закона в этих вопросах, потребители получают все больший объем прав, что в свою очередь остается главным показателем социальной защиты.

Тем не менее, именно из-за такого отношения со стороны государства, неизбежно появляются и те, кто пытается злоупотребить своими правами. Появился так называемый «потребительский терроризм». Стоит отметить, что такая проблема не нова, однако последние годы она получила явно куда большее распространение. На рынке существуют даже специальные «условно-профессиональные» субъекты, которые в действительности зарабатывали на таком поприще в судебных процессах.

И вот, с недавнего времени государство попыталось немного уравнять ситуацию, добавив хоть и небольшие, но крайне важные изменения в Закон «О защите прав потребителей». Так, например с 01 февраля 2026 г. вступили

в изменения поправки, которые запрещают штрафную неустойку выше стоимости товара что в свою очередь предотвращает возникновение огромных сум, превышающих стоимость самого товара, а также не позволяют передать уступку потребителем права требования об уплате штрафа или неустойки «лицу, не являющемуся потребителем» до вступления в законную силу решения суда об их взыскании. Также сделана прямая оговорка о том, что такая сделка признается ничтожной. Помимо этого, изменился и порядок расчёта компенсации при возврате технически сложного товара ненадлежащего качества, счет разницы в цене производится не с текущей ценой нового товара, а с ценой аналогичного товара с учётом его износа и года выпуска [4].

Все это направлено непосредственно на противодействие «потребительскому терроризму». Тем не менее, не все изменения, на наш взгляд, можно назвать положительными, некоторые изменения, создается впечатление, что они не призваны уравнивать «слабую» сторону рынка, а напротив, создают условия, позволяющие продавцу не исполнять свои обязанности ввиду более сложного и не такого удобного механизма восстановления своих прав. Как раз хочется отметить изменения нормы ст. 13, которая предусматривает основания освобождения от уплаты штрафа. Статья дополнена пунктом 7 предусматривающим случаи, когда судебный штраф не применяется, а именно второй абзац пункта: нарушение обязательств перед потребителем произошло по вине контрагента продавца (исполнителя). Исключение — недобросовестный или неразумный выбор такого контрагента продавцом. Однако поправка об освобождении от штрафа при наличии вины контрагента открывает судам широкие возможности для отказа в его взыскании. На практике она неизбежно возложит на потребителя бремя доказывания неосмотрительности, проявленной продавцом при выборе им своего контрагента. Стоит только продавцу представить хоть какие-то доказательства нарушения обязательства его поставщиком. Тем самым, законодатель в части 50- % штрафа исключил для продавца

ответственность на началах риска в отличие от иных требований (п. 4 ст. 13 Закона о защите прав потребителей), что в данной части создаёт для него в отношениях с потребителями более щадящий правовой режим нежели предусмотренный общими положениями ГК РФ [4].

Тем не менее, не беря во внимание последние изменения, которым еще предстоит стать предметом неоднократных судебных разбирательств, можно сделать вывод о том, что в текущих условиях современный покупатель защищен гораздо сильнее, нежели его предшественники, однако это все равно не дает дальнейшей полной гарантии добросовестного удовлетворения нарушенных прав, как со стороны продавца, так и даже со стороны покупателя.

Подводя итог, можно говорить о том, что исторический правовой путь развития договора розничной купли-продажи в России точно свидетельствует о том, что данная отрасль всегда была динамичной. Он постоянно реагировал на исторические изменения и разнообразные государственные устройства и экономические периоды, подстраиваясь и изменяясь под условия нового времени. Правовая конструкция договора купли-продажи прошел огромный путь, от времен, где защита покупателя, по сути, держалась на личной репутации купца, до состояния, где розница превратилась не просто в гражданско-правовой договор, а отдельный, невероятно значимый социально значимый институт.

Но даже сформированный институт не говорит о его статичности и полной стабилизации. Эпоха современности ставит неизбежные новые вызовы перед законодателем. Динамично развивающаяся цифровизация, баланс интересов покупателя и продавца все еще остаются весьма значимыми и не до конца закрытыми вопросами. Тем не менее, оценивая действия законодателя можно сделать вывод о том, что розничная купля-продажа никогда не была и не будет «чисто гражданско-правовым» договором — в силу своей массовости и социальной значимости она всегда остаётся зоной повышенного публичного интереса и императивного вмешательства государства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [текст кодекса с изм. и доп. по состоянию на 20 мая 2026 г.]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>;
2. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 (ред. от 30.11.1994) «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-25121990-n-445-1-o/>;
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]: (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026). — Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-07021992-n-2300-1/>;
4. Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 52 (ч. I). — Ст. 9876. — (в части изменений Закона РФ «О защите прав потребителей»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523016;
5. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных

товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101090017>;

6. Типовые правила обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли: утв. Приказом Минторга СССР № 19, Госстандарта СССР № 19 от 1 февраля 1974 г. — Текст: электронный // Технорма.RU: [сайт]. — URL: https://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/usr_8245.htm;
7. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Форма договора розничной купли-продажи: анализ законодательства и правоприменительной практики // Нотариус. — 2022. — № 8. — С. 14–17. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=146108#eYfzXKV0cxAuR5Ug1>;
8. Алексеева, Е. В. Гражданско-правовое регулирование розничной торговли купли-продажи: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е. В. Алексеева. — Ленинград, 1985. — 193 с. — Текст: электронный // Юридическая научная библиотека: [сайт]. — URL: <http://lawlibrary.ru/dissert2000982.html>;
9. Афанасьева, Н. Ю. Частноправовое и публично-правовое регулирование отношений розничной купли-продажи: некоторые новеллы Закона РФ «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы частноправового регулирования: материалы междунар. V науч. конф. молодых ученых (г. Самара, 22–23 апреля 2005 г.). — Самара: Универс-групп, 2005. — С. 279–281. — Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article1192724.html>;
10. Витрянский, В. В. Договор купли-продажи и его отдельные виды [Электронный ресурс] / В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 1999. — 284 с. — Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie24306.html>;
11. Гавриленко, К. М. Законодательство о розничной торговле / К. М. Гавриленко. — Москва: Центросоюз, 1926. — 189 с.: табл. — (Библиотека розничной торговли; № 4). — Текст: электронный // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина: [сайт]. — URL: <https://www.prilib.ru/item/718699>;
12. Кулишер, И. М. История русской торговли и промышленности / И. М. Кулишер. — 2-е изд., эл. — Москва: Социум, 2020. — 490 с. — (Русский тариф; вып. 5). — ISBN 978–5–91603–688–6. — Текст: электронный // Руконт: [сайт]. — URL: <https://www.rucont.ru/efd/810077>;
13. Нуруллаева А. Р. Договор купли-продажи в истории права России и зарубежных стран // Форум молодых ученых. — 2024. — № 5 (93). — С. 1–9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-kupli-prodazhi-v-istorii-prava-rossii-i-zarubezhnyh-stran>;
14. Рожков А. А. Торговое право России во второй четверти XIX в. по своду законов Российской Империи 1832 и 1857 гг. — Текст: электронный // CyberLeninka. — 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovoe-pravo-rossii-vo-vtoroy-chetverti-xix-v-po-svodu-zakonov-rossiyskoy-imperii-1832-i-1857-gg>;
15. Тарасенко, Ю. А. История догматики торгового права: учебное пособие для вузов / Ю. А. Тарасенко. — Москва: Юрайт, 2020. — 381 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–13268–7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/519071>;
16. Ульянова, Г. Н. Законодательное регулирование торговли в Российской империи (от Городового положения 1785 г. до гильдейской реформы Е. Ф. Канкрин 1824 г.) [Электронный ресурс] / Г. Н. Ульянова // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. — 2018. — Т. 5, № 1. — С. 50–75. — Режим доступа: <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/38972>;
17. Хорошавина, Н. Ю. Правовое регулирование договорных отношений розничной купли-продажи [Электронный ресурс]: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. Ю. Хорошавина. — Казань, 2007. — 23 с. — Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/197388858.pdf>;
18. Шишкин А. Н. Договор розничной купли-продажи как особое публичное соглашение // Молодой ученый. — 2023. — № 46 (493). — С. 331–333. — URL: <https://moluch.ru/archive/493/107759>.

Правовые конструкции инвестирования по законодательству Российской Федерации: проблемы конкуренции и выбора

Ересько Анастасия Вадимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирсанова Анна Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются основные правовые конструкции инвестирования, закрепленные в законодательстве Российской Федерации. Автор анализирует соотношение договорных и корпоративных форм инвестирования, выделяя их преимущества и недостатки. Особое внимание уделяется проблеме терминологической коллизии между понятиями

«инвестиционная деятельность» и «инвестирование», а также конкуренции норм об инвестиционном товариществе и договоре простого товарищества. На основе проведенного исследования предлагаются критерии выбора оптимальной правовой конструкции для реализации инвестиционного проекта, а также вносятся предложения по гармонизации понятийного аппарата инвестиционного законодательства. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а также частно-научный формально-юридический метод.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, правовая конструкция, инвестиционное товарищество, договор простого товарищества, корпоративный договор, уставный капитал, риски инвестора.

Введение

В условиях рыночной экономики и геополитической нестабильности вопрос эффективного правового регулирования инвестиционных процессов приобретает особую актуальность. Российское законодательство, регулирующее инвестиционную сферу, исторически складывалось фрагментарно. Основу составляют Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ, а также значительный пласт норм Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ).

Несмотря на наличие нормативной базы, на практике инвестор сталкивается с проблемой выбора конкретной правовой формы для вложения капитала. Доктринально выделяют несколько ключевых конструкций: создание коммерческой организации (корпоративная форма), заключение инвестиционного договора (договорная форма), вступление в инвестиционное товарищество, а также использование механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Цель настоящей статьи — проанализировать сущность указанных конструкций, выявить правовые коллизии и предложить практические критерии их выбора.

1. Корпоративная форма инвестирования:

Классической конструкцией инвестирования является участие в уставном капитале хозяйственного общества. Инвестор, приобретая акции (АО) или доли (ООО), становится участником корпорации и приобретает комплекс имущественных и неимущественных прав (ст. 65.1 ГК РФ). Преимущества данной формы очевидны: ограничение рисков стоимостью вклада, наличие развитого корпоративного законодательства и механизмов защиты прав миноритариев. Однако существуют и недостатки. Во-первых, это «замораживание» капитала: выход из ООО или продажа доли может быть затруднена преимущественным правом покупки или необходимостью внесения изменений в ЕГРЮЛ. Во-вторых, жёсткая регуляторная нагрузка (обязательный аудит, сложная отчетность).

2. Договорные конструкции (обязательственные):

Альтернативой корпоративному участию выступает инвестиционный договор. Однако здесь возникает

первая и главная правовая проблема: ГК РФ не содержит легального определения «инвестиционного договора». В правоприменительной практике под ним понимается смешанный договор, сочетающий элементы подряда, купли-продажи, займа или оказания услуг (ст. 421 ГК РФ). Сюда же относится договор участия в долевом строительстве (214-ФЗ), который является специальной инвестиционной конструкцией с высоким уровнем защиты прав граждан-инвесторов (наличие залога, целевое использование средств, счета эскроу).

Особый интерес представляет конструкция простого товарищества (глава 55 ГК РФ). Она удобна для объединения капиталов без создания юридического лица. Однако для целей коллективных инвестиций на рынке ценных бумаг или иных высокорисковых активов был введен специальный субъект — инвестиционное товарищество (ФЗ № 335-ФЗ).

Анализ показывает конкуренцию норм: договор простого товарищества доступен любым лицам и требует лишь регистрации (в ряде случаев), в то время как инвестиционное товарищество управляется через уполномоченного товарища и не является юридическим лицом, но его деятельность ограничена перечнем разрешенных операций. Зачастую стороны по инерции используют простую форму товарищества, не подозревая о существовании «инвестиционной» версии, либо наоборот, сталкиваются с излишними ограничениями.

3. Проблемы терминологии и правоприменения:

Проведенное исследование выявило существенный недостаток: рассогласованность понятий «инвестиционная деятельность» (Закон № 39-ФЗ) и терминологии ГК РФ. В ГК РФ термин «инвестиции» упоминается лишь фрагментарно. Это приводит к тому, что суды по-разному квалифицируют природу отношений. Например, в одном случае договор купли-продажи будущей недвижимости признается инвестиционным (с вытекающими налоговыми последствиями), в другом — обычным подрядом.

Кроме того, стоит отметить уход от классических форм в сторону цифровых финансовых активов (ЦФА). Федеральный закон № 259-ФЗ ввел новую форму инвестирования — утилитарные цифровые права, которые по своей сути являются гибридом прав требования и корпоративных прав. Это создает новую, еще не устоявшуюся правовую конструкцию, требующую доктринального осмысления.

4. Критерии выбора правовой конструкции:

На основе анализа судебной практики и доктрины можно сформулировать следующие критерии, которыми должен руководствоваться инвестор:

1. Цель инвестирования. Если цель — контроль над активом и операционной деятельностью, выбирается корпоративная форма (покупка доли/акций). Если цель — извлечение прибыли без бремени управления — предпочтительнее заемные конструкции (инвестиционный заем) или участие в товариществе.

2. Уровень риска и конфиденциальность. Договорные формы (простое товарищество) позволяют не раскрывать бенефициаров публично, в отличие от ЕГРЮЛ.

3. Гарантии возврата. В корпоративных формах инвестор рискует всем капиталом. В заемных конструкциях возможно обеспечение залогом или поручительством.

4. Налоговые последствия. Взнос в уставный капитал не облагается налогом на прибыль у принимающей стороны, в то время как по инвестиционному договору полу-

ченные средства могут быть признаны выручкой или безвозмездной помощью.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что российское законодательство предлагает широкий спектр правовых конструкций инвестирования, однако их правовое регулирование страдает от внутренней несогласованности. Во-первых, предлагается унифицировать понятийный аппарат, законодательно закрепив в ГК РФ или в специальном законе единое понятие «инвестиционный договор», что исключит путаницу в правоприменительной практике. Во-вторых, необходимо уточнить правовой статус инвестиционного товарищества в соотношении с договором простого товарищества, определив случаи обязательного применения той или иной конструкции. В-третьих, выбор конкретной юридической модели должен базироваться не только на налоговых предпочтениях, но и на комплексном анализе объема прав, ответственности участников и механизмов выхода из проекта.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 9. — Ст. 1096.
3. Об инвестиционном товариществе: Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 49 (ч. 1). — Ст. 7013.
4. Семилютина Н. Г. Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования // Журнал российского права. — 2021. — № 2. — С. 13–25.
5. Юридический портал «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

Гражданско-правовые последствия ненадлежащего оказания медицинских услуг

Зайнуллина Алина Рамисовна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

Статья посвящена гражданско-правовым последствиям ненадлежащего оказания медицинских услуг. Анализируются компенсация морального вреда, возмещение убытков и расторжение договора как основные меры ответственности. Рассматриваются основания ответственности, распределение бремени доказывания и критерии определения размера компенсации. Обосновывается необходимость уточнения законодательных критериев и совершенствования судебной практики.

Ключевые слова: медицинская услуга, гражданско-правовая ответственность, моральный вред, убытки, деликт, причинная связь, презумпция вины.

Гражданско-правовые последствия ненадлежащего оказания медицинских услуг представляют собой сложный институт, обусловленный двойственной правовой природой медицинской деятельности, регулируемой нормами договорного и деликтного права.

Оказание медицинской помощи затрагивает жизнь и здоровье как высшие конституционные ценности, что предопределяет повышенные требования к качеству услуг и строгость последствий их ненадлежащего исполнения.

Гражданско-правовые последствия классифицируются на три группы: возмещение убытков (реальный ущерб и упущенная выгода), компенсация морального вреда и расторжение договора с возвратом уплаченных средств или соразмерным уменьшением цены услуги. Принципиальное значение имеет разграничение договорной и деликтной ответственности: при платных услугах применяются общие положения об ответственности исполнителя (ст. 779–783 ГК РФ), при бесплатной помощи в рамках государственных гарантий ответственность строится на деликтных началах [1]. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 33 от 15 ноября 2022 г. указал, что выбор способа защиты принадлежит потерпевшему, что позволяет пациенту максимально полно защищать нарушенные права [3].

Основанием наступления последствий служит состав правонарушения: противоправность поведения медицинской организации, вред, причинная связь и вина. Противоправность выражается как в действии (неправильная операция, неверное назначение препарата), так и в бездействии (несвоевременная госпитализация, отказ в экстренной помощи). Медицинская деятельность сопряжена с риском, и не всякий неблагоприятный исход квалифицируется как ненадлежащее оказание услуги. Для установления причинной связи суды требуют заключения судебно-медицинской экспертизы, которая выступает ключевым доказательством по данной категории дел. При этом вина медицинской организации презюмируется, и бремя доказывания ее отсутствия возлагается на ответчика, что существенно облегчает положение пациента.

Особое место занимает компенсация морального вреда, выполняющая компенсационную, штрафную и превентивную функции. Поскольку объектом посягательства выступают нематериальные блага, физические и нравственные страдания презюмируются самим фактом ненадлежащего оказания помощи. В соответствии со ст. 151 и 1101 ГК РФ размер компенсации определяется судом с учетом характера страданий, степени вины, индивидуальных особенностей потерпевшего, требований разумности и справедливости [1]. Судебная практика демонстрирует значительный разброс сумм: от 150 тыс. рублей до нескольких миллионов рублей в случаях тяжких последствий, повлекших инвалидность или смерть [4]. В доктрине отмечается, что отсутствие четких критериев приводит к произвольному и недостаточно мотивированному определению размера компенсации, что снижает предсказуемость судебных решений.

Возмещение убытков включает реальный ущерб (расходы на дополнительное лечение, лекарства, транспорт, сиделку) и упущенную выгоду (неполученный заработок за период нетрудоспособности или при стойкой утрате

трудоспособности). Доказывание размера убытков возлагается на истца, что нередко затруднительно при подтверждении дополнительных расходов неформализованными документами. Размер упущенной выгоды определяется исходя из среднемесячного заработка, что не всегда отражает реальные доходы, особенно лиц, занятых в предпринимательской деятельности. Правило ст. 1085 ГК РФ позволяет взыскивать утраченный заработок в твердой сумме, однако практика его применения к случаям временной нетрудоспособности неединообразна [1].

При оказании платных услуг ненадлежащего качества дополнительно применяются правила Закона «О защите прав потребителей», предусматривающие расторжение договора, соразмерное уменьшение цены и взыскание неустойки [2]. Пациент вправе требовать безвозмездного устранения недостатков, уменьшения цены либо возмещения расходов на устранение недостатков третьими лицами. При существенных недостатках допускается расторжение договора с полным возмещением убытков и компенсацией морального вреда. В рамках потребительского законодательства действует презумпция вины исполнителя, что облегчает положение пациента, поскольку бремя доказывания отсутствия вины лежит на медицинской организации.

Важным аспектом является соотношение последствий с профессиональными стандартами и клиническими рекомендациями. Стандартизация медицинской помощи не должна приводить к жесткой зависимости ответственности от формального соблюдения стандартов, поскольку стандарты устанавливают минимальные требования. Отступление от стандарта может быть оправданным в экстренных случаях или при индивидуальных особенностях пациента, тогда как формальное соблюдение стандарта не исключает ответственности, если в конкретной ситуации требовались иные действия. Оценка надлежащего оказания услуги должна носить комплексный характер, включающий формальные и содержательные критерии.

Таким образом, гражданско-правовые последствия ненадлежащего оказания медицинских услуг включают компенсацию морального вреда, возмещение убытков и расторжение договора. Сохраняются нерешенные проблемы: отсутствие четких критериев размера компенсации морального вреда, сложность доказывания причинной связи, неопределенность соотношения стандартов и реального качества услуги, дифференциация ответственности в зависимости от формы оказания помощи. Дальнейшее развитие института требует уточнения критериев ответственности, разработки рекомендательных шкал компенсации, совершенствования судебно-медицинской экспертизы и усиления досудебного урегулирования споров.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

2. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (в ред. от 28 декабря 2025 г., с изм. от 17 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33.
4. Решение Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 33–9439/2024 от 13 мая 2024 года.

Понятие компьютерной информации как объекта оперативно-розыскной деятельности

Зехов Айтеч Айдамирович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье раскрывается понятие компьютерной информации как объекта оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Проанализировано законодательное закрепление термина, выделены ключевые признаки компьютерной информации, отличающие её от смежных категорий. Особое внимание уделено разграничению понятий «компьютерная информация», «электронный документ» и «электронный носитель»: показаны их существенные различия и значение для правоприменительной практики. Рассмотрена роль компьютерной информации в ОРД — от источника ориентирования до основы для проведения оперативно-розыскных мероприятий и формирования доказательственной базы. В работе обозначены актуальные проблемы использования цифровых данных в оперативной работе и направления совершенствования нормативно-правовой и технической составляющей ОРД. Статья адресована студентам юридических вузов, аспирантам, а также практическим работникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: компьютерная информация, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, электронный документ, электронный носитель, цифровые следы, криминалистика, законодательство, доказательство, фиксация данных.

The concept of computer information as an object of operationalinvestigative activities

The article elaborates on the concept of computer information as an object of operationalinvestigative activities (OIA). It analyses the legislative framework defining the term and highlights the key characteristics of computer information, distinguishing it from related categories. Particular attention is paid to differentiating the notions of «computer information», «electronic document», and «electronic storage medium»: their essential distinctions and significance for law enforcement practice are demonstrated. The paper examines the role of computer information in OIA — from serving as a source of orienting data to forming the basis for conducting operationalinvestigative measures and building an evidentiary foundation. The study identifies current challenges in using digital data in operational work and outlines directions for improving the regulatory and technical components of OIA. The article is intended for law students, postgraduates, and law enforcement practitioners.

Keywords: computer information, operationalinvestigative activity, operationalinvestigative measures, electronic document, electronic storage medium, digital traces, criminalistics, legislation, evidence, data recording.

Термин «компьютерная информация» прочно вошёл в научный и правоприменительный оборот, однако его содержание остаётся предметом дискуссий. С технологической точки зрения речь идёт о данных, представленных в форме электрических сигналов и обрабатываемых средствами вычислительной техники. Однако для целей ОРД важна не столько техническая сторона, сколько юридическая и криминалистическая значимость таких данных. «В юридической литературе под компьютерной информацией понимают сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [1].

С позиций криминалистики и теории ОРД под компьютерной информацией целесообразно понимать сведения, имеющие значение для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, зафиксированные в цифровой форме на любых носителях и доступные для обработки с помощью компьютерных средств. При этом важно подчеркнуть, что объектом ОРД выступает не сам носитель, а именно информация — совокупность данных, содержащих следы противоправной деятельности либо позволяющих установить обстоятельства, значимые для дела.

Такой подход позволяет отделить содержательную сторону от материальной формы: для оперативного со-

трудника ценность представляют не жёсткий диск или флешнакопитель как вещи, а те сведения, которые на них зафиксированы — переписка, логи, метаданные, транзакции, геолокационные отметки и т. п.

Нормативная база, закрепляющая понятие компьютерной информации, носит комплексный характер. Ключевое определение содержится в ст. 272 УК РФ, где под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Это определение имеет прежде всего уголовноправовое значение, но активно используется и в иных сферах — в том числе в оперативно-розыскной практике.

Дополнительно правовое регулирование опирается на Федеральный закон от 27.07.2006 № 149ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором раскрываются базовые категории: информация, информационные технологии, информационные системы, а также устанавливаются общие принципы обращения с данными. Хотя в этом законе термин «компьютерная информация» напрямую не употребляется, его положения формируют правовой режим работы с цифровыми данными, включая вопросы доступа, защиты и распространения.

В рамках ОРД особое значение имеет Федеральный закон от 12.08.1995 № 144ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», который не даёт отдельного определения компьютерной информации, но предусматривает специальные ОРМ, ориентированные на её получение (в частности, «получение компьютерной информации» и «снятие информации с технических каналов связи»). Таким образом, законодатель признаёт самостоятельность этой категории данных и необходимость особых процедур для их легального изъятия и использования.

Компьютерная информация обладает рядом специфических признаков, определяющих особенности её поиска, фиксации и применения в ОРД:

Цифровая форма и нематериальность. Информация существует в виде бинарного кода и не имеет физической сущности до момента отображения на экране или вывода на печать. Это усложняет её восприятие и требует специальных средств для визуализации и анализа.

Высокая скорость передачи и лёгкость копирования. Данные могут быть мгновенно переданы на любые расстояния, а их копирование не влечёт утраты оригинала. С одной стороны, это облегчает сбор и тиражирование сведений, с другой — создаёт риски бесконтрольного распространения и утраты контроля над доказательствами.

Лёгкость модификации и уничтожения. Цифровые данные могут быть изменены или удалены без видимых внешних следов, что требует применения специальных методов фиксации (например, создания образов носителей, расчёта хешсумм) для обеспечения их неизменности.

Многоуровневость хранения и распределённость. Информация может находиться на локальных устройствах,

в облачных хранилищах, на серверах провайдеров, в тёмном сегменте сети. Это расширяет круг потенциальных источников, но одновременно усложняет процесс их обнаружения и легального доступа.

Автоматизированность формирования. Значительная часть данных создаётся автоматически — логи доступа, метаданные файлов, кэш приложений, история браузера. Такие сведения зачастую носят объективный характер и позволяют реконструировать действия пользователя даже при отсутствии прямых улик.

Эти признаки обуславливают необходимость привлечения специалистов, использования сертифицированных технических средств и строгого документирования всех этапов работы с компьютерной информацией.

Отличие от электронного документа и электронного носителя

Для корректного применения норм права и тактики ОРД важно разграничивать понятия «компьютерная информация», «электронный документ» и «электронный носитель».

Электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, пригодная для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин и для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям либо обработки в информационных системах. Его ключевая особенность — наличие реквизитов, позволяющих идентифицировать документ и его автора, а также соответствие установленным требованиям (например, наличие электронной подписи). Таким образом, электронный документ — это частный случай компьютерной информации, обладающий дополнительной юридической формой и статусом.

Электронный носитель — это материальный объект (жёсткий диск, флешнакопитель, карта памяти, оптический диск и т. д.), предназначенный для хранения компьютерной информации. Он выступает лишь средой фиксации данных и сам по себе не является источником сведений. В ОРД носитель может быть предметом осмотра или изъятия, но объектом интереса остаётся именно информация, на нём зафиксированная.

Разграничение этих категорий имеет принципиальное значение: при проведении ОРМ оперативный сотрудник ориентирован на получение сведений, а не вещей; при этом для легитимности результатов важно правильно оформить как сам процесс извлечения данных, так и их последующее использование с учётом статуса документа или требований к носителю.

Значение компьютерной информации для оперативно-розыскной деятельности трудно переоценить. В первую очередь, она служит важнейшим источником ориентирующих сведений: по цифровым следам можно установить круг общения подозреваемого, его маршруты, финансовые операции, используемые устройства и аккаунты, а также связи между участниками преступной группы.

Вторых, компьютерная информация позволяет выявлять закономерности и модели поведения, которые

трудно отследить традиционными методами. Анализ метаданных, логов, истории запросов и транзакций даёт возможность строить версии, прогнозировать дальнейшие действия преступников и определять наиболее эффективные направления работы.

Вторых, цифровые данные нередко становятся основой для проведения конкретных ОРМ и следственных действий. Например, зафиксированные в переписке договорённости могут служить основанием для организации наблюдения, прослушивания или обыска. При надлежащем оформлении такие сведения впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств.

Наконец, работа с компьютерной информацией способствует повышению эффективности межведомственного и международного взаимодействия: обмен цифровыми следами, анализ данных операторов связи и платёжных систем, сотрудничество с ИТкомпаниями позволяют оперативно получать сведения, необходимые для раскрытия преступлений.

Вместе с тем использование компьютерной информации сопряжено с рядом вызовов: необходимостью соблюдения конституционных прав граждан, обеспечением неизменности данных, преодолением технических барьеров (шифрование, анонимизация) и подготовкой квалифицированных кадров. Решение этих проблем — одно из приоритетных направлений совершенствования ОРД в современных условиях.

Компьютерная информация представляет собой самостоятельный и крайне значимый объект оперативно-розыскной деятельности, обладающий специфическими признаками и требующий особых подходов к обнаружению, фиксации и использованию. Её законодательное закрепление носит комплексный характер и опирается на нормы уголовного, информационного и оперативно-розыскного законодательства.

Чёткое разграничение компьютерной информации с такими смежными категориями, как электронный документ и электронный носитель, позволяет избежать ошибок в квалификации действий оперативных сотрудников и обеспечить легитимность получаемых сведений. Значение компьютерной информации для ОРД проявляется в её способности выступать источником ориентирующих данных, основой для планирования мероприятий и потенциальным доказательством в уголовном процессе.

Дальнейшее развитие практики работы с цифровой информацией должно идти по пути совершенствования нормативно-правовой базы, внедрения современных технических средств, повышения квалификации сотрудников и укрепления взаимодействия с ИТспециалистами и операторами связи. Только комплексный подход позволит в полной мере использовать потенциал компьютерной информации в борьбе с преступностью при соблюдении баланса между эффективностью ОРД и защитой прав и свобод граждан.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) Федеральный закон от 27.07.2006 № 149ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
3. Бакланов Л. А. Получение компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского юридического института МВД России. 2016. № 3.
4. Виноградов Е. А. Проведение оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники // *Advances in Law Studies*. 2023. № 2. С. 61–65.
5. Дубонос Е. С. Понятие и проблемные аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации»
6. Дзабиев У. К. Результаты оперативно-розыскных мероприятий как информационное основание для формирования доказательств // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 50–55.

Применение срока исковой давности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности

Историна Ольга Павловна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматриваются виды сроков исковой давности по требованию о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Автор анализирует проблемы определения правовой природы объективного срока исковой давности для привлечения к субсидиарной ответственности, а также вытекающие из этого противоречия правоприменительной практики по вопросу особенностей исчисления указанных сроков.

Ключевые слова: банкротство, контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, срок исковой давности, пресекательные сроки.

Application of the statute of limitations when holding persons controlling the debtor liable for subsidiary liability

Istorina Olga Pavlovna, master's student
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article discusses the types of limitation periods for claims to bring the persons controlling the debtor to subsidiary liability. The author analyzes the problems of determining the legal nature of the objective limitation period for bringing to subsidiary liability, as well as the contradictions in law enforcement practice arising from this, regarding the specifics of calculating these periods.

Keywords: bankruptcy, person controlling the debtor, subsidiary liability, limitation period, statute of limitations.

В подавляющем большинстве процедур банкротства юридических лиц применение такого экстраординарного способа восстановления имущественных прав кредиторов, как привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, является необходимой мерой для достижения целей конкурсного производства.

Вместе с тем применение такого механизма вызывает бесчисленное множество правоприменительных затруднений. Одним из таких сложных вопросов является вопрос исковой давности при предъявлении требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Так, несмотря на популярность прокредиторского подхода с целью установления баланса прав и интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель ввел специальные сроки исковой давности, в том числе с целью защиты прав контролирующих должника лиц.

Федеральным законом № 266-ФЗ от 29.07.2017 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» была введена ст. 61.14 Федерального закона № 127-ФЗ 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее также — Закон о банкротстве), которая закрепила специальные сроки исковой давности [2].

Следует начать с того, что существует два вида сроков на привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности — объективный и субъективный.

Как следует из п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве, лицо, обладающее правом на подачу заявления, вправе подать такое заявление в течение трех лет со дня, когда оно узнало или должно было узнать о наличии соответствующих оснований для привлечения к субсидиарной ответственности (субъективный срок исковой давности), но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) и не позднее десяти лет со дня, когда имели место действия и (или) бездействие, являющиеся основанием для привлечения к ответственности (объективный срок исковой давности).

Таким образом, субъективная исковая давность подлежит существованию в пределах объективной исковой давности.

При этом в абз. 2 п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве законодатель добавляет, что в случае пропуска срока на подачу заявления по уважительной причине он может быть восстановлен арбитражным судом, если не истекло два года с момента окончания срока, указанного в абзаце первом настоящего пункта.

Полагаем, что правила, предусмотренные в абз. 2 п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве, относятся исключительно к субъективному сроку исковой давности, вместе с тем, этот вопрос также является предметом настоящего обсуждения, о чем будет указано позднее.

В данном исследовании наиболее полно необходимо разобраться в вопросе определения правовой природы объективного десятилетнего срока исковой давности, а также правил и особенностей его течения и исчисления.

Многие авторы полагают, что указанный десятилетний срок исковой давности со дня совершения правонарушения был установлен в целях исключения возможности толкования ранее существовавшей ст. 10 Закона о банкротстве как нормы, предусматривающей наличие бессрочной ответственности.

Соответственно, идея состояла в том, что указанный десятилетний срок исковой давности подлежит течению с момента совершения нарушения вне зависимости от осведомленности о нем заявителей и иных других обстоятельств, в связи с чем он и именуется объективным.

Концепция специального десятилетнего срока исковой давности соответствует общему правилу, которое предусматривает, что срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [1]. Данное правило, как следует из п. 2 ст. 197 Гражданского кодекса Российской Федерации, распространяется и на специальные сроки давности, если законом не установлено иное, а законом установлено именно это.

К срокам исковой давности применяются правила об их приостановлении, перерыве или восстановлении в случае пропуска (ст.ст. 202, 203, 205 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В связи с чем было бы логично предположить, что описываемый десятилетний срок исковой давности также подлежит приостановке, перерыву или восстановлению. Однако проблема состоит в том, что он объективный, для него не важна осведомленность субъекта, его течение не должно от него зависеть.

Из-за чего мы полагаем, что данный срок несмотря на то, что формально является сроком давности фактически надлежит квалифицировать в качестве пресекающего срока.

Ведь норма, изложенная в п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве, сформулирована именно таким образом, что если заявитель не обратиться в суд в течение десяти лет с момента совершения правонарушения контролирующим должника лицом, то его субъективное право на обращение с таким заявлением прекратится.

На наш взгляд, именно в этом состоит смысл установленной нормы, — объективная исковая давность должна служить для стабильности оборота, для обозначения точки отсечения, за которую никому переступать нельзя.

Возвращаясь к вопросу о правовой природе десятилетнего срока, следует отметить, что в качестве пресекающего данный срок квалифицируют не только в доктрине, но и в судебной практике.

Несмотря на всю парадоксальность многие суды приходят к следующему выводу «заявителем пропущены предусмотренные п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве специальные пресекающие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности, которые восстановлению не подлежат» [2, с. 6].

Квалифицируя указанный срок в качестве пресекающего, суды также делают вывод о невозможности его восстановления, что не противоречит правилам течения пресекающих сроков.

В таком случае, исходя из двойственной природы десятилетнего срока (исковой давности и пресекающего срока), возникает логичный вопрос об иных особенностях его течения, в частности, о возможности применения правил о его приостановлении.

Как уже ранее было указано, вне зависимости от причин их пропуска приостановление, перерыв или восстановление пресекающих сроков не допускается, тогда как для сроков исковой давности такая возможность предусмотрена.

При разрешении данного вопроса представляется целесообразным проанализировать определение Арбитражного суда Новосибирской области от 11.12.2025 по делу № А45–16381/2019. В рамках указанного спора двумя учредителями был осуществлен возврат компенсационного финансирования (нарушение, которое вменяется в качестве основания для привлечения к субсидиарной ответственности) в период с 12.07.2013 по 18.04.2014, в то время

как заявление об их привлечении к субсидиарной ответственности было подано 27.03.2025, то есть с пропуском объективного десятилетнего срока практически на год.

Вместе с тем, удовлетворяя заявление конкурсного управляющего о привлечении учредителей общества к субсидиарной ответственности, суд указал, что объективный десятилетний срок исковой давности был приостановлен в связи с рассмотрением в течение двух лет заявления конкурсного управляющего о признании сделок (возврата указанного компенсационного финансирования) недействительными. К слову, в удовлетворении требований конкурсного управляющего об оспаривании сделок было отказано в связи с пропуском специального срока исковой давности.

По нашему мнению, с учетом квалификации указанного срока в качестве пресекающего отсутствуют основания применять к нему общие правила о приостановлении сроков исковой давности. В противном случае это будет противоречить не только правилам течения пресекающих сроков, но и сути существования нормы о десятилетнем объективном предельном сроке давности.

На наш взгляд, прямая аналогия десятилетнего срока существует в уголовном законе, предусматривающем сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Так, как указано ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли установленные сроки. При этом сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. В свою очередь, течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76.2 настоящего Кодекса [4].

Эта концепция применима и к настоящим правоотношениям. Так, как следует из уголовного закона, сроки давности начинают течь с момента совершения преступления вне зависимости от того, когда потерпевший или правоохранительные органы узнали о его совершении. Единственным препятствием для течения данных сроков является уклонение виновного лица от следствия или суда.

На наш взгляд, указанное «уклонение от следствия или суда» аналогично гражданскому «злоупотреблению правом». Иными словами, единственное, что может повлиять на течение или и вовсе применение объективного десятилетнего срока исковой давности — это злоупотребление правом лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности.

Представляется справедливым, что именно санкцией за недобросовестное поведение будет отказ в применении последствий пропуска срока десятилетней исковой давности как защиты прав контролирующего должника лица. Данный подход согласуется с правовой позицией, изложенной в постановлении Президиума ВАС РФ № 17912/09 от 22.11.2011 года по делу № А54–5153/2008/С16.

Таким образом, единственным основанием для приостановления или отказа в применении пресекательного десятилетнего срока исковой давности на привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответ-

ственности будет являться установление факта злоупотребления правом ответчиков по такому заявлению, которое послужило препятствием для обращения с данным заявлением в арбитражный суд.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. [ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 29 июля 20017 г. № 266-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2017 г.: одобрен Советом Федерации 25 июля 2017 г. [ред. от 29 июля 2017 г.] // Российская газета. — 04.08.2017. — № 172.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федер. Закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сен. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 г. [ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 05 июня 1996 г. [ред. от 29 дек. 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 13.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2026). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
6. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.08.2022 г. № 12АП-5986/2022 по делу № А12-20433/2012. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2026). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
7. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25.07.2024 по делу № А56-9615/2021/у61. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2026). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
8. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 11.12.2025 г. по делу № А45-16381/2019. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/39058071-ef3c-4e35-a2c4-5813cf519e3a/ed20ab37-030a-41e1-b2a7-d389e89a7495/A45-16381-2019_20251211_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.01.2026).
9. Добрачѐв Д. В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства. — М.: «Инфотропик Медиа», — 2019. — 172 с.
10. Егоров А. В. Исковая давность по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве // Вестник гражданского права. — 2018. — № 4. — С. 132- 153.
11. Соболев С. И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 6. — С. 27–73.

Особенности распределения бремени доказывания в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц

Историна Ольга Павловна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья описывает проблемы особенностей распределения бремени доказывания судом в спорах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в связи с вменением причинения существенного вреда имущественным правам кредиторов. Подвергаются анализу проблемы распределения бремени доказывания в ситуациях, при которых одна из сторон спора объективно лишена возможность документально обосновать свои доводы и возражения в связи с невозможностью получения доказательств. Предложены подходы корректного распределения бремени доказывания при указанных обстоятельствах с целью соблюдения баланса интересов и процессуальных возможностей заявителей и контролирующих лиц.

Ключевые слова: арбитражный процесс, бремя доказывания, доказательства, банкротство, привлечение к субсидиарной ответственности, контролирующее должника лицо.

Features of the distribution of the burden of proof in disputes concerning the holding of controlling debtors liable for subsidiary liability

Istorina Olga Pavlovna, master's student
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article describes the problems of the peculiarities of the distribution of the burden of proof by the court in disputes on the involvement of persons controlling the debtor in subsidiary liability in connection with the imputation of causing significant damage to the property rights of creditors. The problems of the distribution of the burden of proof in situations where one of the parties to the dispute is objectively deprived of the opportunity to document their arguments and objections due to the impossibility of obtaining evidence are analyzed. Approaches to the correct distribution of the burden of proof in these circumstances are proposed in order to maintain a balance of interests and procedural opportunities for applicants and controlling persons.

Keywords: arbitration process, burden of proof, evidence, bankruptcy, subsidiary liability, and controlling person.

Одним из оснований для привлечения контролирующего должника лиц (далее также — КДЛ) к субсидиарной ответственности в соответствии с пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее также — Закон о банкротстве) является невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействий) контролирующего лица в связи с причинением существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника (совершения таких сделок по указанию этого лица), включая сделки, указанные в статьях 61.2 и 61.3 настоящего Федерального закона.

Для привлечения к субсидиарной ответственности по указанному основанию суду необходимо установить ряд обстоятельств.

Первое обстоятельство — совершение противоправных действий (бездействий) лицом, которые и повлекли невозможность удовлетворить требования кредиторов. Это должны быть такие действия (бездействия), которые привели к объективному банкротству должника. В частности, к таким действиям относятся неразумные и недобросовестные управленческие решения, которые существенно влияют на экономическую деятельности организации

Второе условие — наличие причиненного вреда, который выражается в невозможности удовлетворения требований кредиторов.

Третье обстоятельство — это причинная связь между причиненным вредом кредиторам и действиями контролирующего лица. При этом, как указано в самом п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, при существовании обстоятельства причинения вреда в результате противоправных действий, причинная связь презюмируется.

Соответственно, при буквальном толковании указанной нормы можно сделать вывод о том, что заявителю необходимо доказать факт совершения неправомерных действий контролирующим лицом и причинения вреда кредиторам. Притом вина контролирующего лица и причинная связь между его действиями (бездействиями)

и причиненным вредом презюмируется, пока КДЛ не доказало обратное.

Вместе с кажущимся очевидным распределением бремени доказывания по данному спору судебной практике известно много случаев неверного распределения бремени доказывания.

В данной ситуации основная задача суда состоит в поддержании состязательности процесса и соблюдении интересов лиц участвующих в деле, а именно, конкурсных кредиторов (у которых с высокой степенью вероятности не может быть в принципе каких-либо доказательств), конкурсного управляющего (которому предположительно должны быть переданы все документы, опосредующие хозяйственную деятельность должника, при введении процедуры банкротства) и контролирующих должника лиц (которые или добросовестно исполнили обязанность по передаче документов, или недобросовестно их скрывают, или документы отсутствовали у них вовсе).

Иными словами, заявителю (будь то конкурсный управляющий или конкурсный кредитор) контролирующими лицами могут быть учинены препятствия в обосновании своих доводов о наличии оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности именно контролирующими лицами.

Основополагающий подход для соблюдения баланса интересов сторон в этом случае состоит в следующем.

Как следует из положений ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) бремя доказывания оснований возложения субсидиарной ответственности на контролирующее должника лицо по общему правилу лежит на кредиторе, заявившем это требование.

Вместе с тем контролирующие лица, тем более если банкротство хозяйственного общества вызвано их противоправной деятельностью, не заинтересованы в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный оборот в подконтрольных обществах (предприятиях).

Однако, как следует из п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с при-

влечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее также — Постановление № 53), это обстоятельство не должно снижать уровень правовой защищенности кредиторов при необоснованном посягательстве на их права.

Поэтому, если кредитор с помощью косвенных доказательств убедительно обосновал утверждение о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения его требований вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения данных утверждений переходит на привлекаемое лицо. При этом оно должно доказать, почему доказательства кредитора не могут быть приняты в подтверждение его доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность.

Закон о банкротстве прямо предписывает контролирующему должника лицу активное процессуальное поведение при доказывании возражений относительно предъявленных к нему требований под угрозой принятия решения не в его пользу (п. 2 ст. 61.15, п. 4 ст. 61.16, п. 2 ст. 61.19 Закона о банкротстве, п. 2 ст. 9, п. 3.1 ст. 70 АПК РФ).

Правовая позиция по вопросу о распределении бремени доказывания по делам о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности применительно к случаю, когда подконтрольный должник ликвидирован, изложена Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 7 февраля 2023 г. № 6-П (далее — постановление № 6-П), а также Верховным Судом Российской Федерации в п. 8 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г., утвержденного 15 мая 2024 г. и ряде определений (от 10 апреля 2023 г. N 305-ЭС22–16424, от 4 октября 2023 N 305-ЭС23–11842, от 27 июня 2024 г. N 305-ЭС24–809, от 11 февраля 2025 г. N 307-ЭС24–18794 и другие).

Эта позиция сводится к тому, что бремя доказывания сторонами судебного спора своих требований и возражений должно быть распределено судом так, чтобы оно было потенциально реализуемым, то есть, чтобы сторона имела объективную возможность представить необходимые доказательства. Недопустимо требовать со стороны представления доказательств определенных обстоятельств, если она не может их получить по причине их нахождения у другой стороны спора, не раскрывающей их по своей воле.

Соответственно, если кредитор или управляющий утверждает, что контролирующее лицо действовало недобросовестно, и представил судебные акты, подтверждающие наличие долга перед ним, а также доказательства исключения должника из государственного реестра, то суд должен оценить возможности кредитора по получению доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности такого должника.

В отсутствие у кредитора или управляющего, действующего добросовестно, доступа к указанной информации и при отказе или уклонении контролирующего лица от дачи пояснений о своих действиях (бездействии) при

управлении должником, причинах неисполнения обязательств перед кредитором и прекращения хозяйственной деятельности или при их явной неполноте обязанность доказать отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возлагается на лицо, привлекаемое к ответственности.

При этом стандарт разумного и добросовестного поведения последнего в сфере корпоративных отношений предполагает аккумулирование и сохранение информации о хозяйственной деятельности должника, ее раскрытие при предъявлении в суд требований о возмещении вреда, причиненного доведением должника до объективного банкротства.

Представляется, что эта же правовая позиция применима и к случаю, когда юридическое лицо еще не исключено из реестра, но является уже фактически недействующим («брошенным»), так как по существу экономически оно ничем не отличается от ликвидированного и нет никаких оснований уменьшать правовую защищенность кредиторов «брошенных» юридических лиц по сравнению с кредиторами ликвидированных [4].

Такая позиция нам видится достаточно разумной и справедливой, поскольку в противном случае заявитель лишается каких-либо инструментов, позволяющих защитить своё право, ввиду недобросовестного поведения контролирующих лиц.

Однако представляется интересным рассмотреть ситуацию, при которой конкурсный управляющий, конкурсный кредитор и некоторые КДЛ действуют добросовестно.

Предположим, к субсидиарной ответственности привлекаются трое бывших руководителей должника, последовательно сменявшие друг друга. При этом в качестве основания для привлечения первым двум вменяется совершение существенно убыточных сделок (пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве), а последнему помимо заключения существенно убыточных сделок также вменяется непередача документов должника арбитражному управляющему (пп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Несмотря на то, что сделки ответчиками были совершены в период их контроля над деятельностью должника, а их порочность не установлена судебным актом, очевидно, что какие-либо документы для подтверждения реальности и экономической целесообразности вменяемых сделок у них могут отсутствовать. Что вполне естественно, поскольку в силу ч. 4 ст. 29 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» бывший руководитель обязан передать документы юридического лица последующему.

Соответственно, заключительным звеном этой цепочки будет лицо, осуществляющее руководство деятельностью должника непосредственно перед введением процедуры банкротства, или лицо, в отношении которого судебным актом об истребовании установлен факт нахождения всех документов хозяйственной деятельности должника, включая первичные.

Допустим осложнена сложившаяся ситуация может быть ликвидацией некоторых контрагентов, которые являлись стороной вменяемых сделок.

Таким образом, возникает ситуация, при которой конкурсный управляющий возможно обоснованно вменяет в качестве основания для субсидиарной ответственности заключение сделок, документы по которым у него отсутствуют. В свою очередь, двое контролирурующих лиц заявляют доводы о непорочности спорных сделок, но не могут их документально подтвердить ввиду объективного отсутствия у них документов по ним. А последнее контролирующее лицо документы также не представляет.

Иными словами, ни конкурсный управляющий не может подтвердить свои доводы, ни двое добросовестных контролирующих лиц не могут их опровергнуть.

На наш взгляд, в таком случае представляется правильным переложить бремя доказывания порочности спорных сделок на конкурсного управляющего, поскольку при отсутствии документов и видимых признаков недействительности сделок возникают недостаточные сомнения в их действительности.

Кроме того, полагаем недопустимым возлагать на сторону обязанность доказывания определенных обстоятельств в ситуации невозможности получения ею доказательств по причине нахождения их у другой стороны спора, недобросовестно их не раскрывающей.

Привлечение бывшего директора к субсидиарной ответственности в связи с заключением им сделок, по которым ни у конкурсного управляющего, ни у лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, не имеется документов, противоречит принципам состязательности и целям гражданского и арбитражного законодательства.

В свою очередь, не имея документов и не проведя их анализ, конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности всех бывших руководителей должника.

По общему правилу лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений (п. 1 ст. 65 АПК РФ).

В то же время судопроизводство в арбитражных судах осуществляется на основе принципов равноправия и состязательности сторон, и суд должен обеспечить им равные условия для реализации прав на судебную защиту (ст. 8, 9 АПК РФ).

Между тем правоприменительной практикой сформирована позиция, в соответствии с которой суд определяет предмет доказывания и распределяет между сторонами бремя доказывания обстоятельств спора таким образом, чтобы оно было потенциально реализуемым ис-

ходя из объективно существующих возможностей в собирании тех или иных доказательств. Недопустимо возлагать на сторону обязанность доказывания определенных обстоятельств в ситуации невозможности получения ею доказательств по причине нахождения их у другой стороны спора, недобросовестно их не раскрывающей [5].

Таким образом, поскольку судом установлен факт неисполнения последним контролирующим лицом надлежащим образом обязанности по передаче документов должника конкурсному управляющему, а также факт непосредственного нахождения первичных документов у последнего контролирующего лица, недопустимо перекладывать бремя представления доказательств (первичной документации) по вменяемым сделкам на иных контролирующих лиц.

К аналогичному выводу также пришел арбитражный суд кассационной инстанции, направляя обособленный спор на новое рассмотрение [8,9,10].

Иной подход при распределении бремени доказывания фактически бы приводил к подмене оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. Так, доводы конкурсного управляющего при привлечении иных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по данному основанию (причинение существенного вреда) сводятся к отсутствию документов по указанным сделкам, что само по себе не может свидетельствовать об их убыточности и порочности при условии их совершения в рамках обычной хозяйственной деятельности должника.

Более того, полагаем, что контролирующее лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности на основании пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве в связи с отсутствием первичных документов по совершенным сделкам, поскольку это образует иной состав, предусмотренный пп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Таким образом, единственным верным выходом представляется освобождение контролирующих должника лиц, у которых объективно отсутствуют документы по спорным сделкам, от обязанности по документальному обоснованию своих возражений.

Резюмируя, следует отметить, что распределение бремени доказывания в спорах о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности существенно зависит от нескольких обстоятельств: самого основания для привлечения к субсидиарной ответственности, установления местонахождения доказательств и добросовестности участников спора. Мы приходим к выводу, что с целью соблюдения баланса прав и интересов лиц, участвующих в деле, недопустимо перекладывать бремя доказывания своих доводов и возражений на лицо, которое объективно не имеет возможности их подтвердить.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ; принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.; одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г.: [в ред. от 01 апр. 2025 г.] // Российская газета. — 27.07.2002. — № 137.

2. О бухгалтерском учёте: Федер. Закон от 06 дек. 2011 г. № 402-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2011 г.: одобрен Советом Федерации 29 нояб. 2011 г.: [в ред. от 12 дек. 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 50. — Ст. 7344.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федер. Закон от 26 нояб. 2002 г. № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сент. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 г.: [в ред. от 23 мая 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 фев. 2025 г. № 305-ЭС24-22290 по делу № А40-113828/2023. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 мар. 2024 г. № 303-ЭС23-26138 по делу № А16-1834/2022. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2024 г. № 304-ЭС24-10474 по делу № А45-25813/2023. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08 фев. 2023 г. № 305-ЭС20-14809(2) по делу № А40-167052/2017. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 авг. 2023 г. по делу № А45-24290/2019. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 нояб. 2022 г. по делу № А40-167052/2017. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 фев. 2024 г. по делу № А56-75752/2021. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. Сети Сиб. Ин-та упр. — фил. РАНХиГС.
11. Артемова, А. Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц: автореф. дис. канд. юр. наук: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» / А. Н. Артемова; Фед. гос. бюджет. учреждению науки Ин-те философии и права Сибирского отд-ния Рос. акад. наук. — Томск, 2022. — 31 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/zloupotreblenie-pravom-na-upravlenie-korporatsiei-so-storony-kontroliruyushchikh-ee-lits/read> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: Электрон. б-ка дис. РГБ, требуется авторизация.
12. Бычков, Н. М. Понятие контролирующего должника лица в контексте субсидиарной ответственности при банкротстве должника / Н. М. Бычков // Актуальные проблемы права: материалы VII Международной научной конференции. — СПб.: Свое издательство, 2018. — С. 20–22.
13. Гольцблат А. А., Трусова Е. А. Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России // Закон. — 2013. — № 10. — С. 49–58.
14. Груздев О. С., Артемова А. Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц: вопросы квалификации // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 461. — С. 211–217.
15. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве // Москва: Юридическая фирма Saveliev, Batanov & Partners. — 2018. — 556 с.
16. Николаев А. Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): автореф. дис. канд. юр. наук: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» дис. ... канд. юрид. наук / Николаев Алексей Радьевич. — М., 2013. — 25 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/zloupotreblenie-pravom-na-upravlenie-korporatsiei-so-storony-kontroliruyushchikh-ee-lits/read> (дата обращения: 11.07.2025). — Режим доступа: Электрон. б-ка дис. РГБ, требуется авторизация.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 36 (639) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 16.09.2026. Дата выхода в свет: 23.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.